

НОВАЯ ПОЛЬША

№2₍₆₁₎

2005

РОССИЯ ГЛАЗАМИ АРХИЕПИСКОПА ЖИЦИНСКОГО
УМЕР ГЛАШАТАЙ СВОБОДЫ

Что дало Польше вступление в ЕС

Ежи Помяновский: парадокс о рампе

Инсценировка Войцеха Семёна по рассказу Генрика Гринберга

Галина Корнилова: польская бабушка Паустовского

Жизнь и фильмы Эвы Эварт

Стихотворения Лешека Шаруги

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

«Новая Польша» в сети — это не только зеркало текущего номера. В виртуальной версии журнала Вы найдете постоянно пополняющийся архив «бумажных» изданий, а также текущие обзоры польских журналов и другие материалы, подготовленные специально для интернет-сайта.

PKO BANK POLSKI

ПОЛЬСКИЙ БАНК «ПКО»

главный спонсор

деятельности Национальной Библиотеки в 2005 году

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2(61)
2005
ФЕВРАЛЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	60-ЛЕТИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КОНЦЛАГЕРЯ АУШВИЦ А СВОБОДНЫЙ МИР НЕ РЕАГИРОВАЛ <i>Речь Владислава Бартошевского</i>	3
	Архиепископ Юзеф Жицинский РОССИЯ ГЛАЗАМИ ПОЛЬСКОГО ПАСТЫРЯ	5
	Владимир Блинков ПЕПЕЛ И АЛМАЗ	10
	УМЕР ГЛАШАТАЙ НАШЕЙ СВОБОДЫ	14
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	16
	«КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ, ИНТЕГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» <i>Фрагменты «круглого стола»</i>	23
	Данута Валевская ПОЛЬША ПРИОБРЕЛА НЕОЖИДАННО МНОГО	26
	ПОЛЬША НАС ПРИЯТНО УДИВИЛА <i>Беседа с Прадипом Митрой</i>	26
	НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ ОПАСНОЙ ЖИЗНИ <i>Беседа с Эвой Эварт</i>	30
	Ежи Помяновский ПАРАДОКС О РАМПЕ	37

	Войцех Семён МОЙ ОТЕЦ	41
	Лешек Шаруга СТИХОТВОРЕНИЯ	51
	Януш Джевуцкий О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА НЕ МОЛЧИМ	55
	Лешек Шаруга ПАМЯТЬ О «НОВОМ МИРЕ»	57
	Юлиан Волошинский СЕМЕН БЕЗДИТНЫЙ	57
	Агнешка Клёх ВЫЙТИ ИЗ ГРЯЗИ И РАЗРУХИ	60
	Галина Корнилова ПОЛЬСКАЯ БАБУШКА РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ	65
	Нина Молева-Белютина ПОЛЯКИ В МОСКВЕ ПОСЛЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ	68
	из-под спуда Антоний Кучинский АЛЕКСАНДР ЧЕКАНОВСКИЙ НА ПОЛЬСКИХ МОНЕТАХ	71
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	73
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	77
	МИФ И ИСТОРИЯ <i>Беседа с Генриком Самсоновичем</i>	80

Переводчики: А. Базилевский, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, Ю. Чайников, Е. Шиманская
 Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 5, 8, 14, 30, 36, 50), Archiwum (стр. 3, 55, 72), Архив музея-центра
 К.Г.Паустовского (стр. 65,66)

Редационный совет

Стефан Братковский
 Хенрик Возняковский
 Наталья Горбаневская
 Ежи Клочовский
 Кароль Модзелевский
 Януш Тазбир
 Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
 Наталья Горбаневская
 Никита Кузнецов
 Виктор Кулерский
 Янина Куманецкая
 Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
 Кристина Пашек (секретариат)
 Гжегож Пшебинда
 Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
 Лешек Шаруга
 Дмитрий Шевионков-Кисмелов
 (главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
 02-086 Warszawa
 Ал. Неподлежности, 213
 02-086 Варшава
 тел.: (0-22) 608 27 95; 608 25 65
 факс: (0-22) 608 25 05; 608 27 96
 e-mail: powpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
 ул. Большая Переяславская,
 д.15, кв. 49

тел.: 280-83-52
 e-mail: mik@mecom.ru

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
 Министерства Культуры
 Республики Польша

Тираж 4800 экз.

А СВОБОДНЫЙ МИР НЕ РЕАГИРОВАЛ

Речь главы Международного Освенцимского совета Владислава Бартошевского на торжествах в честь 60-летия освобождения концлагеря в Освенциме

Для бывшего узника Освенцима невообразимое и воистину волнующее переживание — выступать на величайшем в Европе кладбище без могил.

Невообразимое, ибо когда я, 18-летний поляк, в сентябре 1940 г. впервые стоял на лагерной поверке в Аушвице-I, будучи Schutzhaeftling'ом [заключенным] №4427, среди пяти с половиной тысяч других поляков — студентов, харцеров [польских скаутов], учителей, адвокатов, врачей, священников, офицеров польской армии, деятелей различных политических партий и профсоюзов, мне вообще не приходило в голову, что я переживу Гитлера и II Мировую войну, так же, как я себе не представлял, что Аушвиц — в виде Аушвица-Биркенау и Моновица — станет местом осуществления единственного в своем роде плана биологического истребления европейских евреев без различия пола и возраста.

В первые 15 месяцев существования этого страшного места мы, польские заключенные, были одни. Свободный мир не интересовался нашими страданиями и нашей смертью, несмотря на огромные усилия тайной лагерной организации Сопротивления, направленные на передачу сведений за проволоку.

Поздним летом 1941 г. в лагерь привезли полтора десятка тысяч пленных красноармейцев, и на них, а также на больных польских политзаключенных в сентябре 1941 г. испытали действие отравляющего газа «циклон-Б». Никто из заключенных не мог себе представить, что это только преступный эксперимент, преступная подготовка к геноциду, осуществ-

Ворота концлагеря Аушвиц
с надписью «Работа делает свободным»

ляемому промышленными методами. Однако этому предстояло произойти в памятные 1942, 1943, 1944 годы.

Строительство газовых камер и крематориев, их налаженная работа — всего лишь технические элементы этого дьявольского предприятия. В Польше, на родной земле Давида Бен-Гуриона, Шимона Переса, Исаака Башевиса Зингера, Артура Рубинштейна, Менахема Бегина, по решению Берлина был построен центр уничтожения ненавистных евреев.

Если поляки и русские в лагере Аушвиц-Биркенау были для немцев недочеловеками, то евреев из Франции, Бельгии, Голландии, из Германии и Австрии, из стран тогдашней Югославии, из Греции, Румынии, Болгарии, Чехии и Словакии рассматривали вообще не как людей, а как вредных насекомых. Польское движение Сопротивления информировало свободный мир, било тревогу. Правительства Великобритании и США уже в последнем квартале 1942 г. вполне ориентировались в том, что происходит в Аушвице-Биркенау, в первую очередь, благодаря деятельности польского эmissара Яна Карского, а также другими путями.

Ни одно государство в мире не отреагировало, как того требовала серьезность проблемы, на ноту министра иностранных дел польского правительства в лондонском изгнании от 10 декабря 1942 г. правительствам Объединенных Наций, призывавшую их не только осудить преступления, совершаемые немцами, и наказать преступников, но и найти способы, которые успешно воспрепятствовали бы Германии продолжать применение методов массового убийства.

Эффективных средств не нашли, да собственно и не пытались найти. А ведь в тот момент свыше половины будущих жертв были еще живы. Единственным результатом польской инициативы была короткая декларация 12 государств, опубликованная 17 декабря 1942 г. одновременно в Лондоне, Москве и Вашингтоне. В этой декларации, где, кстати, название «Аушвиц-Биркенау» не было упомянуто, правительства Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, СССР, США, Чехословакии, Югославии и Французский национальный комитет сигнализируют, что им известна страшная судьба евреев в Польше, которую гитлеровцы сделали своим главным застенком, и обещают наказать виновных в этом преступлении.

Последние оставшиеся в живых и присутствующие здесь сегодня узники Аушвица-Биркенау уже наверное не смогут почтить память жертв в следующие десятилетия. Однако они имеют право верить, что их страдания и смерть их близких обрели весомое значение для лучшего будущего всех людей в Европе и даже во всем мире, вне зависимости от их этнического происхождения или религиозного вероисповедания.

Мы хотим верить, что память о с трудом поддающейся воображению судьбе узников и жертв того места, на котором мы стоим, будет обязывать новые поколения к совместной жизни в уважении к достоинству каждого человека и активном противостоянии проявлениям ненависти и презрения к людям, в особенности ко всяческому формам ксенофобии и антисемитизма, даже когда его мошеннически именуют антисиионизмом.

Я за свою жизнь участвовал в сотнях региональных и международных юбилеев, но думаю, что такого, как этот, никогда уже не будет. Мы должны поставить себе и миру вопрос, сколько правды о страшном опыте тоталитаризма удалось нам передать младшим поколениям. Думаю, много, но все еще недостаточно. Здесь и теперь мы должны принять — как завещание уже уходящих узников — решение о создании Образовательного центра по Освенциму и Катастрофе.

Могилы заставляют каждого нормального человека задуматься. Но здесь нет могил. Значит, на месте совершения этого немыслимого преступления размышление должно преображаться в особую ответственность, в прочную память о том, что произошло. Закончу словами из Книги Иова, равно важной для иудеев и христиан: «Земля! Не сокрой крови моей, и да не знает покоя мой вопль!»*

* Пер. С.Аверинцева

**Архиепископ
Юзеф Жицинский**

РОССИЯ ГЛАЗАМИ ПОЛЬСКОГО ПАСТЫРЯ

Когда пишешь о России, можно сосредотачиваться на самых разных вопросах, в зависимости от того, что изучаешь — культурные и религиозные аспекты или же общественно-политические. Я хочу говорить о первых и лишь в минимальной степени сигнализировать те политические явления, которые влияют на духовную жизнь и религиозные позиции российского общества. В основе моих размышлений лежат поиски диалога в сфере веры и культуры, независимо от меняющихся политических программ и деклараций. Важно, чтобы нынешняя восточная граница Евросоюза не стала новой Берлинской стеной. Поэтому необходимо противодействовать созданию культурных границ, которые будут подчеркивать различия между Россией и остальной Европой. А с другой стороны, важно последовательно ликвидировать те горестные явления, в которых критерием российского самосознания неизбежно служил патологический способ отправления власти, введенный Лениным.

КУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ ДИАЛОГА

Если из достояния всемирной культуры вычеркнуть шедевры русских авторов, мы оскудеем, потеряв великих классиков литературы, духовности, метафизики. Вопросы о зле, совести, вине, которые ставили герои Достоевского, возвращаются во все новых поколениях и в разных культурных кругах. Уже попытка найти на них ответ представляет собой отражение определенной концепции человека как существа этического, не останавливающегося на прагматических интересах, которые облегчают победу в биологической борьбе за существование. Эта классическая открытость русской культуры к всечеловеческим ценностям идет рука об руку с присущей Востоку высокой оценкой духовного измерения человеческого бытия. Мы находим это как в русской монашеской традиции, показывающей важность созерцательного подхода к жизни, так и в высказываниях знаменитого режиссера Андрея Тарковского о необходимости свидетельствовать о христианской вере в современном мире. Специфика этого подхода так важна для полного развития человека, что Иоанн Павел II неоднократно повторял: долг нашего поколения — координировать функционирование «двух легких»: рациональной традиции Запада и созерцательного подхода Востока.

Иной тип эмоциональности, господствующий на Востоке, играет решающую роль в специфике тамошнего подхода ко многим областям культуры — специфике, на которую Запад реагирует восхищением, сопутствующим открытию нового мира. Андре Жид, демонстрирующий во французских реалиях прямо-таки ностальгическую тоску по новой поездке в Россию, показывает эту специфику, в которой неповторимо — словно в музыке русских

композиторов — сплавляются воедино размах огромных пространств, колорит славянской эмоциональности, задумчивая меланхолия размышлений над мистерией мира. Можно было бы задавать вопрос, не составит ли сегодня эта культура серьезной альтернативы культурным предложениям Запада, если бы в истории России не появились трагические по своим последствиям прожекты, выдвинутые Лениным и его большевистскими продолжателями. Ленин со своей концепцией «нового советского человека» распространил на культуру идеологическое понятие классовой борьбы. Он же поручил Надежде Крупской убирать из библиотек труды классиков — Платона, Фомы Аквинского, Декарта, Канта. Горестные последствия этого подхода по сей день проявляются в общественных чувствах, особенно в позиции отрицания «гнилого Запада» и недоверия к нему.

Ленинская патология оставила неизгладимый след трагизма в русской культуре. Символом этого трагизма останутся колымские лагеря и книги Солженицына. Понятно, что в культуре Европы XX века много внимания уделяется тому варварству, символом которого остается Освенцим. Однако варварство под знаком Колымы тем более трагично, что идеологический фанатизм в нем был обращен и против своего народа и вносил понятие классового врага даже внутрь семей, связанных общностью крови и чувств. Свидетельства о тех годах, сохраненные выжившими в лагерях, должны стать горьким уроком гуманизма для всего мира. Они показывают, как легко можно преобразить прометейские мечты о социальном освобождении в тоталитарную систему, построенную на презрении к человеческой личности. Поэтому трагический опыт России XX века несет важное обращение ко всей человеческой семье. Осознание российских драм позволяет нам лучше понять суть европейской культуры.

ХРИСТИАНСТВО ПОСЛЕ ЛЕНИНИЗМА

Памятуя о трагедии России в прошлом веке, легко впасть в ложное представление о современных россиянах, видя все общество духовными наследниками Солженицына или о. Александра Меня. Между тем период коммунизма оставил глубокие следы в психике. Когда на Западе, давая этому негативную характеристику, говорили о *homo sovieticus*'e, в России сам автор этого термина Александр Зиновьев, логик, отчасти близкий кругам диссидентов, доказывал, что Запад не способен ни понять суть русской души, ни объективно представить то, что составляет специфику российских традиций.

Такого мнения не защитишь, утверждая, что Россия нуждается в особой этике или же в собственном варианте прав человека. Зато возможен подход, при котором в иерархии ценностей смещены некоторые акценты с учетом специфики российского опыта. Помню, как после одного из интервью, которые я давал в Москве радиостанции, обращаясь в основном к интеллигенции, меня попросили, чтобы в следующем интервью я не пользовался прилагательным «экуменический». Я спросил, почему. Мне объяснили: «Многие наши слушатели считают, что этот термин прежде всего отражает политкорректность». Могу допустить, что в основе этой просьбы лежал какой-то локальный опыт: кто-то, прославляя экуменизм, сам вел себя не слишком экуменически. Я старался понять намерения моих хозяев и отнестись к ним с уважением. Однако такое уважение невозможно, когда суть русской души пытаются определять в категориях, разработанных Лениным и ленинской партией большевиков.

Проявлением не критического оптимизма было бы ожидать, что ленинский этап окончательно миновал, не оставив заслуживающих внимания следов даже в подсознании граждан. Лично я высоко ценю роль русской интеллигенции, которая старается противодействовать культурным реликтам ленинизма. Я высоко ценю представителей науки, журналистов, деятелей культуры, с которыми мне довелось встречаться в Москве и Петербурге на собраниях, посвященных преодолению духовных заболеваний, которые оставил коммунизм. Помню, как я взволновался, узнав, что одна из участниц встречи, посвященной современной духовности, специально приехала из-за Урала, проехав более двух тысяч километров. Однако наше волнение не должно заставлять нас уходить от вопросов о статистических показателях веры и ни в коем случае не уполномочивает пренебрегать положением, при котором ленинский стиль мышления встречается даже внутри христианских общин.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ ИЛИ КЛАССОВАЯ БОРЬБА?

Ведя поиски новых форм сотрудничества с Востоком, проводя научные конференции в Люблинском католическом университете, мы стараемся приглашать богословов с территории бывшего СССР. На протяжении нескольких лет лучше всего развивалось сотрудничество с Минским гуманитарным университетом, где богословский факультет возглавлял митрополит Филарет. Этот университет основали белорусские круги сторонников независимости в момент памятного августовского путча 1991 года. Сравнительно независимый университет просуществовал до августа 2003 г. и был ликвидирован указом президента Лукашенко. В настоящем положении попытки польской Церкви развивать диалог, выходящий за границы Евросоюза, предпринимаются скорее на уровне личных контактов, нежели связей между учреждениями. Их проявлением остается участие молодежи из России в польских паломничествах в Ченстохову или участие русских детей в совместных летних лагерях, организуемых церковной благотворительной организацией «Caritas» («Милосердие»).

С большой надеждой и сочувствием я наблюдаю за воздвижением культурных мостов сотрудничества, которым занимаются редакция и сотрудники журнала «Новая Польша». Его главный редактор Ежи Помяновский, восемь лет своей жизни проживший в России, представляет линию диалога культур, которая весьма близка папской метафоре о двух легких. С доверием смотрю я и на предпринимаемые в других странах попытки преодолеть ленинскую враждебность к Западу. Важный фактор, связующий русских исповедников православия и католиков из Северной Италии, — поклонение св. Николаю Чудотворцу, прах которого покоится в кафедральном соборе итальянского города Бари. Президент Путин передал в дар жителям Бари монументальный памятник св. Николаю и высеченные в бронзе слова о духовной близости российских и итальянских почитателей святого. Текст написан по-русски и по-итальянски, и его с интересом читают не только туристы, но и верующие, направляясь в собор на Божественную литургию. Скептики прибавляют свой комментарий: интересное знамение времени, по их мнению, состоит в том, что текст, прочтенный прямо перед участием в евхаристическом богослужении, подготовлен бывшим офицером КГБ. Важнее, однако, то, что подобные символы позволяют преодолевать реликты ленинской ментальности и искать общие ценности, связывающие католичество и православие, культуру Востока и Запада.

Многое для содействия сближению двух великих традиций делает архиепископ Венский кардинал Шёнборн. Несколько лет назад, отыскивая новые пути диалога, кардинал Шёнборн вместе с Патриархом Алексием принял участие в экуменическом богослужении в одном московском храме. В то время как собравшиеся в храме верующие молились о духе единства, на улице проходила демонстрация, протестовавшая против допуска еретиков в православные храмы. Демонстрацией руководила темпераментная активистка, которую собравшиеся на улице зрители окрестили «Пассионарией». Выходя из храма, заинтригованный кардинал спросил, кем была «Пассионария» раньше, когда еще не устраивали экуменических молебнов католиков и православных. И услышал в ответ, что она была секретарем то ли райкома, то ли еще какого-то комитета КПСС. Мы видим весьма печальный феномен: религиозные ценности переживаются в категориях, близких партийным идеологам и активистам.

Это случай отнюдь не единственный. Можно привести подобные примеры событий, происшедших восемь лет спустя, когда российские власти не дали согласия на то, чтобы родившийся в Польше епископ Ежи Мазур вернулся в свою Иркутскую епархию из заграничной поездки. В поддержку решения властей проводились уличные демонстрации, где идеологические лозунги решительно господствовали над религиозными. Один журналист задал тогда участникам такой демонстрации вопрос: «Почему вы конкретно против возвращения епископа Мазура?» — «Потому что он с Запада». — «А почему это, на ваш взгляд, так важно?» — «Потому что Запад — это растление и благополучие».

Выход из нынешнего тупика в диалоге с православием может оказаться крайне нелегким, если возвещению Евангелия Иисуса Христа будут стараться задать тон люди с ментальностью вождя большевиков. Развивавшееся ими в течение 70 лет идеологическое запугивание Западом оставило в широком общественном сознании мощные барьеры, которые функционируют не хуже Берлинской стены. Разрушить эти барьеры будет труднее, чем ту стену. Среди факторов, которые затрудняют построение единства, нужно также назвать действующее по сей день во многих кругах отождествление религи-

озного с национальным. Особенно вредны для диалога примитивные лозунги типа «Поляк — католик», «Русский — православный», «Индус — индуист». Ситуация становится еще запутанней, когда религиозное содержание заслоняется «фольклором», выдержанным в духе партийных лозунгов. Независимо от встречающихся трудностей следует в духе Тайной вечери осуществлять Христово желание, «чтобы были все едино» (Ин 17,22). Надо также поддерживать живое сознание того, что диалогу культуры и экуменическим поискам единства нет никакой серьезной альтернативы.

ПРИОРИТЕТ ЕВАНГЕЛИЯ НАД ЗАКОНОМ

В широко функционирующих схемах открытый к духовному Восток противопоставляют равнодушному, сытому Западу. Возможно, такое противопоставление удалось бы поддержать на метафизическом уровне, считая, что на востоке Европы существует естественная устремленность к Богу, которую труднее увидеть на Западе, где господствуют потребительство и погоня за успехом. Однако статистика в своем красноречии безжалостна.

Статистические данные по Западной Европе свидетельствуют, что число католиков, регулярно участвующих в воскресной Божественной литургии, остается там на уровне 1%. Из сведений, которые я получил от православных, следует, что на Светлое воскресенье 2003 г. в Москве насчитали 83 тыс. участников пасхальной литургии. Принимая во внимание, что население Москвы составляет 11 млн. жителей, это дает по-

казатель 0,75% — куда ниже, чем показатели Западной Европы, если вдобавок учесть, что на Пасху в церковь ходят даже те, кто не ходит туда регулярно.

На это тревожное красноречие цифр я обратил внимание во время одной европейской экуменической встречи. Я предлагал тогда вести экуменическое пастырское взаимодействие, особенно в сфере культурных перемен: круги, недавно подвергавшиеся идеологической индоктринации, теперь оказались в совершенно другой атмосфере, где религиозные и общечеловеческие ценности разрушает погоня за успехом, подчиненная только законам свободного рынка. В таких обстоятельствах следует объединить усилия, чтобы осуществить Христов завет о долге проповедовать Евангелие всей твари (Мк 16,15). В нынешней пастырской практике слова Христа надо решительно поставить выше юридических теорий о «канонической территории» или взаимных обвинений в прозелитизме. Если мы этого не сделаем, история оценит нас весьма сурово за то, что мы не распознали важных знамений времени, когда Христос нуждается в современных апостолах, а не в сторонниках устарелых теорий, выработанных в общественно-культурном контексте, отличающимся от условий современного мира.

В ответ на мои аргументы было развито довольно справедливое объяснение, согласно которому социологическая статистика не в состоянии отразить всю глубину религиозных переживаний. Ибо русский народ устремляет всю свою жизнь к религиозным ценностям, независимо от каких бы то ни было эмпирических обследований. Никакие опросы и анкеты не в состоянии учесть глубочайших религиозных побуждений. Поэтому нет объективных причин драматизировать при оценке религиозных позиций общества, которое сумело пережить этап государственного атеизма.

Стараясь не драматизировать, я все-таки считаю, что существуют серьезные основания полагать, что сегодняшнее культурное положение бывших коммунистических стран бросает нам, пастырям, особый вызов. Разделяя надежду на то, что как действие благодати Божией, так и глубочайшие религиозные побуждения могут оказаться куда более оптимистическими, чем это вытекает из статистики, я еще раз обратился к эмпирическим данным, которыми пастырям нельзя пренебрегать. Московская статистика разводов, прерывания беременности, семейных кризисов ужасающа. Тревожат также лишь частично публикуемые показатели заражения ВИЧ-инфекцией. Вынесенное из коммунистических времен употребление самогона, т.е. алкоголя, производимого подручными средствами, как всеобщего наркотика несет с собой множество проблем, требующих особой заботы. Эти проблемы существовали и в других республиках бывшего СССР; ложная антропология ленинизма выражалась там в система-

тическом уничтожении общечеловеческих ценностей. Противодействие нравственному опустошению требует ныне интегрированного взаимодействия многих разных кругов — взаимодействия, похожего на то, которое сопутствует землетрясениям или эпидемиям.

Пастыри из Польши, отправляющиеся с помощью на Украину, встречаются там с пониманием и готовностью к сотрудничеству как гражданскими властями, так и православным духовенством. Безосновательными оказались первоначальные опасения, что они будут колонизировать или ностальгически ссылаться на довоенные времена, когда Западная Украина принадлежала Польше. Профилактические страхи развеяло время, и оказалось, что в новых реалиях пастырского окормления общность веры, порожденная водой святого крещения, намного важнее этнической общности, порожденной кровными узами. Проблемой, которую надо решить, остаются поиски подобных форм сотрудничества в других частях бывшего СССР. В ходе этих поисков следует преодолевать предубеждения и прилагать старания, чтобы христианство не рассматривалось инструментально — как средство достижения политических целей, но чтобы Христос становился высшей личной ценностью у современных потомков Достоевского и Толстого.

НАДЕЖДА СИЛЬНЕЕ СТРАХА

Вне зависимости от трудностей, появляющихся при попытках диалога с русским православием, следует ценить каждый позитивный шаг в надежде, что он может принести важные последствия в деле евангелизации. Как подтверждение этого правила вспомню о московском профессоре Юлии Шрейдере. Открыв для себя христианство, он своим энтузиазмом так сильно воздействовал на своих друзей, что и восемь лет спустя после его смерти я постоянно встречаю людей, обязанных Юлию своими первыми религиозными шагами. Будем надеяться, что он не был единственным свидетелем веры в своем кругу.

Культурные различия иногда могут порождать скептицизм: имеет ли смысл диалог, в котором появляются фольклорные элементы, чуждые западному складу ума? В то время как в западных странах нередко повторяют лозунг: «Бог — да, Церковь — нет», мэру Москвы приписывают его российский аналог: «Церковь — да, Бог — нет». В первый момент это выглядит экзотикой. Но, подумав, обнаруживаешь, что его автор еще не дошел до того, чтобы признать Бога, зато признаёт Церковь как общину, участвующую в жизни общества. В целом такой подход честнее, чем у тех, кто без всякого убеждения принимают крещение только потому, что вокруг них все, кто рвется на роль нового общественного авангарда, уже крестились.

Из всех опасностей, которые грозят подлинному диалогу культур, особенно серьезной я считаю идеологизацию христианства, выражающуюся во включении политических идей даже в церковную молитву. Помню одну встречу в Петербурге, где молитва по-польски кончалась призывом: «Мария, Царица великой России, молись о нас!» Не знаю, какая концепция великой России была у авторов этого призыва. Однако на мгновение меня охватил страх, не окажется ли случайно Люблинская епархия, граничащая с Украиной, тоже включена в великую Россию и мне уже незачем будет возвращаться домой. По счастью, христианская надежда сильнее страха — в том числе и страхов перед новыми вызовами времени великих перемен, в которые Христос посылает нас как свидетелей евангельского единения.

Владимир Блинков

ПЕПЕЛ И АЛМАЗ

Почему у России и Польши пока не получается «дружить домами»

На днях я ошибся телефоном, и мой варшавский собеседник, учуяв русский акцент, неприязненно констатировал: «Не туда попал, товарищ!» Пришлось заметить, что «товарищем» никогда не был, ибо в КПСС не состоял. Голос в трубке заметно оттаял: «Одним грехом мней (меньше)». В другой раз, разыскивая малознакомый переулок, справился у пожилой дамы, как лучше пройти, и та с иронией изрекла: «Советское посольство не там...» Ну и еще один факт для раздумий: в нынешней Польше на постоянной основе, с видом на постоянное жительство проживает около 500 россиян. На порядок меньше, чем, скажем, вьетнамцев.

Польша — граница!

Что же случилось с нашей соседкой, с которой в советское время «дружили»? За последние полтора десятилетия — много чего. Запальчивые предсказания в начале 80-х годов наиболее радикальных деятелей «Солидарности» о том, что наступят времена, когда «коммуныки будут выпрыгивать из окон пылающих обкомов», на счастье, не сбылись. Демонтаж «реального социализма» произошел мирно, путем уступок, за столом переговоров. В бывшем здании ЦК ПОРП ныне расположились «капиталисты».

С коммунистическим наследием поляки расправляются свирепо. Люстрации (политическому «просвещиванию») на предмет сотрудничества со спецслужбами во времена ПНР подвергаются, например, все без исключения высшие чиновники. «Засветившимся» век поста «главначпуца» не видать. Даже президента не пощадили.

Пишу об этом для того, чтобы непосвященный читатель представил себе накал отношений поляков к «коммунякам». И это к своим. А что уж говорить про «чужих», особенно российских. Для поляков коммунизм — это ГУЛАГ. Это вторжение Красной Армии 17 сентября 1939 года на территорию Польши вслед за гитлеровской Германией. Это сателлитный статус «младшего брата» в социалистическом лагере, затормозивший почти на полвека демократическое и экономическое развитие страны.

И, надо сказать, Россия, ведущая себя порой по отношению к «Польше — не за границе», как слон в посудной лавке, подогревает фобии поляков.

Неизвестная война

Колоритный образец подобного недомыслия — попытка «цыкнуть» на Варшаву, готовившуюся отметить 60-летие вторжения Красной армии на территорию Польши. МИД РФ выдал свою версию: действия Кремля, мол, были продиктованы «не столько стремлением захвата чужих территорий, сколько необходимостью обеспечения безопасности СССР». Согласно этой логике, писали ошестившиеся польские СМИ, «отец народов», огрев ни в чем не провинившегося соседа дубиной, действовал в «профилактических целях»! Добавим, что 22 июня 1941 г. эти территории вовсе не спасли Красную армию от наступления немцев.

Речь идет, поясню, о самых неврологических для Польши событиях, которые по сей день трактуются в российских учебниках и энциклопедиях как «освободительный поход Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину». В дискуссиях поляки непременно спросят: от кого же освобождалась отхваченная таким образом половина довоенной Польши, если Сталин заключил договор о ненападении (23 августа 1939 года) с «лучшим другом советского народа» Гитлером? Не случайно же будущий генералиссимус после захвата в плен 125 тысяч солдат и офицеров Польши (с которой у СССР тоже был заключен договор о ненападении), 40 тысяч из них передал немцам, а остальные «разместил» в просторном ГУЛАГе...

Катастрофические последствия «братания» с фашистской Германией и для самого СССР признают, впрочем, ныне и российские историографы:

«Гитлер смог развязать Вторую мировую войну в самых благоприятных для Германии условиях, избежав на начальном ее этапе действий на два фронта. Советский Союз был не только ввергнут в положение стороннего наблюдателя, но и превратился в *соучастника* (выделено мною. — В.Б.) фашистской агрессии в Европе. Был нанесен колоссальный ущерб антифашистской борьбе, движению Сопротивления. Советский Союз оказался накануне нападения фашистской Германии 22 июня 1941 года в международной и военно-стратегической изоляции».

По случаю «совместной с Гитлером» победы над Польшей Молотов исполнил циничный канкан: достаточно, мол, было немецкого «блицкрига», а затем «советского удара», чтобы от «ублюдка Версальского договора (то есть польского государства. — В.Б.) ничего не осталось»...

Механику сговора между «коричневой» и «красной» чумой поляки знали и в советские времена. А в демократические — и подавно...

После бурной реакции поляков на великодержавное «сообщение» внешнеполитического ведомства России пошла на попятную. Мол, злополучный документ явился плодом «неразумного свехусердия» безмянных мидовских чиновников. Поляки усмехались: с каких это пор столь ответственные заявления в России отдаются на откуп «референтам»? А через несколько месяцев полтора десятка дипломатов из российского посольства в Польше срочно паковали чемоданы: Варшава признала их персонами «нон грата». И пусть кто-нибудь докажет, что между фатальным «сообщением» российского МИДа и выдворением из страны невиданного дотеле количества «посольских» нет причинно-следственной связи...

Что же касается подавляющего большинства россиян, то они, увы, продолжают путать Катынь с Хатынью, а сведения о трагических перипетиях «присоединения» Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР — черпать из учебников сталинского образца. «Когда началась Вторая мировая война?» — с таким вопросом к россиянам обратились московские социологи. Подавляющее большинство опрошенных ответило: 22 июня 1941 года. О гитлеровском нашествии 1 сентября 1939 г. на Польшу знают немногие. О вторжении Красной армии спустя 17 дней на ту же территорию, только с другой стороны (поляки именуют этот военный поход «ударом в спину»), ведают «ноль сотых» процента.

Да если честно, их это и «не колышет»

А поляки недоумевают: как можно забыть об этой трагедии, не восстановить до сих пор историческую справедливость?! Для них, у которых каждый соотечественник на счету, это незаживающая рана. По сей день в Казахстане проживает около 100 тысяч семей поляков, вывезенных в скотских «теплушках». И «Сибирская Полония» тоже не мала. А главное — Катынь, Осташков, Козельск, Старобельск, Медное, где в течение 1940 г. НКВД расстреляло 22 тысячи поляков. Не только пленных офицеров, но и гражданских лиц, священнослужителей — цвет нации.

Полвека Кремль скрывал это преступление, признанное только при Горбачеве. И лишь на недавней встрече Квасневского с Путиным в Москве российский президент пообещал, что последние 96 засекреченных томов о Катыни будут переданы польской стороне.

«Следствие закончено. Забудьте!»

Это означает, что Москва закончила вялотекущее на протяжении почти полутора десятка лет следствие по Катыни, признав виновными в истреблении поляков 7 (семерых) исполнителей, которых давно уже нет в живых. Варшава же убеждена в причастности к преступлению не менее 2 тысяч военачальников, политруков и рядовых палачей. Причем польская сторона настаивает, что это деяние должно быть квалифицировано как военное преступление и геноцид, т.е. не подлежит сроку давности.

И потому, получив из Москвы заключительные тома «Катынского дела», польский государственный Институт национальной памяти намерен продолжить следствие. Не исключено, что в качестве свидетелей будут допрашиваться и граждане России. Если, конечно, позволит Москва, с плохо скрываемым раздражением воспринимающая попытки бывшего «младшего брата» «копаться в исторической пыли».

В самой России неприкаянный пепел жертв коммунистического ГУЛАГа до сих пор стучится в кремлевские стены. Однако огромная часть жертв сталинизма все еще даже не реабилитирована. Горестные строки из «Реквиема» Анны Ахматовой «Хотелось бы всех поименно назвать» так и остаются для именующей себя демократической России лишь поэтической метафорой, не больше.

Поляки же (и отнюдь не только историки) в стремлении «назвать поименно» каждую жертву преступных репрессий неутомимы. По словам членов многочисленного в Польше объединения семей погибших в Катыни, дело не в денежных компенсациях, чего опасается Москва (немцы, кстати, аккуратно расплачиваются за свои преступления, выплачивая полякам довольно значительные суммы), а в элементарном торжестве справедливости. Чтобы черное было черным, преступление — преступлением, зло — злом.

И нет сомнения, что без этого расчета с прошлым «Катынская тень» так и будет незримо маячить в отношениях Польши с Россией — как «в верхах», так и в контактах обыкновенных граждан.

В недавно проведенном в Польше анкетировании был вопрос: «Считаете ли вы, что Россия должна испытывать чувство исторической вины перед Польшей?» Около 60% опрошенных ответили: «Да».

Мелочи жизни

Однажды, припозднившись на службу в РИА «Новости», я трусой пересекал двор агентства, не особо озираясь по сторонам. И неожиданно почувствовал в ребрах инородное тело. Сориентировавшись, понял, что здоровенный амбал молча вдавил в меня локоть, затормозив опрометчивое, как оказалось, передвижение. В 50 метрах из подъезда для «випов», очевидно

после пресс-конференции, выходил кто-то из правительственных зампредов, которого и охраняли молчаливые «гориллы»...

Перечень каждодневных российских унижений и обид — не только от власти, но и друг от друга, по «горизонтали», — у каждого из нас, вне всякого сомнения, нескончаем. Такой уж современный социум: локтями в стороны. У поляков не так. Здесь, за очень редким исключением, не рявкнут «А ну, вылазь!», как хамоватый таксист на героиню Барбары Брыльской (на Новый год этот «культурный» фильм в России показали вновь). В польской дублированной версии непонятная нормальному человеку озлобленность смикширована: « Попрошу выйти ».

В польских магазинах — это общеизвестно — благодарят за покупку. Сдачу при расчете можно не пересчитывать, на рынок ходить без безмена. Водители уступают дорогу пешеходам. А женщины не шарахаются в сторону от прущего напролом « сильного пола »...

« Во, блин, цацки ! » — усмехнется отечественный « васёк ». И будет неправ: именно из таких мелочей, а точнее нюансов, и складывается наша жизнь. Либо не складывается, несмотря на непрерывное преодоление « временных трудностей ».

« У русских есть очень симпатичная черта — непосредственность, нередко, увы, переходящая в бесцеремонность », — написал в анкете варшавский респондент. Со стороны, наверное, виднее. И, право же, « на зеркало неча пенять ».

В польских СМИ на России порой сухой нитки нет: криминал, коррупция, убийства... Только где здесь следствия, а где причины? Польская журналистика достаточно корректна в смысле ссылок на первоисточники. А первоисточники таковы: « Криминальная Россия », « Бандитский Петербург », « Выстрел в журналиста », « Против мафии », « Фильм ужасов »... Вот только некоторые типичные для России телефильмы за недавнюю неделю.

Министр экономического развития и торговли Герман Греф (он в ноябре был с визитом в Варшаве) признаёт: « Каждый, кто обманывает государство, в России считается национальным героем ». В Польше не остался незамеченным и специфический президентский сленг: « Путина бояться — в сортир не ходить », — с удовольствием говорят поляки.

Запятая для бизнесмена

А что, в Польше пороков нет? Как же, в наличии. Дня не проходит, чтобы кого-нибудь не уличили, скажем, в мздоимстве. В беседе со мной уполномоченный по защите частных предпринимателей (единственное в мире независимое от государства учреждение подобного рода) Войцех Блащик признал: взяточничество в принципе неискоренимо. Однако уровень коррупции может быть разным. Допустим, 9% — и 90. Почувствуйте, как говорится, разницу.

Не знаю, на сколько процентов « тянет » в Польше мздоимство, но каждый случай вызывает огромный общественный резонанс. Только что, например, спецслужбы арестовали депутата сейма Пэнчака. « Всего-то » получил в качестве взятки от состоятельного бизнесмена автомобиль « Мерседес ». Мгновенно исключен из партии, лишен депутатской неприкосновенности и, нет сомнения, будет осужден на « полную катушку ».

Пример из другой сферы. Как-то в отдаленном селе старикам задержали пенсию на месяц. Все СМИ ополчились на виновников, « полетели головы »...

В России, и полякам это хорошо известно, за подобные « мелочи » не карают. Нет там своих уполномоченных Блащиков, требовательного профобъединения « Солидарность ». Зато есть угодливые « защитники прав » и прикормленные профсоюзы. Но это все следствия.

А главная причина такова: в России, криминальными зигзагами перескочившей из болота « экономной экономики » в « прихватизационный рынок », не формируется надежда и опора любого гражданского общества — **средний класс**. В наличии разве что тончайший его слой, не делающий погоды. 99 же процентов из нас не подпадают под эту « системообразующую » категорию. Ведь современная социология толкует « средний класс » как самодостаточных граждан, способных жить на ренту, сбережения (в основном, на проценты от банковских вкладов).

В Польше уже есть — и реализуется — возможность « жить на проценты ». По крайней мере, около 3 миллионов предпринимателей и бизнесменов — зажиточные люди и могут позволить себе такую « фроскошь ».

Бич страны — высокая безработица. Но со вступлением в Евросоюз и эта проблема значительно упрощается. Во-первых, создаются новые рабочие места на открываемых совместно с иностранцами предприятиях в самой Польше. Во-вторых, работа по контрактам в более зажиточных странах ЕС. Уже сейчас, до грядущего присоединения Польши к полностью безвизовой Шенгенской зоне, скажем, Великобритания и Швеция охотно принимают на работу квалифицированных и заботливых польских медсестер.

Польские власти, правда, обеспокоены утечкой высколенных кадров. Но и тут выход есть — « затруднять » восточных соседей. Вскоре в польских больницах вместо традиционного « Як се пан (пани) ма? » мы услышим « Как вы себя чувствуете? » — прогнозирует « Газета wyborcza ».

Что же касается крепнущего у нашей соседки среднего класса, то на этом самом продвинутом общественном слое и намерена Польша « въезжать » на равных в ЕС. Правда, до « равенства » с самыми зажиточными европейскими странами ей еще далековато (жизненный уровень здесь средний, средняя зарплата — около 500 долларов). Однако ВВП растет (в этом го-

ду ожидается на уровне 6%), а инфляция исчисляется только одной цифрой. Как следствие, крепнет национальная валюта: злотый достиг небывало высокого курса по отношению к доллару за всю историю «польского капитализма».

А ведь подобное восхождение по нарастающей не возбраняется и нашей стране. Однако у поляков, и не только, впрочем, у них, складывается впечатление, что у ее восточной соседки предпринимателей давят на корню. Не с богатством надо воевать, а с бедностью, убеждает автор оздоровившей Польшу «шоковой терапии» Лешек Бальцеревич. «Укрощение» ЮКОСа и других предпринимательских структур свидетельствует об этом, пишет польская пресса.

А конкретно о своем десятилетнем уже «невезении на Востоке» рассказал мне глава польской фирмы «Эсан» Эугениуш Сологуба. В начале 90-х начинал он как «коробейник»: за радиотоварами ездил в Сингапур, Гонконг, Турцию, а продавал в Москве. Долго не продержался. «Простая задачка: если в торговую зону заезжает контейнер, законопослушно прошедший таможенный контроль, и девять „левых“ контейнеров, то кто победит в этой неравной конкурентной борьбе?» — риторически вопрошал варшавский бизнесмен. В середине 90-х он переключился на производство «коровок» (старшее поколение наверняка помнит эту послевоенную — дешевую и вкусную — карамель). Но снова несчастье — рэкет. Теперь добывает древесину на экспорт в Красноярском крае. Пока «наездов» удастся избежать...

О неведомых миру российских слезах мог бы, наверное, поведать едва ли не каждый польский предприниматель, ищущий профит в «непонятной для ума» России. Что и говорить, российский рынок огромен, но бестолков и каверзен. Нормативные акты составлены, будто нарочно, по принципу «казнить нельзя помиловать». Причем исключительным правом на «заплату» обладают столоничальники всех мастей — конечно же, не безвозмездно.

До сих пор Россия не ратифицировала соглашение с Польшей о поддержке и защите взаимных инвестиций. Для сравнения: между Польшей и Германией та-

кой режим «инвестиционного благоприятствования» установлен уже давно. В результате за последние десять рыночных лет польские бизнесмены «вложили в Россию» лишь 90 млн. долл., что сопоставимо, скажем, с инвестиционными вливаниями Польши в таком далеком и неизведанном крае, как Колумбия. Несмотря на привлекающую емкость, российский рынок для Польши продолжает занимать только 10-ю позицию в экспортном реестре.

С чего начинается родина

Тем не менее Польша зависит от России. В топливных «жилах» страны циркулирует 70% российской нефти, 90% российского газа. В феврале нынешнего года эта зависимость отчетливо проявила себя: «Газпром» взял да отключил поставки в Польшу на сутки. Вот уже который год Варшава ищет альтернативу «энергоносителям с Востока». Но пока не находит.

Однако если взять более широкий контекст, то и Россия зависит от Польши. Ибо Запад для нее начинается именно здесь. Многие политологи уверены, что российские корни — в Европе. Славянские корни обеих наших стран подразумеваются сами собой.

В ноябре Греф и его польский коллега Хауснер подписали в Варшаве соглашение об экономическом сотрудничестве между Россией и Польшей, призванное облегчить взаимовыгодные контакты. В стадии амбициозного проекта — грузовой железнодорожный «транзитный коридор» из Азии через Россию, Украину и Польшу в Европу.

Только что создана (ох, уж сколько их было!) двусторонняя комиссия, которая должна приступить к работе будущей весной. А в январе для участия в Краковском польско-российском экономическом форуме намечается приехать президент Путин.

Незаменим и иной «полпред» — искусство. Когда в Варшаву на «пару часов» выбираются, скажем, Ростропович, Вишневецкая или Евгений Кисин — поляки носят их на руках. То же самое, впрочем, относится к любому россиянину, хорошо понимающему Польшу, уважающему ее традиции и лишенному имперской спеси. Тем более, что и империи-то давно уже нет.

УМЕР ГЛАШАТАЙ НАШЕЙ СВОБОДЫ

«Человек-эпоха» — такое определение зачастую попадает в статьи и комментарии, посмертно перечисляющие заслуги выдающихся личностей, великих граждан своей страны, патриотов. «Человек-эпоха» — звание чрезвычайно почетное. Однако чрезвычайно редко уходит из жизни человек, для которого слово «эпоха» оказалось бы явно недооценивающим сыгранную им историческую роль.

Ян Новак-Езёранский — несколько эпох в истории Польши и Европы. Пожалуй, целых два века. Если принять, что самое короткое в истории человечества столетие, XX-е (начавшееся выстрелом в Сараеве), закончилось, когда рухнула Берлинская стена, то скончавшийся на 92-м году жизни великий поляк принадлежал и к XXI веку. Ибо Ян Новак был одним из архитекторов, строителей и, наконец, одним из первых критиков нового столетия.

Человек не одной эпохи умер в ночь с 20 на 21 января. Все сознательные годы его активной и отважной жизни — это годы, отданные Польше и ее свободе, Европе и ее демократии. И еще одной, основной ценности: «Вся жизнь Яна Новака-Езёранского была связана со службой правде. Он нес эту службу с честью, серьезностью и чуткостью к человеческим нуждам», — подчеркнул Папа Иоанн Павел II в телеграмме, отправленной к похоронам усопшего.

Сентябрьской кампании 1939 года биография Езёранского — это биография борца. С 1943-го — борца и курьера. «Леген-

дарный курьер из Варшавы» — такова была увертюра множества сообщений в средствах массовой информации уже независимой Польши.

«“Быть курьером” стало для Новака своеобразной экзистенциальной ситуацией, реализуемой в самых различных своих видах и обстоятельствах», — пишет о Новаке-Езёранском профессор Анджей Романовский в «Газете выборчей». Фамилия Новак фигурировала в поддельных документах Езёранского, пробиравшегося через линии фронтов, перевозившего в Варшаву корреспонденцию особого значения от польского правительства в изгнании и передававшего в Лондон рапорты Армии Крайовой о положении в оккупированной стране. А поскольку курьером Езёранский не перестал быть никогда, то и остался навсегда Новаком-Езёранским.

«Курьером, хотя и неформальным, Новак был и на дальнейших этапах жизни, — пишет профессор Романовский. — Он выполнял эту роль прежде всего как директор польской секции радио “Свободная Европа” в 1952-1975 гг., то есть в долгий период: от Сталина до Брежнева и от Берута до Герека. Он не только передавал правду в страну узаконенной лжи, но и позволял там усвоить фундаментальный для демократии взгляд: свобода требует различий во мнениях».

Польская «Свободная Европа» при Новаке-Езёранском стала естественным источником и каналом информации для всех, кто не довольствовался информационной монополией коммунистического режима. Постав-

ленная им на рельсы плюралистической и ответственной информации, а также позитивной борьбы с коммунизмом (команда Яна Новака никогда не призвала слушателей к открытым столкновениям, к повстанческим действиям), радиостанция и после его ухода продолжала обеспечивать поляков достоверными сообщениями и духовной поддержкой, столь необходимыми в годы военного положения и попыток разгрома «Солидарности».

«Солидарность», кстати — дитя многих отцов, и одним из них был Ян Новак-Езёранский. В документальном фильме о забастовке на Гданьской судовой верфи в августе 1980-го, который, как пишет в «Жечпосполитой» Анджей Качинский, в Вашингтоне смотрел сам «курьер из Варшавы», запечатлены две яркие сцены:

«В одной, — пишет Качинский — судостроители, собравшиеся в отделе техники безопасности и охраны труда, слушают по радио новости из Варшавы, где диктор опровергает “слухи” о том, что якобы на Балтийском побережье произошли “беспорядки и перерывы в работе”, на что слушатели реагируют неудержимым смехом. В другой сцене рабочие той же верфи слушают по “Свободной Европе” достоверные сообщения о событиях, в которых как раз принимают участие. (...) Не рискуя ошибиться, можно сказать, что участников августовской забастовки, а потом массы членов “Солидарности” можно назвать “детьми Новака”».

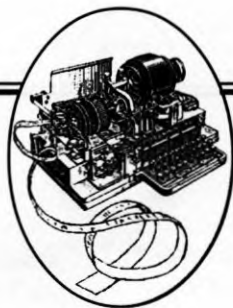
Неудивительно, что глушение «Свободной Европы» было для коммунистических властей ПНР не меньшей задачей информационной политики, чем наглая пропаганда, особо ярко проявлявшаяся в номерах «Трибуны люду» и выпусках телевизионных новостей.

«Последнюю должность курьера Новак исполнил уже на старости лет, в 1989-1999 гг., когда, постоянно курсируя по маршруту Варшава—Вашингтон, он использовал все свое влияние, чтобы добиться приема Польши в НАТО», — пишет Анджей Романовский о единственном в истории поляке, получившем постоянный пропуск в Белый Дом. Перед голосованием по расширению НАТО он старался заручиться голосом каждого колеблющегося конгрессмена.

«Мое последнее десятилетие на радио “Свободная Европа” прошло под знаком диссидентского движения в СССР, начавшегося с процесса Андрея Синявского и Юлия Даниэля в 1966 году, — говорил Ян Новак-Езёранский в одном из своих комментариев цикла «Польша издалека». — Выступления диссидентов мы с самого начала сочли самой важной темой в наших передачах. Мы срочно и тщательно передавали голоса, доносившиеся из России. Диссиденты выступали с открытым забралом. Немногочисленные и безоружные, они бросили вызов самому крупному в мире режиму террора и гнета, который мог раздавить каждого из них. Собственным примером бесстрашия они одолевали барьер страха. Я был уверен, что эта модель явного сопротивления найдет своих подражателей и в Польше. (...) Евангелием диссидентского движения стал “Архипелаг ГУЛАГ” Александра Солженицына в переводе Михала Канёвского (т.е. Ежи Помяновского). “Свободная Европа” еще при мне начала передавать эту огромную книгу полностью — по десять минут каждый день. Чтение закончилось лишь через год после того, как в 1976 г. я ушел с радио», — вспоминал Ян Новак-Езёранский в 1988 году. «Курьер из Варшавы» не ограничивался постепенной и неустанной борьбой за свободу и демократию Польши — немислимой и невозможной он считал свободу своей родины без свободной России, Украины, Белоруссии и Литвы, а во взаимопонимании с народами этих стран и взаимном уважении он видел залог будущей безопасности Польши.

«Ушел из жизни искренний патриот, — написал в некрологе президент Александр Квасневский, — человек огромного сердца и отваги, который для послевоенной Польши был неоспоримым нравственным авторитетом, образцом гражданской преданности. (...) Поборник идеи примирения Польши с соседними народами», — так охарактеризовал Яна Новака президент Квасневский.

Якуб Садовский

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Александр Халль: «Украинская “оранжевая революция” стала историческим событием. Она по-настоящему взволновала польское общественное мнение. Подавляющее большинство наших политических сил поддержало народ, выступивший в защиту своего достоинства. Надлежащим образом отреагировали президент Польши, правительство и оппозиция. Кроме того, в связи с украинским вопросом Польша впервые выступила в роли инициатора политики Евросоюза (...) После великих дней на киевском Майдане Незалежности украинские патриотов и сторонников демократии ждет еще немало трудных и серых будней. Однако они наверняка не забудут свои ноябрь и декабрь, которые так напоминали наш август 80-го. И не забудут, что с ними тогда были Лех Валенса, Ежи Бузек, Збигнев Буяк и многие другие поляки. В отношениях между нашими народами произошло нечто важное и хорошее». (*«Газета wyborcza», 31 дек. — 2 янв.*)

• «Когда оранжевая волна докатилась до польских городов, на восток потянулись люди и помощь Украине. Поляки, приверженные идее национального государства, вдруг начали гордиться тем, что их соседи и вечные соперники, с которыми они все еще спорят о прошлом, собрались с духом и подняли головы». (*Олаф Осца, «Тыгодник повишехний», 19 дек.*)

• Збигнев Буяк: «Истоки, смысл и цели “оранжевой революции” были такими же, как у нашей “Солидарности” (...) Речь идет о переломе, о радикальной смене системы правления и культуры политической жизни. Источником нравственной силы в этой новой культуре стало ненасилие. “Оранжевую революцию” олицетворяет Виктор Ющенко. У нас это был Лех Валенса (...) И тогда в Польше, и сейчас на Украине главной задачей было вернуть государство гражданам (...) Украинцы — образцовые адепты европейской школы демократии и гражданского общества (...) Большинство моих собеседников на Майдане и в палаточном городке ездили в страны Западной Европы, работали там, учились. В масштабе всей Украины это многие миллионы граждан, которые увидели, как облечь свою свободу в институты и политическую культуру (...) Европа должна осознать, что впуская к себе миллионы украинцев, она сказала “а” (...) Теперь надо ска-

зать “б”. Надо впустить этих граждан, идущих во главе шествия демократии, на европейский Майдан Незалежности. (*«Газета wyborcza», 13 дек.*)

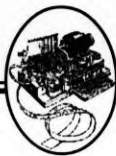
• Лешек Бальцерович: «Я принадлежу к тем миллионам поляков, которые с напряжением, симпатией и восхищением наблюдали мирную борьбу украинцев за честность, демократию и правопорядок в их государстве. Мы отдаем себе отчет в том, какое огромное значение — прежде всего для них самих, но также для Польши, Европы и всего мира — будет иметь окончательная победа этих ценностей на Украине».

• Проф. Войцех Луковский, социолог: «Участие в том, что происходило на Украине, дало [молодому поколению поляков] возможность непосредственно продемонстрировать свою культурную открытость и способность абстрагироваться от событий, лежащих тенью на польско-украинские отношения (...) Для нас ситуация на Украине стала своего рода лакмусовой бумажкой — она показала, что степень укоренения демократии в огромной части польского общества весьма высока». (*«Жечпосполита», 22 дек.*)

• Согласно опросу ЦИОМа, число поляков, отрицательно относящихся к Украине, уменьшилось с 51% в сентябре 2003 г. до 34% в декабре 2004-го. За это же время симпатия к украинцам возросла с 19 до 29%, а безразличие — с 24 до 32%. (*«Газета wyborcza», 14 дек.*)

• По данным другого опроса ЦИОМа, 54% поляков симпатизируют оппозиции, связанной с Виктором Ющенко, а 2% — политическому лагерю Виктора Януковича. 37% не поддерживают ни одну из сторон. 60% опрошенных считают, что участие польских политиков в разрешении политического кризиса на Украине благоприятно повлияет на польско-украинские отношения, а 55% придерживается мнения, что это было полезно для Евросоюза. (*«Жечпосполита», 15 дек.*)

• Президент Александр Квасневский: «Я верю, что Украина, президент которой будет иметь сильный демократический мандат на осуществление своей власти, — желанный сосед не только для Польши, но и для России (...) Партнерство, демократия и диалог влияют на международные отношения лучше, чем давление или патернализм (...) А успех Украины, в который я верю, будет полезен для всех нас». (*«Политика», 18 дек.*)

• Около 3 тыс. наблюдателей из Польши следят за переголосованием второго тура президентских выборов на Украине. Своих представителей прислали, в частности, МИД, «Гражданская платформа», «Право и справедливость», «Уния свободы», Польская наблюдательная миссия, Польско-украинский форум и Гражданское движение за свободную Украину. Польские наблюдатели прибыли также в составе миссий ОБСЕ, Совета Европы и Европейской сети организаций по наблюдению за выборами (ЕНЕМО). («Газета wyborcza» и «Жечносполита», 24-26 дек.)

• После подсчета 99,72% отданных в воскресенье на Украине голосов президент Александр Квасневский позвонил Виктору Ющенко, чтобы поздравить его с победой на президентских выборах. (Вацлав Радзивилевич, «Газета wyborcza», 28 дек.)

• Из обращения к полякам, подписанного 41 украинским общественным деятелем — депутатами Верховной Рады, политиками и интеллигентами: «Когда вы боролись за свободу под знаменем “Соллидарности”, мы от всей души молились о вашей победе и вместе с вами пели “Еще Польша не згинела”. Сегодня вы по всей Польше поете вместе с нами “Ще не вмерла Украина” и желаете нам удачи. За это каждого из вас — от имени всего украинского народа — мы сердечно благодарим. Наша борьба за правду и демократию все еще продолжается...» («Газета wyborcza», 24-26 дек.)

• Петр Порошенко, председатель бюджетной комиссии Верховной Рады Украины: «В том, что на Украине не пролилась кровь, есть огромная заслуга президента Квасневского. Это мудрый человек. Я не могу рассказать обо всем, но считаю, что он действовал очень профессионально. И в интересах Украины. Польша останется для нас особым партнером (...) Теперь мы очень рассчитываем на то, что позиция Польши ускорит и облегчит процесс вступления Украины в ЕС. Мы знаем, что Польша заинтересована в сильной Украине. Она хочет создать равновесие сил между западом и востоком объединяющейся Европы, а в Варшаве понимают, что 50-миллионное, богатое, развитое украинское государство очень в этом поможет». («Газета wyborcza», 31 дек. — 2 янв.)

• Заместитель министра иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: «Почти все политические силы Польши говорили единым голосом. Впервые за долгие годы бывший и действующий президенты — Лех Валенса и Александр Квасневский — единодушно выступили за восстановление на Украине правды и справедливости. На одной трибуне встречались лидеры “Польской социал-демократии”, “Права и справедливости” и “Гражданской плат-

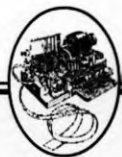
формы”. Политики оппозиции публично хвалят действия президента Александра Квасневского. Это очень ценно, так как внешняя политика Польши будет эффективна, только если главные политические силы будут говорить единым голосом (...) Вдруг оказалось, что мы сумели сделать из Украины тему №1 в Евросоюзе. Польша считается локомотивом восточной политики всего ЕС. Мне еще никогда не приходилось слышать столько комплементов Польше, сколько я услышал за последние дни». («Газета wyborcza», 23 дек.)

• «В то время как на Украине шла “оранжевая революция”, евродепутаты от “Лиги польских семей” распространяли в Европейском парламенте сфабрикованные в России антиукраинские фальшивки, обвиняющие людей Ющенко в... антисемитизме (...) Простому поляку легко понять, когда в интересах России действует бывший аппаратчик ПОРП, но у него в голове не укладывается, что это может делать о. Тадеуш Рыдык, уста которого полны громких слов о национальных интересах и защите религии». (Петр Лусевич, «Газета польска», 15 дек.)

• Под давлением Польши в совместное заявление лидеров 25 государств-членов ЕС удалось включить положение о том, что «дальнейшее укрепление политических, экономических и культурных связей отвечает общим интересам ЕС и Украины». Кроме того, европейские лидеры согласились признать Украину «ключевым соседом и партнером Евросоюза» и призвали Европейскую комиссию «наметить пути установления более тесного сотрудничества с Украиной». По мнению премьер-министра Марека Бельки, «еще месяц назад этот вопрос никого не интересовал, а теперь он мгновенно оказался в центре внимания исключительно благодаря Польше и Литве». («Жечносполита» и «Газета wyborcza», 18-19 дек.)

• Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: «В наших интересах граничить на востоке с быстро развивающимся, стабильным и свободным от внутренних конфликтов государством, — чтобы это соседство было предсказуемым. Отсутствие такой стабильности создает реальные угрозы. Примеры? Ну хотя бы приостановка поставок российского газа в Белоруссию, в результате чего в течение нескольких дней газ не поступал и в Польшу (...) Что было бы, если бы в декабре нам вдруг пришлось предоставлять убежище по меньшей мере нескольким десяткам тысяч беженцев с Украины? Такова была бы цена нестабильности за нашей восточной границей». («Жечносполита», 21 дек.)

• «В сочельник на киевском Майдане Незалежности появился Валдемар Фридрих, “Майор” из “Оранжевой альтернативы”, которая в 80-е гг.

“оранжевой” издевкой боролась с польскими коммунистическими властями (...) “Майор” приехал на Украину с конкретным политическим предложением: “Владимир Путин обещает им двойное гражданство — украинское и российское. Давайте предложим им украинское и польское гражданство. Тогда они сразу получают право на безвизовый въезд в Европу, на работу в Европе. И посмотрим, что они выберут: Польшу или Россию”». (*Вацлав Радзивинович, «Газета выборча», 27 дек.*)

• Из интервью с министром иностранных дел Влодзимежем Цимошевичем: «12 ноября, т.е. уже после первого, но еще до второго тура выборов, я побывал в Киеве — не в качестве министра иностранных дел, а как председатель комитета министров Совета Европы, чтобы от имени комитета передать, что мы рассчитываем на честные выборы (...) Если бы помощь в разрешении конфликта предложила одна Польша, нам вовсе не обязательно удалось бы то, что в конце концов было достигнуто. Очень возможно, что если бы дела пошли по-другому, нам предъявили бы претензии. А так все довольно, что защищали правое дело (...) В последние недели я замечаю у наших партнеров огромный рост доверия к тому, что мы говорим на тему восточной политики (...) Демократическая, суверенная Украина не представляет угрозы ни для кого — в том числе и для России. Первой реакцией России на заявления о фальсификации выборов было раздражение. Однако в дальнейшем ее позиция — по крайней мере официальная — претерпела существенные изменения (...) Несомненно, будущее российской политики все еще решается. Надеюсь, что украинский опыт поможет правильно сформулировать эту политику (...) Мы живем в мире, где все варианты известны. Слава Богу, мы стоим на нужной стороне — там, где мы и хотели быть. Нас уже воспринимают как важное европейское государство. Теперь мы должны суметь этим воспользоваться». (*«Газета выборча», 27 дек.*)

• Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич заявил о намерении вернуться к плану, согласованному в октябре с министром иностранных дел Германии Йошкой Фишером и уже предлагавшемуся Евросоюзу. План предполагает: 1) завершить переговоры о предоставлении Украине статуса страны с рыночной экономикой; 2) начать переговоры о свободной торговле; 3) смягчить визовый режим; 4) приблизить перспективу выхода Украины на единый рынок и создать зоны свободной торговли; 5) подписать договор о стратегическом партнерстве. (*«Газета выборча», 28 дек.*)

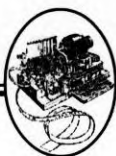
• Станислав Лем: «Мир, затаив дыхание, следит за судьбами украинского бунта против поплзновений Путина, который хочет снова включить Украину в

былое пространство советской власти. Совершенно очевидно, что это главная причина вмешательства России в украинские выборы (...) В этом споре мы заняли правильную позицию, и меня приятно удивило, что польское общество, зачастую политически нерасторопное, выразило готовность энергично поддержать кандидата оппозиции, то есть Виктора Ющенко. Ибо речь идет не о том, кто из украинских соперников станет президентом, но о том, сможет ли Россия присоединить к себе Украину и тем самым встать на путь восстановления доминиона. Мне очень жаль, но кто не понимает истинной роли этого конфликта в новейшей истории мира, тот недостойн называться политиком». (*«Пшеглэнд», 12 дек.*)

• «С победой в Москве неимперского течения Польша оказалась перед лицом новой геополитической ситуации (...) Это еще один повод желать победы украинским демократам». (*Ян Скужинский, «Жечпосполита», 24-26 дек.*)

• Дариуш Росати, бывший министр иностранных дел, депутат Европарламента: «Польша заинтересована в создании и укреплении стратегического партнерства между Евросоюзом и Россией. Однако близким и надежным партнером ЕС может быть только демократическая, правовая Россия, уважающая права человека и национальных меньшинств. Такой России пока нет. Для нынешней политики Москвы характерны авторитарные тенденции и рост имперских амбиций. Отношение России к Украине и Белоруссии — яркое тому свидетельство. Поэтому мы должны добиваться от Евросоюза более решительной реакции на новую российскую имперскую политику. Кроме того, надо требовать, чтобы Евросоюз занимал единую и последовательную позицию в отношении попыток России дискриминировать его новых членов, (...) и противодействовал российским попыткам влиять на политику ЕС “особыми” отношениями с Францией и Германией. Европа нуждается в демократической и правовой России, но больше всего в ней нуждаются сами россияне». (*«Газета выборча», 18-19 дек.*)

• Ярослав Марек Рымкевич: «Иногда мне кажется, что народ, причинивший своим соседям и всему человечеству столько зла, угнетавший и истреблявший литовцев, татар, поляков, чеченцев — да, собственно, все соседние народы — вообще не имеет права существовать. И что факта его существования не оправдывают, а его ужасных вин не могут искупить даже те великие и прекрасные творения, которые он дал миру: творения Пушкина, Тютчева, Рахманинова, Мандельштама, Прокофьева, Шостаковича (...) А иногда я думаю о русских с огромной любовью и огромной болью, вспоминая, что это народ многострадальный, втянутый в шестер-

ни истории и нечеловечески истерзанный ими. Если это так (...) то надо с изумлением и даже восхищением взирать на то, что несмотря на все перенесенные им страдания он сумел породить Тютчева и Манделштама (...) Я знаю точно, что история отношений России и Польши еще не закончена, что в ней еще произойдет немало плохого и страшного. Это совершенно очевидно, ибо в истории вообще, как правило, происходят плохие и страшные вещи, а вещи радостные и приятные случаются редко». (*«Жечпосполита»*, 31 дек. — 2 янв.)

• «Катынь, подобно Освенциму, показывает, на что способна осуществленная утопия (...) В нашей политике Катынь не может представляться только как проблема польско-российских отношений. Прежде всего она должна быть символом преступлений коммунизма. Мы должны жить с нашим великим соседом как можно более дружно. Но русский, отвергающий свидетельство Катыни, никогда не будет нашим добрым соседом — так же, как не будет им немец, не решающийся осудить преступления нацизма». (*Анджей Новак, «Впрост»*, 9 янв.)

• **Во время встречи с министром иностранных дел Владзимежем Цимошевичем его российский коллега Сергей Лавров подтвердил, что президент России вскоре прибудет в Польшу. «В Москве наш глава дипломатии не встретился с премьер-министром Михаилом Фрадковым, несмотря на то что польская сторона этого ожидала. Визит в Кремль даже не принимался в расчет. Тем не менее министр Лавров уверял, что польско-российские отношения развиваются успешно. Особо подчеркивалось, что за последние десять месяцев экспорт польских товаров в Россию увеличился на 80%. Оба министра заверили, что разногласия относительно президентских выборов на Украине не испортят наших взаимоотношений».** (*«Жечпосполита»*, 17 дек.)

• Отвечая президенту Путину, посоветовавшему полякам думать о собственной безработице и внешнем долге, а не об Украине, президент Александр Квасневский заявил, что эти слова — «цена, которую мы платим за активное участие в разрешении политического кризиса на Украине». Польский президент напомнил также, что в заседаниях украинского «круглого стола» он участвовал от имени Евросоюза и всего демократического сообщества. «Это была историческая миссия», — сказал Квасневский. Одновременно было предано огласке письмо Александру Квасневскому от президента Леонида Кучмы, в котором, в частности, говорится: «Я очень ценю Вашу взвешенную и дружественную позицию, которая была с благодарностью воспринята украинцами». (*«Газета wyborча»* и *«Жечпосполита»*, 24-26 дек.)

• «Недавняя резкая критика президента Квасневского Путиным еще раз подтверждает, что избранная нами стратегия была верной и эффективной. Теперь мы должны убедить Запад, что на пути к европейскому будущему Украины сделан лишь первый шаг, что все самое главное еще впереди». (*Славомир Поповский, «Жечпосполита»*, 27 дек.)

• «Представитель российского МИДа заявил, что президент Путин хотел бы приехать в Польшу (...) Нетрудно догадаться, что эта перемена — следствие той роли, которую Польша сыграла в деле признания Европой права украинского народа на самоопределение». (*Рафал А. Земкевич, «Ньюсуик-Польша»*, 28 дек.)

• **Станислав Лем: «Дальнейшее развитие событий зависит от столь большого числа факторов, что его трудно предугадать. Сначала Путин отругал Квасневского, а потом вдруг решил приехать в Польшу. Зачем? Чтобы еще раз, но уже основательнее, отругать польского президента?»** (*«Тыгодник повшехний»*, 9 янв.)

• «Если бы не блокада, введенная московскими властями, Польша могла бы ежемесячно экспортировать в Россию продукты питания на общую сумму 100 млн. злотых». (*«Жечпосполита»*, 6 янв.)

• **Согласно опросу ЦИОМа, 73% поляков высказываются за принятие новой конституции ЕС.** (*«Тыгодник повшехний»*, 19 дек.)

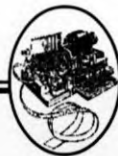
• «Сегодня поляк зарабатывает в среднем около 500 долларов в месяц. В конце 80-х ему платили около 30 долларов. В этом отношении разрыв между Польшей и Западом сокращается быстрее всего. В начале рассматриваемого периода цены росли так же быстро, но с каждым годом их рост все больше отставал от роста зарплаты». (*«Газета польска»*, 29 дек.)

• **По данным статистического агентства ЕС «Евростат», со времени вступления Польши в Евросоюз доходы польских крестьян увеличились на 73%.** (*«Газета wyborча»*, 31 дек. — 2 янв.)

• По данным Института туризма, в первые 10 месяцев 2004 г. Польшу посетило почти 52 млн. человек. Это на 19,9% больше, чем в тот же период 2003 года. Росту числа туристов способствовало открытие границ после вступления Польши в Евросоюз 1 мая 2004 года. (*«Газета wyborча»*, 29 дек.)

• **31 декабря Марек Каминский, Ясек Меля и Войцех Островский дошли до южного полюса. 16-летний Меля — самый молодой из всех, кто покорил оба полюса в течение одного года. Кроме того, он — единственный инвалид, которому удалось это совершить. Два года назад после поражения током он лишился руки и ноги.** (*«Жечпосполита»*, 3 янв.)

• «Такого удачного года у нас не было уже давно: мы вступили в Евросоюз, а экономика развивалась в темпе около 5,5%». (*«Жечпосполита»*, 31 дек. — 2 янв.)

• Крупнейшие польские фирмы могут считать 2004 год одним из самых удачных в своей истории. Целых 89% фирм отметили рост объема продаж — при этом в большинстве из них доходы увеличились более чем на 10%, т.е. значительно опередили инфляцию. Прибыль растет главным образом за счет экспорта — прежде всего в страны ЕС. Увеличение доходов от продаж за границу было зарегистрировано в 41% анкетированных фирм, а уменьшение — лишь в 3%. Рост занятости отмечен в 38% фирм, падение — в 25%. 56% предприятий приступили к новым инвестициям, а еще 20% запланировали их на 2005 год. Из анкеты следует также, что больше всего выгод вступление в Евросоюз принесло фирмам с преобладанием польского частного капитала. (*«Жечпосполита», 22 дек.*)

• «В Польше карьере все еще может сделать каждый. На руководящих должностях происходит постоянная смена кадров: после выборов обновляется более 50% состава парламента, а на протяжении одного года сменяются в среднем 200 из 500 директоров крупнейших польских фирм (...) Текучесть польских кадров увеличивают органы правосудия — несмотря на всю их нерасторопность. Многие бывшие звезды польского бизнеса отсиживают сроки или находятся в следственных изоляторах». (*Здислав Краснодембский, «Впрост», 19 дек.*)

• Депутат Анджей Пэнчак, арестованный по подозрению в коррупции, больше не сможет требовать выхода из следственного изолятора под предлогом участия в голосовании или встречи с избирателями. Сейм постановил, что арестованный парламентарий не имеет прав и обязанностей, вытекающих из закона об осуществлении депутатского и сенаторского мандата. Ему не полагается депутатская зарплата, он не обязан участвовать в работе Сейма и Сената, равно как и встречаться с избирателями. (*«Жечпосполита», 7 янв.*)

• «Афера Льва Рывина» завершилась только одним приговором. Только Рывин стоит на пороге тюрьмы. Но у других героев этой крупнейшей аферы Третьей Речи Посполитой тоже нет оснований радоваться. Роберт Квятковский лишился поста директора Польского телевидения; Александры Якубовской нет уже ни в правительстве, ни в партии; у Влодзимежа Чажастого кончается срок полномочий во Всепольском совете по делам телевидения и радиовещания; Лешек Миллер стал рядовым членом партии, балансирующей на границе избирательного барьера». (*«Жечпосполита», 27 дек.*)

• «С тех пор как два года назад Польша узнала об «афере Рывина», тайная запись взяточнических предложений становится все более модной (...) Ре-

шившись записать на диктофон, как Лев Рывин предлагает ему заплатить 17,5 млн. долларов, Адам Михник даже не предполагал, что вызовет настоящую лавину. И что маленький кассетный диктофон, вскоре названный в народе «маленьким Михником», будет все чаще появляться на первых страницах газет, выступая в роли свидетеля мелких и крупных афер». (*Анна Биконт и Иоанна Щенсна, «Газета wyborча», 24-26 дек.*)

• Агент коммунистической Службы безопасности, пытавшийся выяснить, какие следы его деятельности остались в архивах Института национальной памяти (ИНП), предстал перед судом в Катовице. Процессы бывших агентов, подавших заявления, чтобы проверить, не были ли они потерпевшими в понимании закона об ИНП, начались год назад. Сексоты нарушали закон, так как на самом деле проверяли, сохранилась ли какая-нибудь информация об их сотрудничестве со спецслужбами. Прокуроры ИНП назвали их действия «тестированием ИНП». За это грозит наказание до трех лет лишения свободы. (*«Жечпосполита», 8-9 янв.*)

• «Глава кабинета президента [Марек Унгер] подал вчера в отставку, а президент принял ее. Министр ушел со своего поста после вчерашней статьи в «Жечпосполитой», где сообщалось, что сын Марека Унгера Кшиштоф избежал тюрьмы за езду на машине в нетрезвом состоянии благодаря незаконному решению суда. Вечером министр подал заявление об отставке». (*«Жечпосполита», 28 дек.*)

• Юзеф Олексы, которого суд признал виновным в люстрационной лжи, заявил, что уйдет в отставку с поста маршала Сейма. Из политического плана, согласованного руководством «Союза демократических левых сил» (СДЛС) с президентом Александром Квасневским, следует, что самый вероятный кандидат на эту должность — министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич. (*«Тыгодник повшехний», 9 янв.*)

• «После эмоциональных дебатов, при редкой мобилизации как левых, так и оппозиции, на выборах [нового маршала Сейма] большинством в один голос победил кандидат СДЛС Влодзимеж Цимошевич. В голосовании его поддержали 223 депутата, т.е. ровно столько, сколько составляет необходимое абсолютное большинство. [Замминистра иностранных дел проф.] Адам Даниэль Ротфельд получил вчера от президента назначение на пост главы дипломатического ведомства». (*«Жечпосполита», 6 янв.*)

• Стефан Братковский об Адаме Даниэле Ротфельде: «Он вернулся в Польшу из Стокгольма, оставив замечательную, почетную должность [директора Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI)] и отказавшись от еще лучше-

го предложения (...) Я рад, что его опыт и спокойная мудрость профессионала служат нашей начинающей, слегка сумасшедшей демократии». (*«Жечпосполита»*, 8-9 янв.)

• Согласно подготовленному ЦИОМом рейтингу доверия к политикам, проф. Збигневу Религе доверяют 65% поляков, Александру Квасневскому — 60, Яну Роките и Леху Качинскому — по 49, Ярославу Качинскому — 48, Дональду Туску — 43, а Мареку Боровскому — 38%. (*«Жечпосполита»*, 30 дек.)

• Кардиохирург проф. Збигнев Релига — самый серьезный кандидат на пост президента. Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, его поддерживают 16% избирателей. Второе место с 14-процентной поддержкой разделили Дональд Туск из «Гражданской платформы» и Марек Боровский из «Польской социал-демократии». Третье место занимает Лех Качинский из «Права и справедливости» (13%). (*«Жечпосполита»*, 29 дек.)

• Согласно проведенному 8 и 9 января опросу Лаборатории социальных исследований, на предстоящих парламентских выборах «Гражданскую платформу» могут поддержать 25% поляков, «Право и справедливость» и «Самооборону» — по 14, «Лигу польских семей» — 12, СДЛС — 11, крестьянскую партию ПСЛ — 6%. В Сейм могут не войти «Польская социал-демократия», «Уния свобод» и «Уния труда» — каждую из этих партий поддерживают по 4% опрошенных. Избирательный барьер составляет 5%. (*«Жечпосполита»*, 12, 13 янв.)

• Депутат Эугениуш Чиквин: «Сейм принял закон о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке. В истории отношения польского государства к населяющим Речь Посполитую меньшинствам это факт беспрецедентный. На протяжении долгих лет живущие в Польше армяне, белорусы, евреи, лемки, литовцы, немцы, русские, словаки, татары, украинцы, цыгане и чехи говорили о необходимости законодательно урегулировать их ситуацию, ожидая, что декларируемая государством готовность охранять их право на сохранение своей культуры, традиций и языка будет подкреплена высшим законодательным актом (...) Работа над законом продолжалась почти 15 лет (...) В общей сложности законодательной защитой охвачены девять национальных и четыре этнических меньшинства». (*«Пиешгленд православный»*, декабрь)

• Сейм согласился предоставить право на два официальных языка и использование двуязычных табличек с названиями улиц и населенных пунктов тем гминам, на территории которых национальное меньшинство составляет не менее 20% населения. На двуязычных табличках не может быть

названий, данных властями Третьего Рейха и Советского Союза. 41 польская гмина сможет ввести в официальное употребление т.н. вспомогательный язык, т.е. язык национального меньшинства. На территории еще десяти гмин официальным языком может быть также язык региональный. (*«Жечпосполита»*, 7 янв.)

• Депутат Эугениуш Чиквин: «В третьем чтении бюджетного закона Сейм принял поправку, благодаря которой министр культуры будет обязан передать 1,5 млн. злотых на реставрацию монастырского комплекса в Супрасле». (*«Пиешгленд православный»*, декабрь)

• Правление Союза еврейских религиозных общин в Польше избрало раввина Варшавы и Лодзи Михалю Шудриха главным раввином Польши. Михалю Шудрих родился в Нью-Йорке в 1955 году. Его предки были родом из Перемышля. По мнению сопредседателя Польского совета христиан и иудеев о. проф. Михала Чайковского, Шудрих — человек диалога. (*«Жечпосполита»*, 14 дек.)

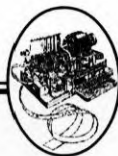
• «Русский народ благодарен польскому народу за уважение и память о тех, кто навеки остался в польской земле», — сказал военный атташе российского посольства адмирал Сергей Провкин на траурной церемонии, состоявшейся 20 декабря в Кракове. На краковском военном кладбище, на участке Советской армии, были погребены останки шестерых советских солдат, погибших под Краковом в январе 1945 года. Обряд погребения совершил полковник о. Базилий Галчик, православный декан 2-го механизированного корпуса польской армии. (*«Пиешгленд православный»*, январь)

• Польские бойцы из спецподразделения ГРОМ завершили свою миссию в Ираке. Начиная с марта 2003 г. они провели свыше 200 операций и задержали несколько сот подозрительных лиц, в том числе несколько человек из «колоды карт», изображающей самых разыскиваемых представителей режима Саддама Хусейна. (*«Жечпосполита»*, 21 дек.)

• Станислав Лем: «2004 год завершился печально, а надежд на улучшение не видно ни в мире, ни в Польше. Только неутомимый Владислав Бартошевский не перестает быть активным (он прислал мне две свои новые книги) и все еще пытается высмотреть чистые островки на запятнанной кровью скатерти, которой накрыт праздничный стол. Однако сегодня это не так-то легко». (*«Тыгодник повсехний»*, 9 янв.)

• «С Нового года выросли цены на кровь — со 170 до 220 злотых за 0,5 л, т.е. более чем на 30%». (*«Газета wyborча»*, 4 янв.)

• «Надоели одиночество и стресс? Собака (ее держат 52% поляков) будет любить тебя, а кроме того заставит гулять несколько раз в день. Кошка (ее держат 30% поляков) поможет справиться с ревматизмом. После

получасовой игры с собакой или кошкой, хорьком или хомячком кровяное давление понижается, зато растет уровень гормонов, улучшающих самочувствие». (*«Ньюсуик-Польша», 9 янв.*)

• **Вскоре начнется процесс по делу о смерти щенка Фродо. Прокуратура предъявит обвинение супругам Адаму и Эве Д. из Катовице, которые упаковали собачку в картонную коробку и отправили по почте прежнему хозяину-собаководу. Причиной послужило небольшое утолщение на хвостике щенка, которое в будущем могло стать препятствием для участия в выставках. Трехмесячный лабрадор не выдержал 16-часовой транспортировки в тесной коробке без воды и свежего воздуха. Прокуратура выясняет, причастны ли к смерти щенка работники почты, которые приняли его в непредусмотренной правилами упаковке.** (*«Газета wyborча», 20 дек.*)

• Первый памятник собаке был поставлен в Кракове. Он увековечил пса, долгие месяцы ждавшего на улице возвращения своего хозяина, который умер от сердечного приступа во время совместной прогулки. А недавно в Варшаве на Мокотовском поле появился памятник счастливой собаке. Позировал для него пес Локат (голден ретривер), хорошо зарекомендовавший себя в качестве терапевта. Автор памятника — Богна Чеховская. (*Кишиштоф Чабанский, «Газета wyborча», 27 дек.*)

• **Варшавская ратуша раздает корм для бездомных кошек. Люди, подкармливающие их, могут обращаться в городской совет за кошачьей пи-**

щей. В акции принял личное участие президент [мэр] столицы Лех Качинский. Он уже выделил из городского бюджета 170 тыс. злотых. (*«Газета wyborча», 4 янв.*)

• Из письма в редакцию: «На бойни Западной Европы попадают старые и больные лошади, которые уже не могут работать, а также жеребята и беременные кобылы. Все они обречены на ужасающе долгий путь, который иногда длится пять дней (...) Часто во время транспортировки их не кормят и не поят. Прицепы переполнены. В них перевозят лошадей разного роста и возраста. Более слабые часто теряют равновесие и падают. Когда они оказываются на полу, остальные испражняются на них и топчут — иногда насмерть. Во время перегрузки упавших лошадей вытаскивают из прицепов и бьют, пинают или поражают током, чтобы заставить их встать (...) В 2003 г. из Польши было вывезено на убой 40 838 лошадей и 8 857 868 кг конины (...) Мы требуем вычеркнуть лошадь из списка убойных животных (...) Присоединяйтесь к нашему протесту. Наши координаты: Viva! Акция ради животных, ул. Коперника 6, кв. 8, 00-367 Варшава, тел.: +48 (22) 828-43-29. Интернет-сайт: www.viva.org.pl». Письмо подписали Сильвия Павликовская, Ханна Лесневская и Анджей Койдер. (*«Газета польска», 29 дек.*)

• **В Польше стало больше аистов. В 2004 г. на ее территории жило почти 50 тыс. пар — на 10 тыс. больше, чем в 1995 году. Число аистов увеличилось также в Испании и на Украине.** (*«Газета wyborча», 27 дек.*)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ, ИНТЕГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Фрагменты «круглого стола», прошедшего в московском Центральном доме литераторов 9 ноября 2004 года (организованного русской редакцией Радио Польша [Варшава], кафедрой теории литературы Тверского государственного университета и Польским культурным центром в Москве)

Якуб Садовский (Радио Польша):

«Интеграция» — понятие в Польше последних лет самое актуальное, модное и часто употребляемое, зафиксированное в названиях многих правительственных учреждений и ежедневно появляющееся в каждой, пожалуй, газете во всех возможных падежах. Интеграция — процесс для человечества естественный, основанный на стремлении к упорядоченному миру, в котором человек знает, как поступать, как функционировать. Это мир, который человеку не страшен, в котором чувствуешь себя безопасно. Именно безопасность я считаю ключевой категорией интеграции.

Европейский союз, самая основная для моих соотечественников «реальность интеграции», на различных уровнях своего функционирования предлагает гражданам стран-членов ряд инструментов безопасности. Если взять, к примеру, социальный уровень, то мы можем говорить о — небезразличной с точки зрения каждого путешествующего — безопасности в плане медицинского страхования. Действие медицинской страховки любого гражданина Польши теперь распространяется на все остальные страны Евросоюза.

Инструменты безопасности очевидны и на экономическом уровне. Первый бросающийся в глаза наглядный пример — это зона евро, в которую Польша надеется войти года через три. Существование единой валюты повышает безопасность инвестиций и сделок, снимая риск изменения курса национальной валюты по отношению к валюте иностранного партнера.

Однако не безопасность, рассматриваемую в контексте европейской интеграции, мне бы хотелось предложить как тему сегодняшней дискуссии. Я хочу предложить разговор о моделях интеграции в XX веке — западноевропейская интеграция, олицетворяемая сегодня Евросоюзом, вовсе не была единственной моделью, которая осуществлялась в прошедшем столетии.

На мой взгляд, в Европе XX века противостояли друг другу две модели. С одной стороны — западная, которую можно охарактеризовать термином «полилог», предложенным профессором Самохваловой из Российской Академии наук. Полилог есть расширение принципа диалога на множество субъектов; интеграция по данной модели происходит тогда, когда мы учимся проводить множество диалогов, взаимно не исключаящихся. И с другой стороны — восточная модель интеграции, которая, согласно терминологии Самохваловой, должна получить определение «монолог». Монологическая модель есть модель унификации, а не — как в случае западной модели — организации единства многообразия.

Обе модели интеграции можно рассматривать в категориях безопасности. Модель западная, полилогическая — мы можем ее также назвать либеральной — во многом основывается на экономической безопасности. Либеральная экономическая философия предполагает, что поле вмешательства государства в экономическую жизнь должно быть сведено к минимуму. Это и есть один из моторов всесторонней поддержки, оказываемой на Западе гражданским неправительственным организациям, и вообще гражданской активности как фактора, помогающего редуцировать роль государства в экономической жизни. Восточную, монологическую модель интеграции, принявшую в свое время тоталитарные очертания, тоже можно рассматривать с точки зрения безопасности: безопасности государства, сросшегося с экономикой, являющегося владельцем производительной системы. Когда государство срастается с экономикой, то его безопасность предполагает борьбу с гражданской активностью, в том числе и с неправительственными организациями. Обратите внимание на то, что обе модели интеграции осуществляются и по сей день. Модель западная в экономическом измерении сути своей не меняла никогда, восточная же, монологическая, в большей или меньшей степени актуальна везде, где существуют олигархические системы, связывающие государственный аппарат с экономикой.

Вадим Чупасов (ТвГУ):

XX век для меня не может считаться целостной эпохой уже потому, что предложил несколько моделей так называемой интеграции. Здесь следует дифференцировать модели начала века, модели модерна, понятого в самом широком смысле, модерна, породившего тоталитарные государства, модерна, который строится на принципе окончательной истины, трансцендентальных ценностей. Что это за ценности, в нашем разговоре не столь уж важно: ценности крови и почвы, ценности единства людей всего мира и т.д.

Сегодня происходит отказ от неких высших ценностей. Идея Евросоюза вначале — абсолютно ценностная система. А европейские ценности — это в основном христианские ценности. Сегодня европейская интеграция — это прежде всего рынок. И альтернативы этому рынку нет. Рынок не претендует ни на какую истинность — всем хочется хорошо кушать и жить в нормальных условиях. Это, как видите, голая прагматика.

В результате, мой основной тезис сводится к тому, что — по крайней мере в России — восприятие процессов интеграции, происходящих в Западной Европе, происходит на фоне двух процессов: дезинтеграции бывшего СССР и ностальгии по некогда великой Российской империи. Осмысленность рождается из вариантов, а сегодня никаких вариантов моделей интеграции в Европе нет. Восточные модели не принимаются, ибо воспринимаются как то, чем Европа уже переболела. Да и так называемые новые европейские ценности — на самом деле никакие не новые; стало быть, константой интеграции остается та модель, которую сегодня признают единственной и абсолютно верной, — это рыночная экономика. И здесь альтернативы просто нет.

Вопрос из зала:

Ну, прежде всего спасибо большое за интересные выступления. Но, поскольку я при советской власти воспитан — как говорится, «московский простой совок», — то я за интеграцию. На бумаге все смотрится хорошо. А вот исторические овраги, как они будут учитываться? Менталитет, характер, особенности каждой нации, прошлое, экономические интересы — будет ли притирка исторических корней?

Якуб Садовский:

Ответ мы сможем узнать только лет через 50. Но вот то, что мне уже сейчас видно: вопреки угрозам, на которые указывают многие СМИ, нам вовсе не угрожает потеря национального облика. Вообще не нужно процессов европейской интеграции, чтобы увидеть, как, допустим, в Париже или в других многонациональных городах прекрасно сосуществуют национальные меньшинства, сохраняя свой национальный облик. Если честно, то мне видится, что интеграция современного западноевропейского типа, может, скорее всего, не на том сказаться, что исчезнут национальные культуры, но вызвать угрозу того, что национальные культуры будут во все большей степени восприниматься как элемент локальной специфики. Налицо тенденции, которые об этом говорят.

Валентин Оскоцкий (МГУ):

Я бы не взял на себя риск категорически утверждать, что интеграционные процессы не связаны с проблемами национальной идентификации. Связаны — и очень тесно связаны. Более того, эти проблемы стоят по-разному в свете тех двух моделей, западноевропейской полилогической и восточноевропейской монологической, о которых вы говорили. Я вспоминаю — это было уже несколько лет назад — одну из международных конференций в Париже, конференцию Международной ассоциации литературных критиков. Французские участники этой дискуссии очень беспокойно говорили о разрыве национальной идентификации и об ущемлении национального самосознания. Говорили, опираясь именно на опыт интеграционных процессов, которые врываются в повседневную сферу французской жизни и французского быта. Но мне думается, что эта проблема острее стоит в условиях монологической восточноевропейской модели.

Всем интересующимся рекомендую: обратите внимание, вот здесь, буквально на входе, продается последний номер газеты, выпускаемой Союзом писателей Москвы, — «Литературные вести». В этой газете — разворот, посвященный памяти большого белорусского писателя Василя Быкова. И на этом развороте опубликован один из последних его рассказов. Рассказ сатирический, называется «Интеграция». Интеграция осмыслена здесь как стремление вернуться к советизации. Сатирический пафос этого рассказа, его реалии, которые очень прозрачно узнаваемы, подсказываются той реальностью белорусской действительности, в которой живет Белоруссия. И вот в этой связи я хочу сказать, что я понимаю ту белорусскую оппозицию, которая опасается, что под флагом интеграции произойдет и размыв национальной культуры, разрыв национального самосознания. Понимаете, когда белорусский президент, не моргнув глазом, позволяет себе сказать, что он предпочитает выступать и говорить по-русски, потому что он хуже знает белорусский язык, то я, будучи русским человеком, понимаю тех белорусов, которые говорят: «Избави Бог от такой интеграции». Я понимаю сатирический пафос рассказа Быко-

ва, потому что, увы, реалии интеграционного процесса таковы, что они заставляют думать и о том, сохранится ли национальная идентичность, национальное самосознание и национальная самобытность культуры, как их оберегать, как не допустить размыва.

Я понимаю, что ответ на эти вопросы дадут в будущем реальные процессы. Но, видимо, в данном случае, дело науки — не просто их фиксировать, как они протекают в жизни, а и прогнозировать их дальнейшее развитие, их тенденции. И еще один важный момент. Мне думается, что одним из необходимых стимулов для интеграционного процесса, по крайней мере в сфере культуры, является необходимость взаимопознания исторического опыта как единого исторического опыта.

Инесса Яжборовская (Институт сравнительной политологии РАН):

Я в известной мере продолжу то, о чем говорил Валентин Дмитриевич. Мне довелось заниматься Европейским союзом, интеграцией и тем, к чему мы подошли: идентичностью. Можем ли мы опасаться, что нас сметет, подомнет эта самая интеграция, и от нашей идентичности ничего не останется?

Занятие тем, что происходило в этой области в XX веке, во второй его половине, показывает, что Центральная Европа идет несколько иным путем, чем Россия. Центральная Европа идет путем утверждения своей идентичности. Ей не угрожает интеграция, как каток, который все выравнивает. Изучая в последнее время то, что происходит в ее странах, я убедилась, что весь период с 50-х гг. прошлого века наши страны шли сначала по пути потери своей идентичности.

Что произошло в 40-50-е годы? Когда Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы были объявлены мононациональными государствами, была предпринята попытка превратить их действительно в однонациональные, ликвидировать национальные меньшинства. К примеру, белорусы потеряли свой язык, они должны были или уехать в советскую Белоруссию, или объявить себя поляками. Украинцы на это не пошли, украинцев постигла акция «Висла». И другие национальные меньшинства, которых на самом деле в Польше больше дюжины, практически должны были объявить себя поляками. Это была концепция сталинско-коминтерновская, и она проводилась последовательно во всех этих странах. Мы с вами были советскими людьми, мы с вами были носителями флага с надписью «морально-политическое единство советского народа». В Польше тоже укоренялась вот эта самая версия морально-политического единства народа.

А что произошло в тот момент, когда на Польшу пошла огромная волна глобализации? Я сейчас расскажу, что произошло, но сначала хочу подчеркнуть, что волна глобализации — это трансформация. «Бархатные» и прочие революции этих стран — это не что иное, как органическая составная часть глобализации, в которую Польша уже включилась. И включилась, как вы знаете, с очень большими позитивными результатами, так же как и вся Центральная и Восточная Европа. Я имею в виду четыре страны: Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию. Все эти страны практически по своему социально-экономическому развитию идут вверх. А к нашему сюжету это относится прямым образом так, что во всех этих странах в самом начале 90-х были утверждены законы, касающиеся национальных меньшинств. И впервые с 50-х гг. меньшинства в этих странах получили закрепленные законодательством национальные права — языковые, культурные и прочие. Нацменьшинства обрели свою идентичность.

Как они сейчас записываются во всех законодательных актах? Они записываются как граждане Польши, но — представители нацменьшинств какой-то определенной национальной принадлежности. Их идентичность имеет массу выражений во всех областях культуры, во всех областях политической жизни. Есть, конечно, проблемы, которые должны еще решаться: как и где писать на национальных языках надписи на указателях на дорогах, в городах, как писать фамилии. Это проблемы, которые еще решаются, но в рамках в целом позитивного, очень важного для всех национальностей подхода.

Проблема идентичности стоит очень остро в центральноевропейских странах. Почему? Потому что на Европу течет сплошной-сплошной поток новых меньшинств. Это масса национальностей Азии, это масса национальностей Африки. Этот процесс идет везде. Поэтому национальная идентичность — это сейчас одна из составляющих этого процесса культурного взаимодействия всех стран Европы. Этот процесс идет, и он нам тоже принесет немало позитивного.

К печати подготовил Якуб Садовский

Данута Валевская

ПОЛЬША ПРИОБРЕЛА НЕОЖИДАННО МНОГО

ПОЛЬША НАС ПРИЯТНО УДИВИЛА

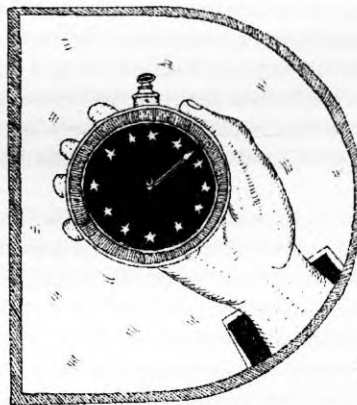
*Беседа с Прадипом Митрой,
главным экономистом
Всемирного банка*

— Как вы оцениваете польскую экономику спустя восемь месяцев после вступления нашей страны в Евросоюз?

— Следует прежде всего отметить быстрый рост экспорта, причем даже на самые трудные рынки, а также темпы использования денег, поступающих из ЕС. Я также вижу, что настроение людей улучшилось по сравнению с тем, что было еще несколько месяцев тому назад. Это труднее всего заметить отсюда, изнутри, извне такое улучшение гораздо более заметно.

— Что стало для вас самым неожиданным?

— То, что рынок всегда правильно реагирует на такие изменения. Между тем в Польше они принесли куда более заметные результаты, чем ожидал сам рынок. Это создает прекрасный фундамент для развития в будущем. Ваша стартовая позиция гораздо более удобна, чем казалось прежде.

По сведениям, полученным газетой «Жечпосполита», представители Всемирного банка признают, что польская экономика приобрела в результате вступления в ЕС гораздо больше, чем ожидалось по прежним прогнозам.

Экономисты особенно отмечают улучшение экономических показателей и ситуации, сложившейся в сфере государственных финансов. По их мнению, отмечается также улучшение настроений в обществе, хотя мы сами еще не отдаем себе в этом отчета.

Представители Всемирного банка опасаются, собственно, лишь одного: что на экономику окажет влияние нынешний год, год выборов. Ибо избирательная кампания всегда замедляет реформы. И все же бюджет нынешнего года хороший и трудно будет его испортить, заявляют представители этой организации, которая в последнее время была весьма скупа на похвалы. Впрочем, подобным же образом дело обстояло с Международным валютным фондом, который еще в ноябре прошлого года призывал начать реформу сферы государственных финансов. Хотя и в выступлениях убежденного монетариста Родриго де Рато можно было заметить нотку оптимизма.

ЖАЛЬ, ЧТО ОТ ПЛАНА ХАУСНЕРА ТАК МАЛО ОСТАЛОСЬ

По мнению представителей Всемирного банка, в экономике Польши в настоя-

щий момент больше всего заметно ужесточение дисциплины в фискальной сфере. Однако ни у кого из экономистов не возникает сомнений, что план Хауснера «размыт» до такой степени, что от него уже остались лишь небольшие фрагменты. Но все-таки и

те, что остались, без сомнения

положительно повлияли на экономическую

ситуацию.

Экономистов удивил также темп роста польской экономики, который вице-премьер Ежи Хауснер оценил на 5,5-5,7% ВВП. В предыдущий раз, анализируя экономические результаты за 2002-2003 гг., Всемирный банк выражал сожаление в связи с резким замедлением темпов роста ВВП. Теперь экономисты банка подчеркивают, что эти темпы выросли до показательного уровня.

Первейший враг снижения уровня безработицы в Польше — быстрый рост производительности труда. Разумеется, представители Всемирного банка сожалеют по этому поводу, но одновременно отмечают, что так происхо-

дит во всех странах, которые в мае прошлого года вступили в Евросоюз. Впрочем, то же самое происходило в тех странах, которые участвовали в предыдущем раунде расширения ЕС — в Португалии и Испании, а еще раньше — в Ирландии. Все эти

— *Ожидали ли вы и такого роста курса злотого?*

— Если следить за движением польской валюты и валют других стран, которые вступали в ЕС, то нет причин удивляться. Всегда наблюдался рост стоимости этих валют. Ибо это означает рост благосостояния в странах — новых членах ЕС. Что касается Польши, то, возможно, рост стоимости злотого несколько чрезмерен. Но обратите, пожалуйста, внимание, что это несколько не ухудшило результатов польского экспорта, который на протяжении нескольких месяцев словно не замечал роста курса злотого.

— *Однако не складывается ли у вас впечатление, что несмотря на столь положительные экономические результаты в нашу страну довольно медленно поступают иностранные инвестиции? Как вы считаете, что представляет самую большую трудность для нас как страны, желающей привлечь иностранные капиталы?*

— Не вижу никаких причин, которые могут заставить иностранных инвесторов обходить Польшу. Новейшие исследования Всемирного банка, в которых дается оценка того, насколько сложно начать или завершить экономическую деятельность, свидетельствуют, что Польша занимает одно из первых мест среди стран, где предприниматели тратят на это меньше всего времени. Хуже обстоит дело со временем, необходимым для взыскания задолженностей, ибо польские суды работают, к сожалению, слишком медленно и, чтобы довести судопроизводство до конца, необходимо пройти множество процедур. Это серьезно сказывается на конкурентоспособности. Впрочем, все это

касается не только иностранных, но и собственно польских инвестиций. И речь здесь вовсе не о предпочтении, оказываемом иностранному капиталу.

— *Какая страна нашего региона, по-вашему, больше всего приобрела от вступления в Евросоюз?*

— Несомненно, Словакия.

Ибо эта страна сумела провести весьма удачную реформу в сфере государственных финансов и не снизила темпов проведения этой реформы в тот момент, когда она начала приносить результаты. Но будем справедливы. Хотя план Хауснера был значительным образом «размыт», за последние месяцы Польша тоже заметно улучшила дисциплину в фискальной сфере, к чему, в частности, Всемирный банк призывал давно. Более трудным это оказалось в Венгрии и Чехии. В чем поляки могут позавидовать словакам, так это в объеме инвестиций, составляющих около 25% ВВП. Это очень хороший результат. У Польши данный показатель составляет лишь 23%.

— *В таком случае, что необходимо сделать Польше, чтобы ее воспринимали как столь же безопасную страну?*

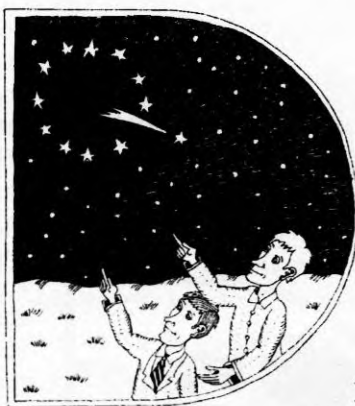
— Положение в сфере государственных финансов должно и дальше улучшаться. Хотя, от мечу, уже многое сделано. Этого, правда, пока еще мало, чтобы инвесторы, как отечественные, так и иностранные, чувствовали себя спокойно. Прекрасным сигналом может стать перенаправление государственных расходов в те сферы, где они обеспечат устойчивый экономический рост.

страны отличал высокий уровень безработицы, затем там возросла производительность труда, и только потом увеличилось количество рабочих мест. Всемирный банк указывает и на то, что стоимость труда в Польше вовсе не повышается и наша рабочая сила по-прежнему отличается высокой конкурентоспособностью. Экономисты Всемирного банка открыто признают, что для них это стало большой неожиданностью.

МНОГОЕ ПРЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ

Естественно, в Польше еще многое предстоит сделать. Кроме углубления реформы государственных финансов, следует также обязательно улучшить условия ведения бизнеса. Например, период времени, необходимый для взыскания задолженности, у нас явно длиннее, чем в странах — конкурентах Польши в борьбе за инвестиции. Суды в Польше работают слишком медленно! — в очередной раз бьет тревогу Всемирный банк. С другой стороны, только в Ирландии и Испании можно быстрее и легче начать экономическую деятельность. В свою очередь Польша располагает несравненно более конкурентоспособной

рабочей силой — речь идет не только об уровне зарплаток, но и о ее квалификации. «Польша может гордиться улучшением положения в системе образования. Хотя по-прежнему предстоит многое сделать для того, чтобы оценка этой системы достигла среднего уровня, который отличал 15 стран прежнего состава ЕС», —

написано в предлагаемом отчете, подготовленном главным экономистом Всемирного банка.

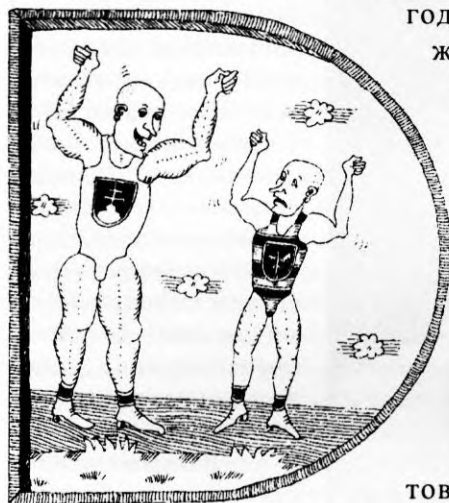
Однако Всемирный банк в очередной раз указывает нам на фатальную инфраструктуру дорог. Мы располагаем самым малым километражем дорог в пересчете на 1000 квадратных километров и на каж-

дый миллион населения. Значительным бременем для экономики, заметно тормозящим развитие, остается высокий уровень расходов на социальные цели. Эти расходы, а речь идет главным образом об учреждениях социального страхования, в значительной мере снижают конкурентоспособность польской рабочей силы.

СЛОВАКИ ПРИОБРЕЛИ ЕЩЕ БОЛЬШЕ

Представители Всемирного банка не ожидали также, что так много от вступления в Европейский союз получит Словакия. Еще

год тому назад Роджер Гроу, представитель Всемирного банка в нашем регионе, гасил оптимизм тех, кто восхищался словацкими реформами, подчеркивая, что надо просто подождать результатов того, что делает

правительство Ивана Миклоша. Теперь уже представители ВБ не сомневаются, что эти трудные реформы удалась. Однако, Прадип Митра, главный экономист Всемирного банка, не скрывает, что только Польше удалось вступить в ЕС практически «бесшумно»

— *Какова ваша оценка бюджета Польши на текущий год?*

— Бюджет тоже гораздо более амбициозный, чем можно было ожидать от Польши. Во всяком случае, девять месяцев назад я не ожидал, что бюджет будет столь хорошим. Естественно, хотелось бы, чтобы он был еще более амбициозным, но и это уже свидетельствует о переменах к лучшему. Хотя многие из решений вице-преьера Хауснера в нем не были учтены. Этот бюджет не могут испортить даже выборы. Но дисциплина в расходах государства по-прежнему необходима.

— *Каков ваш прогноз для Польши?*

— Если в сфере государственных финансов соблюдать строгую дисциплину, Польша может удивить экономистов в очередной раз. Мы ожидаем также роста инвестиций. А Всемирный банк как организация, прекрасно знающая Польшу, относится к будущему польской экономики оптимистически и лучше, чем год назад.

*Беседу вела Данута
Валевская*

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ ОПАСНОЙ ЖИЗНИ

Беседа с кинодокументалистом и телевизионным продюсером Эвой Эварт

— 1 февраля 2004 г. телевидение Би-Би-Си показало снятый вами документальный фильм «Ось зла», который доказывает, что исправительно-трудовые лагеря Северной Кореи оснащены газовыми камерами. На следующий день газеты во всем мире писали об этом фильме на первых страницах. Тогда и в Польше вспомнили о такой журналистке — Эве Эварт.

— Действительно, я путешествую по всему миру, но редко приезжаю в Польшу и не снимаю здесь фильмов. Только раз, в 1999 г., я сняла на Гданьской судовой документальный фильм в связи с 10-й годовщиной крушения коммунизма в Центральной и Восточной Европе. Но родом я из Варшавы, выросла в период загнивания коммунизма и возникновения «Солидарности» — это и сформировало мои общественные интересы. Моя мать Барбара Грембецкая была известной тележурналисткой III программы Польского радио. Когда я засыпаю в ее квартире на Сенаторской улице, из окна виден «голубой небоскреб», автором проекта которого был мой отец Лех Робачинский. Я — варшавянка.

— Вы уехали из Польши по политическим или экономическим причинам?

— По matrimониальным. Я вышла замуж за Тима Эварта, варшавского корреспондента Ай-Ти-Ви, третьего канала английского телевидения. Это

был роман на всю катушку! Познакомились мы на пресс-конференции Ежи Урбана, тогдашнего пресс-секретаря правительства. В декабре 1984-го мы поженились, а через несколько дней я купила билет в Лондон — в одну сторону. В начале 80-х я

была студенткой отделения испанистики Варшавского университета и работала в варшавском представительстве испанского агентства печати ЭФЭ. Тогда многие из нас, студентов-филологов, подрабатывали переводчиками у западных корреспондентов. И они смотрели на перемены в Польше нашими глазами! Для всего моего поколения это было огромное романтическое приключение.

— В Польше вы были у себя дома, а в Лондоне?

— Поначалу мне нелегко было найти свое место. Мы сняли маленькую квартиру в районе Чизвик. Прямо под нами был магазин с детскими игрушечными железными до-

рогами. Это был период материальных трудностей, потому что Тим должен был платить алименты своей первой семье, но я вспоминаю его как самое чудесное время нашего брака.

Через полтора года моего мужа направили корреспондентом в Вашингтон. В Америке по сравнению с нашей лондонской «бедностью» у нас началась настоящая «сладкая жизнь». Сегодня эти четыре года президентства Рональда Рейгана представляются мне непрерывным праздничным приемом с коктейлями, где попадались совершенно замечательные люди — как, напри-

мер, Дэвид Блэнди, корреспондент газеты «Дейли телеграф», который потом погиб от шальной пули в Никарагуа.

В Вашингтоне я и начала работать исследователем, собирающим материалы для корреспондентов британских газет и нескольких европейских телестанций. Кроме того, я писала для польской секции радио Би-Би-Си.

— Легко ли было польке, говорящей с акцентом, получить такую работу?

— Я была полна решимости. Меня не удовлетворяла роль жены британского корреспондента. С другой стороны, я человек не наивный и понимала, что, представляясь как миссис Эварт, легче найду работу, чем приду с улицы.

В начале 90-х Тима перевели в Москву. Он этому противился, так как не хотел работать с переводчиком, но я его убедила, говоря, что это может стать самым интересным в его жизни. Я же, несмотря на давнее предубеждение против России и ограниченную свободу передвижения (мы жили в гетто для иностранных корреспондентов), почувствовала себя в Москве как рыба в воде. Второй раз я наблюдала крушение коммунизма, свидетелем чего уже была в Польше.

Уже через неделю после приезда меня взяли в московское бюро Си-Би-Эс, одной из крупнейших американских телестанций, на должность т.н. разъездного продюсера. Помогло знание русского языка. Я снимала для их корреспондентов полутораминутные новостные материалы в передачи последних известий и трехминутные «картинки» в «60 минут», популярную публицистическую программу. В офисе я держала зубную щетку и смелу белья: никогда не знала, где окажусь сегодня — в Вильнюсе, Тбилиси или Новосибирске.

Это было как выращивание телят на холоде. Если я чего-то не умела — не могла в этом признаться. Всему приходилось учиться на бегу.

— Какой материал запомнился вам больше всего?

— Интервью с Горбачевым после его первого выступления в Верховном совете, когда его выпустили из-под домашнего ареста [после августовского путча 1991 г.]. На меня произвел впечатление необычайно личный тон этого выступления. Мы с оператором и звукооператором 72 часа оставались на ногах, другие съемочные группы давно уже смылись, а меня что-то толкнуло: чувствовала, что Горбачев еще, должно быть, в

здании. «Умоляю, продержитесь еще десять минут!» — уговаривала я своих коллег. И тут увидела его в глубине коридора в сопровождении двух охранников. Я влезла на лесенку, чтобы быть на одном уровне с Миком, моим двухметровым оператором, и когда Горбачев проходил мимо нас, обратилась к нему, используя оборот из его выступления. Его это явно тронуло, и он дал нам десятиминутное интервью. В этот день у нас в офисе хлопали пробки не от одной бутылки грузинского шампанского.

— У вас с мужем, видимо, оставалось мало времени друг для друга?

— Он работал на Би-Би-Си, я — на американцев. Из-за разницы во времени у нас был совершенно разный рабочий ритм, виделись мы самое большее два часа в день. А мобильных телефонов тогда еще не было. Мы все меньше разговаривали, и когда умерла мать Тима, то на похоронах я впервые со всей ясностью осознала, что этот брак уже не удастся сохранить. В 1992 г. российский судья дал нам развод за сумму, равную 35 долларам, а в паспорта нам поставили печати, удостоверяющие «расторжение брака».

На следующий день я сказала своему начальнику: «Давай мне столько работы, сколько сможешь». Сняла квартиру у грузина, который опекал меня как свою дочь. Привозил мне из Тбилиси провизию — цыпленка под соусом из грецких орехов и литры грузинского красного вина. Я «приняла в семью» и соседскую бабушку, которую потрясло, какой я «трудоголик». Эта «семья» позволила мне пережить самый тяжелый период, когда я испытывала чувство вины и полного жизненного поражения.

— Ваш «трудоголизм», он-то и разрушил ваш брак?

— Знаете, я была как Аня с Зеленого Холма и воображала, что брак — это до самой смерти. Но сегодня я смотрю на эти семь лет замужества иначе: сохранила лучшие кадры, самые волнующие эпизоды и отпечатки, а все нерезкое и невыразительное осталось на полу в монтажной.

— Долго вы оставались в Москве?

— Москва начала надоедать мне. Советский Союз распался, пришел Ельцин. Ежедневное выжимание новостей стало напоминать производство сосисок. В ноябре 1992 г. я вернулась в Лондон, твердо решив что-то изменить в своей жизни. Вскоре я узнала, что редактор программы Би-Би-Си,

показывающей 45-минутные документальные фильмы, ищет продюсера. Мои материалы, снятые для Си-Би-Эс, настолько ему понравились, что мне предложили на год контракт исследователя. Вскоре я начала исполнять роль ассистента продюсера, а потом и главного продюсера. В Великобритании «продюсер» значит гораздо больше, чем у нас в Польше: это фактически автор фильма — режиссер, начальник съемочной группы, который часто сам проводит интервью и, как капитан на корабле, принимает принципиальные решения. Репортер, появляющийся перед камерой, важен, но это запасной игрок.

— *Помните ли вы свой первый авторский фильм?*

— Кадр за кадром. После того как началась первая чеченская война, у меня возник замысел картины о российской матери, которая едет на поиски сына, отправленного воевать. Через неделю я была в Москве и узнала, что только что создан Комитет солдатских матерей — женщин, сыновья которых пропали без вести, а власти или не могут, или не хотят им сказать, погибли ли те, ранены или в плену.

В этом комитете разыгрывались сцены полнотной истерии, отчаяния и хаоса. Я провела там трое суток не выходя. Когда я находила мать, подходящую для моего замысла, та не соглашалась. А когда какая-то соглашалась, то не подходила по сюжету. Пока я наконец не встретила Анну Пясецкую.

— *Что в ней было особенного?*

— В ней было такое тихое отчаяние. Я за ней час наблюдала, прежде чем подойти. Ей было под пятьдесят, учительница. Достоинство, с которым она несла свое страдание, произвело на меня огромное впечатление. Она сразу согласилась, и мы в тот же день поехали к ней домой, где сняли первое интервью. Между нами возник тесный контакт. Она показала мне фотографию своего сына Николая, прочитала последнее письмо, которое от него получила. Замысел состоял в том, что мы будем с камерой снимать ее поиски в Чечне. Через два дня мы полетели на Кавказ и восемь часов добирались испорченным «газиком» до базы на границе Ингушетии и Чечни, где меня уже ждал мой оператор. То, что потом произошло, было действительно невероятно.

— *Расскажите...*

— Когда мы добрались до этой базы, была глубокая ночь. Я послала Анну спать, а сама начала разговаривать о ней с оператором. «Подожди, подожди, — воскликнул он, — как его зовут? Николай Пясецкий?» В тот день он снимал материал о Красном Кресте в больнице в Старых Атагах, в 10 километрах от Грозного. Среди материала было такое: чеченка в гимнастерке сапера, которая привезла из Грозного раненых и убитых, достает из-за пояса три паспорта российских танкистов. Их в тот день обстреляли чеченские боевики, и они наполовину сгорели. Одним из них был сын Анны.

— *Что чувствуешь в такой момент?*

Что преобладает — сострадание или же скорее удовлетворение, оттого что тема хорошо развивается?

— Вы мне задали жестокий вопрос. Не удовлетворение, но еще и не сострадание — одна только паника: что делать — пойти разбудить ее или сделать вид, что я ничего не знаю и что мы все это узнаем «вместе»?

— *И что же?*

— После нескольких минут паралича я точно знала, что делать. Разбудила ее, отвела в монтажную и оставила одну. Выйдя, она спокойно сказала: «В таком случае будем искать тело моего сына».

— *Вы не снимали этот разговор?*

— Нет, но потом, когда первое потрясение прошло, я попросила ее вместе с нами воспроизвести эту ситуацию.

— *Каковы этические границы в работе кинодокументалиста?*

— Приведу пример. Однажды в Чечне, снимая совсем другой материал, мы натолкнулись на массовое захоронение, возле которого лежали человеческие черепа. Но они так нескладно лежали, что следовало бы их как-то «аранжировать», подвинуть, чтобы «снять идеально». В моей съемочной группе разгорелся бурный спор. Я была против этого, и мы сняли, ничего не тронув. Есть принципы, от которых уважающий себя документалист не отойдет. На Би-Би-Си у нас есть т.н. кодекс продюсера, принципы которого, к счастью, совпадают с моими глубочайшими убеждениями.

— *Перед камерой люди ведут себя иначе. Не лучше ли отбросить иллюзию объективизма и снимать фэбулу?*

— Разумеется, субъективизма в документальном фильме не избежать. Из одного и того же материала можно смонтировать несколько

разных фильмов. В Би-Би-Си есть даже такая поговорка: «С кошки можно содрать шкуру семью разными способами». Но жизнь куда интересней, чем выдумки.

— *Нашла ли Анна тело своего сына?*

— На след массового захоронения российских солдат километрах в двухстах от Грозного навели ее сами чеченские боевики. И тогда она отказалась возвращаться в Москву. Вся ее горечь обратилась против российского правительства, которое послало ее единственного сына на бессмысленную войну. Она пристала к чеченскому отряду, начала писать стихи и прожила в горах несколько лет. Она была необычайным человеком. Но я должна еще рассказать, чем тогда закончилась наша история.

В день отъезда мы не могли доехать в Атаги, на нашу базу, так как в том районе шли настоящие бои. Нам велели остановиться в первой попавшейся деревне. Это были Самашки. Чеченская семья, в дом которой мы постучались, сердечно приняла нас. После ужина мы свалились вповалку на две кровати — больше спать в халупе было негде.

Около четырех утра я проснулась, и меня охватило сильное предчувствие: мы должны немедленно отсюда уезжать. Я разбудила своих коллег — столько проклятий еще в жизни не слышала. Бои уже утихли, мы доехали до базы, а оттуда самолетом в Москву. Едем из аэропорта в гостиницу, шофер включил радио, и первое известие: через 20 минут после нашего отъезда налет российских самолетов практически сровнял с землей Самашки. Только в номере четырехзвездочной гостиницы я разрыдалась. Я всегда делаю это без свидетелей.

Интуиция не впервые оказалась союзницей в моей работе. Я верю в присутствие Высшей Силы, хотя и не признаю никаких посредников.

— *За несколько следующих лет вы сняли полтора десятка широко известных фильмов. В документальном фильме «ЭТА: Приходящие с холода» есть первое телеинтервью с представителями этой баскской террористической организации. Как вы до них добрались?*

— Знаете, я сегодня впервые отвечаю на вопросы, а не задаю их. Только разговор с вами позволил мне осознать, что о происходящем за кулисами съемок документальных фильмов я могла бы написать триллер.

С ЭТА было так. Сначала я поехала на три недели в Страну Басков на разведку. Начала с того, что разнесла письма по помещениям различных учреждений и партий. В письме я предлагала ЭТА выступить в документальном фильме, основанном на убийстве молодого, чуть старше 20 лет, Мигеля Анхеля Бланко, «рядового» сторонника федеративной Испании. «Я знаю, что вы мне помочь не можете, но на всякий случай оставляю письмо», — говорила я чиновникам.

Через несколько дней — сплю в номере гостиницы, звонит телефон: «Спите, сеньора?» — спрашивает мужской голос. «Вас жду». Входит человек, показывает пальцем на потолок, прикладывает палец к губам и подает письмо от ЭТА: просят, чтобы я с экземпляром «Файнэншл таймс» подмышкой 11 сентября в 9 часов утра ждала на одной парижской улице. Два раза прочитала, потом он сжег листок и пепел спустил в уборную. Я сказала об этой встрече только своей начальнице и к назначенному сроку была в Париже. 9 часов — никого, 9.10 и 9.15, в конце концов подходит ко мне тип с «Файнэншл таймс» подмышкой, и тут я сообразила, что забыла эту проклятую газету. Мы зашли на 20 минут в кафе, и мой собеседник назначил встречу в одной гостинице через три дня. Я должна была прийти только с оператором и репортером. «Мы вам приготовили великий эксклюзив», — произнес он, словно я еще нуждалась в какой-то приманке.

— *И что это было?*

— Заявление о безоговорочном перемирии, которое они прочли нам в этом гостиничном номере по-английски и по-баскски, предварительно переодевшись и надев маски.

— *Но вы и ваши коллеги видели их без масок?*

— Разумеется. Симпатичные, умные люди, ничем не отличающиеся от меня или вас. Когда мы упаковывали технику, а они снимали маски, в дверь постучали. Меня парализовало. В номере было столько оружия, что если бы полиция напала на наш след, то никого из нас в живых не осталось бы. «Открой», — приказал мне один из террористов. Пять шагов от кровати до двери — это была самая долгая прогулка в моей жизни.

— *И кто это был?*

— Горничная, которая принесла полотенца. Представьте себе, что после всего этого я договорилась с ними об интервью, которое тоже вошло в

фильм. Мы приехали на испанско-французскую границу, неподалеку от Биаррица, где нам велели пересест в другую машину и завязали глаза. «Простите, пожалуйста, но у нас нет другого выхода», — сказал один из опекунов. Мы ехали с завязанными глазами на заднем сиденье, держа на коленях штатив от камеры. Я и до сих пор не знаю, где я побывала. Мы провели там пять часов, и под конец я стала испытывать начало т.н. стокгольмского синдрома, когда заложник отождествляется с захватившим его террористом. После двухчасового интервью они угостили нас рыбой по-баскски, в овощах.

— *Вы повара похвалили?*

— Да, обед был хорош, но разговаривали мы главным образом о перспективах объявленного ими перемирия. Видите ли, я в своей работе встречаюсь с кем угодно — от священника до террористов — и на время съемок откладываю в сторону моральные оценки и свои личные мнения. Моя задача — представить максимально уравновешенную картину ситуации и голос каждой стороны без оценивающего комментария.

— *За этот фильм вы были выдвинуты на премию Британской ассоциации деятелей кино и театра — британский аналог «Оскара».*

— Да, и я этим страшно горжусь. Премию получил фильм о Лиге охраны животных, но это неважно. Эта работа — нечто большее, чем карьера: это жизненный замысел. Я рада, что еще существует публика, которая хочет смотреть такие картины, и что этим путем можно зарабатывать. Думаю, что нигде больше, кроме Би-Би-Си, у меня не было бы шансов такой независимости и такого развития. Я с самого начала боролась за то, чтобы меня не записали в спецы по Восточной Европе. И успешно.

— *Корни баскского терроризма вы ищете в Гернике и страшном насилии, которому подверг басков генерал Франко. Жертва, зараженная насилием, — это одна из главных тем ваших фильмов. В «Коккаиновой войне», документальной картине о гражданской войне в Колумбии, такой «узловатый» — Карлос Кастана, тогда командующий полувоенными отрядами, отца которого зверски убили левые партизаны. Это было, пожалуй, первое телеинтервью Кастаны?*

— Заведомо первое западному телевидению. Я еще до того работала над фильмом о колумбийских уличных детях. И снова начала с нескольких недель разведки в Боготе: разговаривала с сотнями журналистов, политиков и шоферов такси; таксисты — часто лучший источник информации. Знаете, когда я снимаю фильм, я попросту рта не закрываю. В конце концов достала у кого-то какой-то электронный адрес, послала просьбу об интервью, сообщив номер своего мобильного. Через неделю мы как раз паковали технику после интервью с президентом Пастраной, и тут зазвонил телефон. Мужской голос спросил, могу ли я через месяц быть в таком-то месте, в часе полета от Боготы, но с одним только оператором. В назначенный день мы вылетели. Была страшная духота. Когда мы приземлились, на аэродроме стоял такой маленький человечек с большим плакатом, на котором огромными буквами было написано «ЭВА». Садимся в машину. По дороге водитель начал говорить по мобильнику: «Да, встретили, едем». Вдруг что-то замаячило на горизонте, начало расти, и в конце концов я соображаю, что это вертолет, вокруг которого стоят пять человек в масках, с автоматами Калашникова. «Мы люди господина Кастаны. Начальник просит прощения, но он не мог прилететь за вами лично», — говорит один из них, а мой оператор становится белее полотна. За Кастаной тогда числилось самое большое количество погибших в Колумбии.

— *И вы полетели к Кастане?*

— Поначалу это было фантастическое путешествие над девственными джунглями. Небо без единого облачка, я уже поддавалась этому очарованию, как тут мы полетели над горным хребтом, и — словно кто-то пролил молоко. Я поглядела на летчика, а у него по лицу текут струйки пота. «На этот раз уже не прорвусь», — подумала я. Но вдруг мы вылетели из этого тумана и увидели краешек зелени в джунглях, который стал резко увеличиваться. Когда мы приближались к посадке, я увидела невероятную сцену — потом мы ее воспроизвели с помощью людей Кастаны, — которой открывается фильм. Боевики в платках окружают вырубку, а мы садимся в середину этого круга. Я выхожу, дрожа от страха, оператор выбрался чуть ли не на четвереньках, и тут кто-то хлопает меня по плечу. «Карлос Кастана, очень приятно!» — говорит коренастый мужик. «Эва Эварт с Би-Би-Си, nice meet you!» — отвечаю я, будто со мной такое случается каждый вторник. В этом лагере в джунглях мы провели три дня.

— *А макияж, душ?*

— Что такое макияж, я вообще не знаю. А относительно гигиены природа предоставляла какие-то ручейки.

Боевики принимали нас с почетом: у нас был свой повар, гамаки в выделенном месте и два охранника, которые от нас не отходили, потому что неподалеку произошло столкновение с левыми партизанами.

— *Жертвы правых или левых формирований не пользуются такими привилегиями. В вашем фильме говорится о публичной казни: трем крестьянам отсекли головы механическими пилами.*

— СМИ пользуются привилегиями, которые не всегда оправданы нашей общественной полезностью. С другой стороны, нельзя показать более или менее объективную картину происходящего, говоря исключительно голосом жертв.

— *В документальных фильмах часто выходит наружу правда о деспотическом режиме, нарушении прав человека или даже — если документалист окажется избранником судьбы — о человеческой природе. В вашей картине о Северной Корее бывший начальник трудового лагеря №22 говорит, что «по прошествии примерно трех лет пытать становится делом повседневным». И что родители в газовых камерах пытались спасти детей дыханием «рот в рот». На его лице так и сохранилась тень удивления этому. Давайте поговорим об этом фильме.*

— Думаю, что начальник лагеря — самая мучительная жертва этой системы.

Вначале мы планировали снимать картину по следам утечек, полученных от британской разведки: о контрабанде ядерных материалов между Северной Кореей, Ираном и Пакистаном.

— *Вашу съемочную группу неустанно сопровождают два опекуна, выглядящих как гибрид агентов «Матрикса» с Патом и Паташоном.*

— Тот, что помоложе, свободно говорил по-английски, а старший, его начальник, в 60-е провёл два года на Кубе и знал испанский. Я ругалась с ним по-испански — и безуспешно — из-за очередных пунктов нашей программы. Мы хотели увидеть реактор, лаборатории, а они вели нас в мавзолей Ким Ир Сена и на концерты народных

танцев. Мой репортер Александра Френкель — дочь польского художника, родившаяся в Великобритании, и когда мы хотели, чтобы нас никто не понимал, мы с ней переходили на польский. Это приводило наших опекунов в бешенство.

— *Вы пытались от них ускользнуть?*

— Однажды вечером мы хотели выйти из гостиницы, захватив маленькую цифровую камеру, но стражник остановил нас жестом столь же вежливым, сколь и решительным. Больше мы не пробовали. В Пхеньяне я поняла, что гомулковский и герекровский коммунизм представлял собой какую-то разнузданную демократию по сравнению с окостенелой сталинской Кореей. Когда мы уже вернулись из Пхеньяна, оказалось, что никто из представителей администрации Буша с нами не встретится, потому что они не знают, что делать с этим ядерным тупиком.

Я почувствовала, что фильм рушится, и послала по электронной почте мольбу своему исследователю в Вашингтон. Видно, в действие опять вступила какая-то высшая энергия, так как он сообщил мне о докладе «Права человека в Северной Корее», где приводились показания беглецов из КНДР. Я поняла, что картину надо переориентировать на права человека.

— *Были ли в этом докладе показания об экспериментах с химическим и биологическим оружием на заключенных трудовых лагерей?*

— Кажется, нет, но благодаря этому докладу я встретила с беглянкой, которая в «Оси зла» рассказывает о чудовищной смерти полутора десятков женщин, которых заставили принять какое-то вещество.

Я знала, что дальше надо искать в Сеуле, так как большинство беглецов через Манчжурию и Лаос устремляется в Южную Корею.

— *И как вам удалось встретиться с бывшим начальником лагеря №22?*

— Его уже тогда обнаружили правозащитные организации, но он еще не был готов говорить. Когда я в первый раз встретила с ним в Сеуле, то отошла от своего принципа и впервые не спросила, о чем он будет говорить перед камерой. Я знала: что бы он ни сказал, все будет сенсацией, и я должна снять это интервью как можно скорее, пока он не передумал. Он говорил четыре часа. Переводчица время от времени сообщала нам, о чем он говорит, а я заставляла себя не реагировать.

— *Вы были разочарованы отсутствием реакции политиков на сенсационное открытие применения газовых камер?*

— Да, очень. После того, как обнаружена эта страшная правда, мы должны прижать Пхеньян к стенке и не отпускать, пока они не впустят в лагерь инспекторов. Ничего похожего не произошло. Иногда мне кажется, что род человеческий забрел в какой-то тупик.

— *А не становятся ли такие документы частью шоу-бизнеса? Позволяя мещанину на Западе отмахнуться от интереса к теме?*

— Я могу показать рану, поставить диагноз. У меня, к сожалению, нет средств лечения. Но мой фильм о девушках из прибалтийских стран, отправляемых в публичные дома на Западе, потряс совесть англичан. Тогдашняя женщина-министр социальных дел занялась урегулированием их иммигрантского статуса. В такие моменты понимаешь, что есть смысл переворачивать этих жучков на пляже — чтобы dorasti до Гомбровича.

— *Вам случается плакать перед камерой?*

— Нет, но бывают моменты сильного волнения. Например, когда один из героев «Оси зла», который теперь работает в лос-анджелесской прачечной, рассказал о встрече с матерью в трудовом лагере. Он не видел ее 30 лет. Их обоих посадили по принципу коллективной ответственности, потому что его отца обвинили в шпионаже в пользу США. Он плакал, когда рассказывал, как был очевидцем мучений, которым подвергали эту старушку. Этот эпизод, впрочем, не вошел в картину, так как у нас набралось слишком много материала: 50 часов съемок на 45-минутный фильм.

— *А случается ли вам смеяться?*

— В ходе съемок очень редко — скорее после съемок, в гостинице со съемочной группой. Хотя помню нечто подобное во время съемок фильма «Кто такой Путин» в Санкт-Петербурге в 2001 году. В официальной автобиографии Путин описывает, как он, живя в коммуналке, воевал с крысами на лестничной площадке. И мы решили воспроизвести такую сцену. Я купила крысу в зоомагазине и поручила российской ассистентке за два дня ее приручить. На площадке мы загородили крысе дорогу картонными коробками и начали хлопать и свистеть, но бедняжка была так перепугана, что не захотела нападать на мальчика-актера. Когда мы увидели весь абсурд ситуации, нас на несколько минут охватил глупый хохот.

— *Как вы думаете: за свою необычайную карьеру вы чем-то заплатили?*

— Вы наверное имеете в виду отсутствие семьи, детей. То, что я не вышла снова замуж, не означает, что в моей жизни никого нет. Я открыта к переменам — когда наступит их время. Но если бы все жили по одному и тому же сценарию, в мире было бы ужасно скучно.

Ежи Помяновский

ПАРАДОКС О РАМПЕ

*Лекция, прочитанная 1 октября 2003 г. на открытие нового учебного года
в Театральной Академии в Кракове*

Позвольте мне попытаться объяснить, почему я считаю, что предмет по сути невидимый, виртуальный, находящийся в пренебрежении — рампа — на мой взгляд, не только совершенно необходим для сцены и зрительного зала, но и имеет решающее значение для будущности театра. Однако, чтобы доказать это, и по возможности сжато, мне придется опереться на несколько авторитетов и цитат. В первую очередь я хотел бы напомнить, что вскоре исполнится два года со дня смерти Яна Котта. Он умер 22 декабря 2001 г. и принадлежал к тем людям, которые прославили во всем мире и польскую мысль, и современный польский театр. Так же, как Анджей Северин, Ежи Штур, Эрвин Аксер, Казимеж Деймек, Тадеуш Кантор и еще немало других.

Котта нельзя забывать, ибо он напомнил — не только своими статьями о Шекспире, — что мы принадлежим к Европе не в кредит и чувствуем себя призванными продолжать самые плодотворные ее традиции. Но сегодня я хотел бы вспомнить не о том, что делал Котт ради возрождения наследия — ради Шекспира или нашего собственного Богомольца*.

Вот слова, написанные Коттом в 1966 году: *«Роль знака, роль образа непропорционально превосходит роль писаного слова и записанного знака. Театр — это порядок знаков, которые выражают современные тревоги глубже, чем писаное слово»*. Спустя некоторое время, уже в ваши времена, в 1997 г., Нобелевскую премию по литературе получил итальянский драматург Дарио Фо за свои произведения, которые — если читать их про себя, как обычно читают книгу, —

выглядят в лучшем случае мимолетностями, побасенками, а то и шутовством. Конечно, об этом закричали хором не только конкуренты на Нобеля, но и высоколобые критики всех стран, в том числе и весьма революционные, хотя сам Дарио Фо левее стенки. Однако те, кто видел пьесы Дарио Фо на сцене (правда, не все), да еще когда в них играл сам автор, чаще всего придерживаются иного мнения. Они охотно соглашаются, что премия попала в надлежащие руки. Не забуду, как уже в первой сцене спектакля *«Сi ragiono e canto»* («Подумаем — и поем»), на котором я был с Константы Пузыной, мы не сговариваясь приподнялись с кресел и так, полусидя, полустоя, заслушавшись и изумляясь, дождались финала.

Что же тут удивительного, скажете вы, — речь-то ведь идет о драматических сочинениях, которые, как правило, всерьез заслуживают внимания только на сцене.

Однако это было зримым доказательством того, что началась совсем новая эпоха. А может, и не совсем, ибо это по сути дела — припоминание, воспроизведение или даже второе пришествие эры литературы устной, еще не записанной, той, что, казалось, принадлежит замшелой древности.

И вот мы наблюдаем возвращение в литературу «слова вслух» — слова произносимого и декламируемого. Одновременно мы видим появление актера как фигуры необходимой не только самому театру, но и всякой мысли, которая желает быть повсеместно понятой.

В Польше истоки этого процесса особенно достойны внимания. Довоенный «Радиотеатр воображения» не произвел сенсации, подобной «Борьбе миров» Орсона Уэллса в США, но позволил театру укорениться в духовном мире широких масс. Парадокс военного подполья состоял в том, что «Рапсодический театр», театр поэзии, читаемой вслух, достиг совершенства, не встречавше-

* Францишек Богомolec (1720-1784) — поэт, публицист, комедиограф, создатель репертуара первого национального драматического театра, автор первых польских комических опер.

гося больше нигде, и в самых неблагоприятных обстоятельствах доказал, какую силу и вес могут иметь в Польше мимолетные слова.

Театр слова (так назвал его Мечислав Котлярчик, создатель этого театра, среди актеров которого был молодой Кароль Войтыла) обрел в Польше небывалый авторитет и наследников. Много лет спустя событием 1998 года стала радиопередача полного текста «Пана Тадеуша»: книгу за книгой читали 12 самых лучших актеров, и пол-Польши обратилась в слух. Войцех Семён вот уже полвека собирает толпы, открывая ранее неведомые им значения широко известных стихотворений, рассказов, пьес. После постановки рассказов Исаака Бабеля в его театре одного актера книги Бабеля исчезли из книжных магазинов.

Актер оказался куда лучше видимым, а в конце концов и необходимым, благодаря распространению телевидения. Но не благодаря бормотанию, которое мы чаще всего слышим с телеэкранов и по радио. Наоборот, теперь актер устанавливает планку и обнаруживает компрометирующий контраст между, с одной стороны, содержанием и формой того, что говорит он, а с другой — уровнем большинства политических высказываний.

Театр расширил свое пространство, стал, как мы видим, опять-таки чем-то необходимым для взаимопонимания и познания того, что выглядело лишь сферой неслышного диалога между автором и читателем.

Доказательства мы найдем не только в Италии и не только на границе вязкой деланки политики. По воскресеньям я вижу толпы молодежи, штурмующей краковский Театр имени Словацкого, чтобы попасть на поэтические утренники, которые так замечательно ведет Анна Дымная с помощью Юзефа Опальского и коллег по театру. Здесь заново открывают поэзию, ибо здесь, когда актер воспринял и передал ее слушателям, она обретает третье измерение. Эти утренники — яркое, живое доказательство (на такой все еще узкой территории) огромного будущего, стоящего перед этой, простите за упрощение, «литературой вслух», литературой не для глухих, литературой для тех, кто желает ее понять и познать во всей полноте, а не только частично. Вместе с ритмом, рифмами, мелодией, тоникой — со всем, что фраера считают старосветским орнаментом, но что по существу открывает всю суть. Это не значит, что вместо оркестра мне хватит шарманки.

Никто не поймет это явление лучше, чем русские. Душа русской поэзии — тоническая стихия. Тот, кто помнит Яхонтова или Журавлева, никогда не остановится на чтении про себя.

Но тут одно замечание: этот новый шанс, предоставленный литературе, и не только поэзии, несет в себе и опасность. Она знакома зрителям, помнящим «Мещанина во дворянстве». Господину Журдену казалось, что он говорит прозой. Опасность состоит в том, что говорение, болтовню смешивают с понятием слова ценного, сформированного, литературного, произнесенного профессионалом, актером. Это угрожает стереть различия между тем, что есть искусство, и тем, что выглядит естественным.

И мы снова возвращаемся к старой дилемме, вокруг которой веками спорили театралы, а в особенности теоретики театра. К теоретикам театра у меня нет особого доверия. Я намного больше верю его практикам. Дени Дидро в «Парадоксе об актере» исключительно просто, с ясностью, присущей эпохе Просвещения, столкнул двух представителей этих двух различных мнений о роли актера и методах его деятельности. Один из них, alter ego самого автора, защищает искусственность, второй — естественные чувства, т.е. то, что было бунтарской новостью в тот период, во времена сентиментализма, распространявшегося в искусстве, в те годы, когда уже чувствовалось веяние романтизма и в литературе, и в нравах, когда рядом с Гёте жил Шиллер. Напомню слова Дидро: «В театр приходят не для того, чтобы смотреть на слезы, а чтобы слушать слова, которые выжимают слезы. Потому что правда природы не совпадает с правдой театральных правил».

Святые слова, да только Дидро забыл объяснить, что речь идет не о каких-то произвольных правилах, выдуманных предписаниях. Не они приносят превосходство тем, кто ведет себя в театре по правилам. Дидро не объяснил, почему игра, притворство успешней так называемой искренности. Это одна из основополагающих проблем, о которых люди поумнее меня рассказывают молодежи в театральных училищах и о которых веками спорят друг с другом и режиссеры, и актеры.

В каждом поколении неустанно звучат голоса, а то и целый хор, призывающий к естественности, к подлинному переживанию, к искренности — в пренебрежении театральными правилами. Обычно это приводит к половодью дилетантства и любительщины, а иногда, как это происходило с

парижскими демонстрантами в мае 1968-го, это порождает уверенность, что они принимают участие в великолепном спектакле уже потому хотя бы, что что-то против кого-то кричат.

На самом деле явление, называемое искусственностью (зачастую кратчайший путь к правде), — это само по себе то, что Бертольт Брехт (давно уже сидящий в чистилище) называл V-effekt'ом, или эффектом внезапного удивления. Поверхностные переводчики научили нас называть это эффектом отчуждения. Речь идет о внезапном удивлении, которое испытывает зритель, слышащий хорошо произносимую актером фразу, когда вдруг обнаруживает упущенный им аспект заурядности. Так бывает, когда актер способен произнести свои слова так, что то, о чем он говорит — вещь заурядная, с которой мы каждый день сталкиваемся и которая потому-то и стала истертой, выцветшей, а значит, незаметной, — эта самая вещь, или этот самый вопрос, благодаря участию хорошо подготовленного актера, настоящего профессионала, вдруг становится открытием. Мы видим ее новую, неизвестную до тех пор сторону.

Нам показывают особенность того, что мы считаем расхожим явлением. Действительность, дорогие мои, болтлива, хаотична и чаще всего скучна. Мы алчем смысла, который трудно усмотреть в этом потоке повседневных, болтливых периодов и фраз, в потоке происшествий, которые мы наблюдаем и которые, возможно, не заслуживают даже взгляда. Театральная работа придает событиям, происходящим на сцене, спасительную мнимость, видимость смысла. Это и есть то утешение, которого мы ищем в театре. Роль актера в передаче нам этого смысла или его видимости — но видимости, необходимой для того, чтобы мы могли жить дальше, — эта роль неопределима и замечательна.

Признаюсь, что некогда я считался, да и сам себя считал, театральным критиком. В Польше я выпустил четыре тома театральных рецензий, за границей написал еще один. В один прекрасный день я решил, что с этим пора кончать. Произошло это после того, как я посмотрел «Мертвый класс» в зале на окраине Милана, куда Кантор привез этот спектакль. Написав, что я думаю об этом представлении, поставив эту точку, я поклялся себе ничего больше о театре не писать. Не потому что перестал его ценить, а наоборот — потому что решил отныне ходить в театр только для того, что Ежи Стемповский назвал чистым наслаждением. Несравненным

наслаждением, которое испытываешь в театре. Вместо того чтоб ходить туда с карандашиком и записывать впечатления, а потом намарать рецензию (т.е. дилетантский контрпроект режиссуры спектакля), я теперь хожу в театр только ради этого наслаждения. И неизменно восхваляю это чистое наслаждение у себя на родине.

Эрвин Аксер, автор чудесных рассказов, которые он печатает в «Диалоге», называя их фельетонами, недавно напомнил, что Станислава Пежановская, актриса и испытанный режиссер, утверждала, что на сцене никогда нельзя бегать. Ирина Эйхлер, актриса, долго остававшаяся красивой, но весившая весьма немало, двигавшаяся медленно и достойно (я имел честь работать с ней в Национальном театре, когда был там при незабвенном Вилламе Хожице завлитом), в какой-то пьесе вышла на сцену и, как показалось Пежановской, побежала. Аксер очень удивился и спросил актрису, как это она все ж таки... «Да я вовсе не бежала, я бегать не умею». — «А все ж таки у тебя получилось». — «Да упаси Боже, я же актриса, я не бежала, я это сыграла!»

Это, разумеется, было торжеством не только профессионализма, но и той славной искусственности, которая остается кратчайшим путем к правде. Тот же Аксер (не могу удержаться от еще одной цитаты) в свое время сказал, что «правда жизни и правда театра связаны очень близкими отношениями, такими, как Земля и Луна, но горе, если Луна упадет на Землю». Это очень важное наблюдение, которое кажется мне близким тому, что я говорю здесь о рампе как бруствере, защищающем театр от натиска болтовни и беспорядка. Раз уж я подкрепляю свое мнение цитатами, напомню опять-таки Дидро: «Актеры производят впечатление на публику не тогда, когда разъяряются, а когда изображают ярость».

В Польше мы имеем дело с феноменом, еще недостаточно оцененным: у нас оба этих канона, тот, где выбирают естественность, и тот, где выбирают профессиональное притворство, достигли апогея. Представители этих двух подходов — Гротовский и Кантор, вопреки тому, что можно прочесть в учебниках, где их имена обычно выпадают одним духом, словно сиамских близнецов. Мне довелось знать их обоих, особенно близко — Тадеуша Кантора. Я считаю его звездой, которая светит все сильнее, хоть его самого давно уже нет, — как это случается с далекими звездами по ту сторону небесного купола.

Готовский провозглашал возвращение к истокам, т.е. к искренности, считал искусство лживым вымыслом, чем-то вроде подделки, оскорбительной для человека. Ища путей возвращения к ритуальным архетипам нашего поведения, он требовал не фальсифицировать внутреннюю жизнь. Он стремился расплавить театр в непосредственном творчестве и в конце концов совсем бросил театр. Он заставлял своих актеров упражняться, чтобы они раскрывали свои самые искренние, самые подлинные, собственные, свободные переживания. Кантор же после долгих опытов, после блужданий через все идеи всяческого в мире авангарда, пришел к строгости. Подумайте: еще в «Водяной курочке», его постановке по Виткацию, действия актеров, в согласии с замыслом Кантора, противостояли тексту, который они произносили. Это были два не параллельных, но одновременных сценических процесса: один — словесный, второй — состоявший в актерских действиях, движениях, входах, выходах, позициях и взаимных столкновениях, которые не могли иметь ничего общего с тем самым текстом, что они в это время спокойно произносили. Добавлю, что на протяжении всего этого спектакля устраивались разговорчики с публикой. После таких экспериментов Кантор вернулся к строгости такой жесткой, какой в его времена театр (по крайней мере европейский, который я не так уж плохо знаю) попросту уже не помнил. Трудно представить себе спектакли, организованные суровой и строже, нежели все, поставленные после триумфов «Мертвого класса».

Тадеуш Ружевиц после премьеры «Мертвого класса» в Польше сказал: «Я стихийно поддался радости — как зритель, а не один из участников спектакля. Я сидел в зрительном зале, не лез в среду актеров, и актеры на меня не лезли. Я был отделён. Вот условие радости». Это действительно условие восприятия всего, что творится в театре, — без этого не получишь удовлетворения. Об этом не заботились теоретики уличного театра, да и всякого театра с политическими амбициями, который в районе 1968-го во всех западных столицах рвался влиять на состояние духа зрительного зала. Он применял простой на вид способ: втягивал зрителей в

действие и добивался, чтобы актеры перешли видимую или невидимую рампу. Как правило, это приводило к недоразумениям: зрители чувствовали себя не в своей роли. Я не встречал никого, кого бы эти эксперименты убедили, а тем более — политически переубедили.

Рампа, как мы видим, — сигнал, что здесь начинается *иное*, так же, как рифмы и ритм в поэзии служат не только удовлетворению наших музыкальных навыков. Ибо звуковая сторона стиха — не только носитель смысла, который его семантической части неведом, но и сигнал, что это не какое-то бормотание, что нам важна правда, а не правдоподобие, а правда должна быть — как в печати — подчеркнута, выделена особым способом ее подачи. Этим подчеркивается, если вы позволите мне употребить жаргон информатиков, сообщение. Густав Холубек в интервью, помещенном в журнале, который Ежи Гедройц велел мне учредить и редактировать (см. «Новая Польша», 2003, №9), сказал: «...в театре теперь воцарилась мода на искусственное преодоление барьеров между зрителем и сценой. Просто-напросто убирают рампу, занавес и выходят к публике со всем своим бесцеремонным напором и необузданностью. (...) Но я полагаю, что сам по себе уход со сцены, с тем чтобы погрузиться в „подлинную жизнь“, не выдерживает испытания практикой».

А вот и эпиграф к этой статье, который я, с вашего разрешения, приведу в конце. Сергей Образцов, обновитель русского кукольного театра, сказал, что коробок спичек может сыграть всё, кроме одного: коробка спичек. Поверьте, что это относится и к актеру. Пресловутая искренность и естественность, о которой здесь шла речь и которая должна была заменить выученное мастерство и лживую искусственность, как раз и делает из коробка всего лишь коробок. Сыграть коробок может лишь что-то другое — он не может сыграть сам себя. Правда, надо уметь сыграть.

Исаак Бабель, писатель непогрешимый, учил, что «никакое железо не входит в сердце с такой леденящей силой, как вовремя поставленная точка». Позвольте мне следовать этому совету.

Войцех Семён

Перевод
Юрия Чайникова

МОЙ ОТЕЦ

*Рассказ на три голоса по книге
Генрика Гринберга «Еврейская война»
(Театр «Стара проховня», Варшава, апрель 1993)*

Отец. Мой отец бегал к помещику, подкупал жандармов, делал что мог. Помещик убеждал жандармов, что отец на фольварке необходим и что если им в самом деле нужно, чтобы все поставки осуществлялись в срок, то пусть оставят отца на фольварке и не трогают так долго, сколько будет возможно. Отец работал, как и раньше: руководил молочной фермой и помогал вести счета, да только теперь не помещик платил отцу, а отец помещику. Так продолжалось в течение года.

Мать. Когда же не стало другого выхода, отец погрузил на одолженную у помещика телегу весь остаток скарба — остаток, потому что всё самое ценное он оставил у помещика и других людей, — и мы поехали в местечко, где жила мамина семья. Туда из соседней деревни уже перевезли деда со всей семьей, и там мы поселились в одной комнате в каменном доме, что принадлежал деду.

Отец. Каждый день отец с дедом выходили на шоссе дробить камень.

Мать. В общем было не так уж плохо, пока немцы не стали вывозить людей в лагерь под Венгрово. Но началось все с сахара и муки.

Автор. Сахара и муки было слишком мало, и на всех хватить не могло.

Спустя какое-то время выяснилось, что те, у кого были наличные, чтобы «отovarить» соответствующее количество карточек, приходили вовремя, а у кого денег не было... те тоже приходили и приходили, но всегда приходили... слишком поздно.

Отец. Деньги у отца были, а потому все было в порядке, пока по договоренности с Советом половину запасов сахара не перепродали в Минске Мазовецком.

Автор. Тогда в числе не получивших товар оказались и мы, правда, потому, что нам не досталось карточек.

Отец. Чтобы выяснить, в чем дело, отец пришел к Нусену, который был тогда председателем. У Нусена в буфете за стеклом он обнаружил целую стопку не выданных карточек.

— Почему ты не дал мне карточки?

Автор. — Потому что их нет, — ответил Нусен.

Отец. — Чего нет, карточек?..

Автор. — Сахара нет. Дали только половину...

Отец. — А карточки дали?

Автор. — Какие карточки? — удивился Нусен.

Отец. — А вот эти!.. — сказал отец, хватая стопку карточек за стеклом. Нусен бросился отбирать карточки у отца, но отец выбежал на улицу. Нусен пустился за ним. Отец вбежал на участок, где начальником был Лясковский, и вручил эти карточки Лясковскому.

Мать. Нусену тогда пришлось отдать отцу наши карточки и постараться отovarить их мукой и сахаром.

Отец. Но когда немцы потребовали от Нусена дополнительной отправки мужчин в лагерь под Венгрово, тот внес отца в список.

Автор. Пока отец находился в лагере и копал придорожные рвы, мы заболели тифом.

Отец. Узнав об этом, отец начал думать, как бы убежать из лагеря. И вот как-то раз немец-надсмотрщик обратил внимание, что в одном месте отец копает глубоко, как и требовалось, а в другом, где не видно, неглубоко или вовсе не копает.

— Komm hier! — крикнул он отцу. А когда отец подошел, немец ударил его хлыстом с железной шишкой на конце. — Разве так копают?! — прикрикнул немец.

Отец вернулся на место и, пока тот немец глядел, копал так глубоко, как только мог, а когда немец ушел и на его месте оказался польский полицейский, отец схватился за живот и сказал, что у него живот подвело со страху, когда его немец бил, и должен сходить в кусты.

А в т о р . Кусты тянулись до самого леса, поэтому отец в лагерь не вернулся, а спрятался в лесу; на следующий день он явился к нам домой.

М а т ь . Отец нанял крестьянскую телегу, положил на нее маму и меня, малыша оставил у деда, а нас повез в больницу. Но не в ту, что в Минске-Мазовецком, где больных изводили, оставляя лежать, пока сами не умрут. Он отвез нас в настоящую больницу, в Венгрово. Вдобавок он и сам разболелся, так что, как приехали в Венгрово, его положили вместе с нами.

А в т о р . Когда мама и я выздоровели, отец все еще болел, и мы вернулись из больницы без него.

М а т ь . А тут оказалось, что наша квартира уже кем-то занята, и председатель Нусен определил нам место в бараке, вместе с беднотой.

О т е ц . Хоть из больницы отец вернулся очень худой и едва держался на ногах, он в тот же вечер пошел к Нусену.

— Ты что же себе думаешь? Чужим людям отдаешь квартиру в каменном доме, принадлежащем моему отцу, а моей жене и детям, которые едва выкарабкались из тифа, велишь ютиться в сарае с нищими?!

А в т о р . — А ты?! — отвечал Нусен. — Что ты себе позволяешь?! Убегашь из лагеря, а мне за тебя отвечать?! Радуйся, что тебя пока не поймали. У меня тоже жена и дети!.. Ни тебя, ни твоей семьи в списке жильцов нет! Откуда мне было знать, что вы вернетесь из больницы?! Оттуда что, так много возвращается?

О т е ц . — А зачем ты меня в лагерь отправил?

А в т о р . — Ты в мои служебные дела лучше не суйся! — прикрикнул Нусен и стукнул кулаком по столу.

О т е ц . И тогда отец заметил, что под прикрытым длинной скатертью столом лежит ровнехонько разделанная голова черной телки. Дело в том, что толстый Нусен был не только председателем, но и мясником и занимался нелегальным убоем.

— Я в твои служебные дела не полезу, если ты мне и моей семье дашь приличное жилье.

А в т о р . — Ну а если нет?!

О т е ц . — А если нет... — отец нагнулся под стол и вытащил оттуда за уши эту отрезанную голову.

М а т ь . В тот раз он дал Нусену десяток-другой золотых наличными, и мы снова зажили как люди, хоть и не значились в списках жителей местечка.

А в т о р . Впрочем, и это продлилось недолго.

М а т ь . Осенью возы, груженные перинами и подушками, тронулись в сторону Станислава.

А в т о р . Неизвестно, что отец знал, а о чем только догадывался.

О т е ц . В любом случае он никогда никому чересчур не доверял, а тем более немцам. Верил только себе. Поэтому в Станиславе, который, как потом оказалось, был не местом нашего назначения, а лишь этапом на пути нашего предназначения...

М а т ь . ...в ту ночь, когда все узнали, что утром им надо будет явиться семьями, с чемоданом, исключительно ручной кладью, не больше, чем сами смогут донести...

О т е ц . ...в ту ночь отец решил, что больше мы никуда являться не станем.

Кто сможет, пусть сразу бежит в деревню.

А в т о р . Потому что мы бывали в деревне и знали, что даже если что-нибудь и случится, то в деревне так запросто не пропадешь, как в городе.

М а т ь . Спать мы легли одетыми, напялив на себя столько, сколько сумели. Мама разбудила меня так рано, что мне показалось, будто я вот только закрыл глаза.

Буся спал, завернутый в голубое одеяло.

О т е ц . Он тоже не мог бежать. Его пока что собирались оставить в одной многодетной семье. Ему было всего полтора года, и любой мог сказать, что это, мол, его ребенок.

М а т ь . Но в последний момент мать воспротивилась и не захотела отдать Бусю женщине, которая пришла за ним, и мы выскочили из дома все вместе.

А в т о р . Это уже была не ночь, когда мы бежали по серой улочке в сторону поля. Отовсюду слышались топот, стук и даже выстрелы.

М а т ь . Мама бежала с Бусей на руках.

А в т о р . А я побежал рядом, держась за отца.

О т е ц . Отец посадил меня на закорки.

А в т о р . Но мама с Бусей на руках повернула, и в деревню мы с отцом пришли без мамы.

О т е ц . Когда я снова ее увидел, она сидела посреди комнаты в Глембочице, у хозяина, где они спрятались.

А в т о р . — Где Буся?

М а т ь . — Нет Буси.

А в т о р . — А где он?

М а т ь . — Нет его больше...

О т е ц . — Не терзай мать. Видишь, небось, что она устала. Если будешь ее дальше мучить, то она уйдет и больше не вернется. Поди лучше во двор, поиграй!

А в т о р . — Но я хочу знать, где Буся!

О т е ц . В деревне было хорошо. Деревня — это такие просторы, где ты не встретишь тех, кого не хочешь встречать, а только тех, кто ждет тебя в стоящей на отшибе хате, дает поесть, пускает переночевать, тех, кто знает тебя. Если приближался кто-нибудь чужой, мы закрывались в пустой комнате, где обычно была лишь одна кровать, одна, но такая большая, что мы все могли уместиться на ней. Дверь в такую комнату задвигали с другой стороны шкафом.

М а т ь . Однажды, когда мы еще были в Глембочице, к нашему хозяину приехала тетка Итка. И тогда мы узнали (от хозяина, а не от тетки, потому что тетке про нас ничего не сказали), что дед и бабушка не захотели скрываться и сели в поезд.

А в т о р . Дед был талмудистом.

М а т ь . Талмудист — это человек, который стремится быть мудрым. А тот, кто этого хочет, тот уже мудрый — стало быть, дед был мудрым.

О т е ц . Не думаю, чтобы мой дед не понимал, куда направлялся этот поезд... Но знал он также, что ожидало тех, кто убегал. Он знал о людях всё, во всяком случае самое главное, ибо в мелочи он никогда не вдался.

А в т о р . Он знал также, что этот мир существует в силу некоего договора, в котором поставлено несколько таких условий, что если мы не выполним хоть одно... Поэтому он сел в поезд, чтобы умереть добровольно, как человек.

М а т ь . Он нам ничего не сказал.

О т е ц . Для этого он был слишком умным.

М а т ь . Может, опасался чего.

О т е ц . Однако он хотел, чтобы мы на всякий случай бежали, потому что был мудрым...

М а т ь . А еще хозяин узнал от Итки, что Нусен с женой где-то поблизости. Что они бежали из поезда, оставив своих прекрасных детей.

О т е ц . Когда мама это услышала, ее лицо задрожало, и она уткнулась в подушку. Но продолжали дрожать ее плечи и спина.

М а т ь . Она хотела спасти Бусю. Хотела спрятаться вместе с ним, но ей сказали, что нельзя, потому что Буся может закричать или заплакать. Поэтому ее спрятали, а Бусю взяли к себе в комнату. Буся был красивый, с большими голубыми глазами. Плакал очень редко — вот только когда играл, сильно шумел. Часто показывал, как летит самолет.

Мама слышала, как пришли. Лежала на чердаке, в сене, у лестницы и все слышала.

А в т о р . — Чей это ребенок? — спросили они.

О т е ц . — Наш.

А в т о р . — Для вашего слишком красивый!... — рассмеялся один. — И к тому же обрезанный...

М а т ь . Буся не заплакал. Совсем не испугался. Он так смотрел на них своими голубыми глазками, что те даже рассмеялись. Показывали его друг другу и, забирая с собой, только повторяли: «Какой красивый ребенок...» Даже не наказали хозяйку, такое вот было у них хорошее настроение. Когда мама рассказывала это, то не могла скрыть гордости... — Может, кто-нибудь взял его к себе, — говорила она. — Может, ему не сделали ничего плохого?

А в т о р . Мы пробыли в Глембочице до глубокой осени.

М а т ь . Может быть, мы остались бы там и дольше...

Отец. ...но в деревню нагрянула проверка. Сначала хозяева хотели спрятать нас в соломе, в овине, где сидела тетка Итка, но отец стал возражать. Он сказал, что нехорошо, когда все вместе. Да и какая из сарая схоронка.

Мать. Поэтому мы укрылись в хлеву. Там, где мы сидели, было немного соломы, а внизу мычали коровы, так что мы чувствовали себя бодрее.

Отец. Сквозь щели мы видели, как во двор въехала желтая брочка, как одни вошли в дом, а другие направились в овин, где скрывалась тетка Итка. Немного там побыли, а потом вышли и вывели тетку Итку с ключьями соломы в длинной черной косе.

Мать. Мы видели, как она шла через двор, а она и не знала, что мы были так близко и все время смотрели на нее.

Автор. И никогда об этом не узнала.

Мать. Потом открылись двери хлева, где мы прятались, и они стали ходить по нему. Они не заметили нас, потому что в хлеву было полно свежего навоза, а коровы громко замычали и всё никак не успокаивались, пока те не вышли...

Отец. В тот же вечер мы покинули Глембочицу, пустившись напрямик через лес.

Автор. С той поры мы часто ходили через лес.

Отец. В нем совсем не было дорог, и только отец знал, куда идти. Лес закрывал нас, но закрывал он и всё, что было перед нами и вокруг нас, и поэтому мы не могли в лесу чувствовать себя в полной безопасности. Ну, например, идем мы по лесу, а нам навстречу лесник.

Автор. — Это что такое? — спрашивает лесник. — Прогулки? Среде бела дня?..

Отец. — Ну да... для моциона...

Автор. — С ребенком? А не простудится?..

Мать. — Да что вы... Он закаленный.

Автор. — Это хорошо, — задумчиво говорит лесник. — Это очень хорошо.

Отец. А у отца руки дрожат и все никак не хотят попасть в карман...

Автор. — Эээ, не стоит, не ищите... — мягко говорит лесник. — Я не жадный, нам чужого не надо...

Мать. — Вы, пан лесник, хороший человек. Мы, видите ли, пан лесник, только по пути... Мы здесь только пройдемся и пойдем себе дальше...

Автор. — Та-а-ак... — тянет лесник. — Я, конечно, человек не жадный. Мне что Бог пошлет, то и хорошо... Мне ничего такого не надо... — добавляет он. — Время такое, что если цел остался, то уже и богач.

Отец. — Это точно.

Мать. — Истинная правда!

Автор. — Кому сегодня в голову придет требовать деньги или золото?!... каждому прежде всего жизнь мила.

Отец. — Так мы, может, уже пойдем, пан лесник?

Автор. — Я же говорю, каждому жизнь мила... — канючил лесник, делая вид, что не слышал того, что сказал отец. — Человеку приходится делать, что велют. Такое время!..

Отец. — Но ведь мы, простите, только... — руки отца пробежали по одежде и наконец попали в нагрудный карман, — ...только прогуливались...

Мать. — Мы только потому, что нам по пути...

Автор. — С ребенком?.. — кисло ухмыльнулся лесник.

Отец. — Вот, пожалуйста, возьмите это, пан лесник!..

Мать. — И это кольцо тоже возьмите... — сказала мать, снимая с пальца свое колечко. — Оно с настоящим камнем, — добавила.

Автор. — Как же человеку рисковать приходится... — вздохнул лесник. — Но что поделаешь, надо ж человеком быть... Да ладно уж, нечего плакать, женщина. Честно говоря, ребенка я пожалел, не то... Но чтоб больше ноги вашей тут не было! — уже издали добавил лесник. — Не то в другой раз и сам Господь Бог вам не поможет!..

Мать. Мы скрывались в лесу до сумерек. Сидели под раскидистыми хвойными деревьями, у ствола, где было укромно и сухо.

Отец. Когда становилось темно, отец попрощался с нами...

Автор. ...а мама прижимала меня к себе ближе и велела вести себя еще тише.

М а т ь . Мы глядели туда, откуда после ухода отца сначала слышался треск ветвей, а потом оставалось только их колыхание.

А в т о р . Мы оставались одни.

М а т ь . Мы никогда не знали, когда вернется отец.

А в т о р . «Когда»? Мы не знали, вернется ли он вообще. Он ведь мог и не вернуться.

М а т ь . В такие моменты куда-то пропадало наше постоянное чувство голода, и единственным нашим желанием было, чтобы отец поскорее вернулся.

А в т о р . Чтобы не приносил ни холодного супа, ни молока, только чтобы наконец вернулся и больше никогда не уходил.

О т е ц . А потом он всегда возвращался и приносил котелок с густым супом, густым от холода и сосновых иголок, попавших в него по дороге...

А в т о р . ...и, хотя мы были очень голодны, мы ели наш суп осторожно, выбирая колочки, как будто это не суп, а рыба.

О т е ц . А когда спускалась ночь, мы перекочевывали в очередной овин, чаще всего на одну ночь и один день, чтобы в следующую ночь отойти еще на пару километров.

М а т ь . Так было безопасней и для нас и для тех, кто давал нам приют, и нас в самом деле трудно было выследить.

О т е ц . Мы могли ходить так до поздней осени, но зимой это было бы невозможно.

М а т ь . На зимовку отец договорился со Сливой, который жил на хуторе. Мы снова спали на кровати и не должны были каждый день расставаться с отцом.

О т е ц . У нас и там на всякий случай было убежище за шкафом, в декоративной стенке, а вернее — между стенами. В случае опасности мы там укрывались. Там можно было стоять или сидеть, но уже не лежишь. Как-то раз мы просидели там целый день, не могли выйти даже по нужде. Это был самый плохой день. Кроме того, у тайника был еще один недостаток: войти в него можно было только из первой комнаты. Поэтому, когда пришел деревенский староста, мы не смогли воспользоваться нашим убежищем.

М а т ь . Староста пришел вечером.

А в т о р . — Да будет благословен Господь, пан Слива, мы пришли к вам евреев искать! Мы слышали, что вы держите у себя евреев, — сказал староста.

М а т ь . — Вы, пан староста, видать, выпили и теперь шутить изволите, — усмехнулась жена Сливы. — Мы? Евреев?..

А в т о р . Но староста не шутил и сказал, что хотел бы поискать.

М а т ь . — Пожалуйста, пан староста, ищите, — сказала жена Сливы, подавая старосте ключ от нашей комнаты, а другой рукой незаметно сдвигая чуть выглядывавший из-за шкафа деревянный засов.

О т е ц . Староста повернул ключ, но дверь не открылась.

А в т о р . — Там сидит кто-то и держит дверь! — сказал староста.

М а т ь . — Вот еще! Кто же там может держать, если там нет никого? — наивно улыбнулась жена Сливы.

А в т о р . В конце концов староста должен был заметить деревянный засов. Заметил, повернул и открыл дверь. Распахнул ее настежь. В гостиной тогда действительно никого не было; сквозь одно из выбитых замерзших окон веяло пронизывающим холодом, а отодранные руками отца доски наводили страх.

М а т ь . Тогда мы пошли через пустые белые поля, оставляя за собой на снегу отчаянно глубокий темный след.

А в т о р . Ноги подкашивались, все глубже проваливались в снег, и у меня не было больше сил вытягивать их из снега, слишком короткие ноги из слишком глубокого снега, поэтому отец с матерью взяли меня с двух сторон и вытаскивали из снега за руки, потом и руки у меня начали болеть, а я стал плакать и просить, чтобы они остановились, потому что я больше не могу идти.

О т е ц . Но они не сбавляли темпа, только отец запретил мне плакать, потому что нас могли услышать...

А в т о р . И я не плакал, а только просил, чтобы они остановились передохнуть.

М а т ь . Но они сказали, что останавливаться нельзя, потому что те могли нас догнать, а кроме того, нам надо было хоть куда-нибудь прийти до наступления утра.

А в т о р . Ну хоть на минутку остановимся, просил я.

О т е ц . Ни на секунду, сказал отец, потому что если мы остановимся, ты заснешь.

А в т о р . Вот и хорошо, потому что мне как раз спать хочется, сказал я, отпуская его руку, и провалился в снег. Меня разбудил лай и хорошо знакомый запах хлева и конюшни. Отец сунул мне в рот большую теплую бутылку парного молока, а я пил и засыпал. Когда я засыпал, он будил меня и так сильно наклонял бутылку, что я не успевал глотать, захлебывался и засыпал.

О т е ц . Только на следующую ночь отец постучал в окно помещицкого дома и разбудил хозяев, извиняясь, что разбудил их ночью, и спросил, не разрешат ли они нам расположиться в хлеву? Помещик позволил, только на день велел перебраться в амбар, потому что в хлеву днем бывает слишком много людей. Жена его дала отцу хлеб и молоко, маме — теплый платок, а мне — варежки и шарф.

М а т ь . Так и лежали мы в помещицьем хлеву. Пока мы пережидали то в хлеву, то в амбаре, отец отправился на поиски убежища, где скрывались другие дед с бабкой и остальная семья мамы.

О т е ц . Он нашел их в лесу, на Бидуле, в землянке.

А в т о р . Бабушка устроила прием в честь нашего прибытия.

О т е ц . Перед входом в землянку разложили костер. Из муки, что принес отец, приготовили клецки и полили их молоком.

М а т ь . Одни сели поближе к огню, другие, распрямившись в полный рост, ходили среди деревьев и дышали свежим воздухом.

О т е ц . Землянку выкопали глубокую, как следует укрепили нестреганными столбиками, выстелили ветками и соломой. В ней не чувствовалось ни холода, ни сырости, и всем хватало места.

А в т о р . Только темно было очень.

М а т ь . Будто в мире была только ночь. Лучше всего было тем, у кого получалось весь день спать и не чувствовать во сне, как их жрут вши; они просыпались только к ночи, выходили по нужде, а вшей стряхивали в огонь. Мама все плакала, не посевая искать у меня в голове. Сетовала, что вши такие огромные.

О т е ц . Отец подбадривал: вот перезимуем, опять найдется какое-нибудь место получше, а пока что никуда не двинешься, не то нас легко выследят, да и замерзнуть можно на дороге.

М а т ь . В тех же самых краях действовала группа Слона. В нее входили братья Бжозаки: большой Нютек, Бюмек, Манес и Авель, а еще мой дядя Арон и другие одинокие, а еще те, кому не удалось спасти свои семьи. Одни мужчины. Тогда из гетто в Радзымине спасся младший из Бжозаков, Авель, который к тому же вывел из гетто старшую дочку Бюмека. А дело было так: он шел к поезду рядом с женой Бюмека, которая несла на руках младшую девочку. В Фаленице, когда их вели на станцию, Авель рванулся между стоящими на путях пустыми вагонами и утащил за собой малышку, которую вел за руку. Он сделал это так неожиданно, что даже Бюмекова жена не сообразила, как это произошло. Авель вбежал с малышкой во двор какой-то виллы. Стояло лето, а дети одеты в свои лучшие зимние вещи. Во дворе были две старушки, которым беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что это за дети. Старушки спрятали детей в подвале, где те просидели до ночи. Весь день их искали по окрестностям с собаками, но старушки полили дорожку водой и посыпали желтым песком, как на Пасху. Малышку сначала прятали у Сливы, а потом у Садовских.

О т е ц . Авель погиб полгода спустя, когда пошел к Подоревскому. Погиб вместе со своим братом Манесом, потому что пошли туда вместе. Была зима, и их одолел голод. Подоревский вел хозяйство на Пивках, на лучшей в округе земле, был самым богатым и самым образованным помещиком, какого мы знали, магистр философии, в свое время они с ним вели торговлю.

Они пошли к нему не за деньгами, не за ценностями, которые оставили у него. Просили лишь немного муки, каши, картошки и солонины. Подоревский впустил их и сказал, что даст им все, что нужно, только чтоб они пока спрятались и чтоб их никто не увидел, а он сам все подготовит. Ну вот спустились, значит, Авель с Манесом в подвал, куда им указал Подоревский. Влезли они в глубокое темное отверстие, а Подоревский задвинул над их головами засов, поставил сверху большой черный сундук, сам сел на сундук и стал ждать немцев, за которыми послал. Немцам не хотелось ехать на ночь глядя, поэтому Авелю и Менесу пришлось просидеть в подвале до самого утра. Не знали ребята, что их ожидало на самом деле, потому что, когда они стучали в деревянную крышку, Подоревский наклонялся и говорил, чтобы сидели тихо, потому что пока небезопасно выходить. Вот и просидели они до последней минуты, не зная, какую судьбу уготовал им Подоревский...

А в т о р . «Еврен, — думал Подоревский, — это упыри. Выходят из-под земли ночью и заглядывают в окна». Крестьяне — люди темные и суеверные. Но Подоревский — он философ. Вот и думал: разве можно тут чем-нибудь помочь? Только муки сократить... И дело не в деньгах, которые оставались ему

после них. Он ведь и без того был богат. Впрочем, думал он, если бы пришлось попасть в руки немцев или совсем пропасть... Подоревский был философом.

Отец. Утром люди видели, как в тот же грузовик, что повез Авеля и Менеса, посадили старого еврея с маленьким внуком. Кажется, этот старый еврей умолял, чтобы их отпустили, что не за себя просит, а за внука. «Что мы можем поделать, если вы, евреи, у Гитлера числитесь в черном списке, — шутили немцы. — Да и как мы можем отпустить вас? Что скажут те, кто вас выдал?..»

Мать. После того как это случилось с Авелем и Манесом, Арон заявил: хотите выжить — доставайте оружие.

Автор. Но откуда им было взять его?

Мать. — Пойти в партизаны, — сказал Арон.

Отец. — В какие партизаны? Тебе что, мало, что ты еврей, так ты еще хочешь нарываться как партизан?

Мать. — Я всего лишь хочу иметь оружие, — сказал Арон. — Хочу на всякий случай, чтобы ни один сукин сын, все равно кто, помещик или мужик, не смог ни закрыть меня в ловушке, как мышь, ни тащить к немцам, как барана на бойню.

Арон искал, выпрашивал и в конце концов нашел кого-то. На него посмотрели, решили, что парень молодой и здоровый, и договорились с ним встретиться ночью, на краю деревни. Арон пошел. Взял самую теплую одежду, деньги, как и договаривались, все самое лучшее, что было. И вернулся той же ночью — без денег, одежды и босиком...

Отец. — Ну и что?

Мать. — Партизан у них хватает, — сказал Арон. — А вот одежды, денег и оружия — нет...

Автор. Кончалась зима.

Все, кто только мог себе позволить, стали думать об арийских документах. Дело упиралось не столько в деньги, сколько в надлежащий внешний вид и речь. Но и без «внешнего вида» с такими документами иногда можно было доехать ночным поездом до Варшавы.

Отец. Арийские документы могли пригодиться не только на их постоянной дороге от леса к деревне, куда надо было ходить за хлебом, но и во многих других случаях.

Автор. Поэтому Слон вошел в контакт с одной учительницей из Доброго, занимавшейся за небольшую плату оформлением арийских документов. Платили кто сколько мог, чтобы покрыть издержки или на другие цели самой организации. Платили все, за исключением Слона, не потому что Слон был посредником, а потому что у него ничего не было.

Отец. Слон привел фотографа и к нашей землянке. Тогда мы вышли в деревню ясным днем. Фотограф установил треногу на маленькой полянке и развернул белое полотно, которое другие держали за края. У него даже было с собой ведро чистой воды, потому что людям надо было побриться и умыться. Объектив был развернут на лес, но лес был закрыт простыней. Все вставали перед этой простыней умытые, причесанные и, уж как кто умел, улыбающиеся. Одни вставали перед простыней, другие то поднимали, то опускали ее, в зависимости от роста фотографирующегося: ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы за чьей-нибудь спиной был виден лес...

Автор. Фотографировали не только тех, кто должен был получить документы, фотографировали всех. Так хотел фотограф, так хотели все. О том, что им это было очень важно, можно было судить по их лицам, когда они стояли на фоне белой простыни, по упорному, напряженному взгляду, с которым они всматривались в объектив... Как будто вдруг до них дошло, что это и есть единственное, что останется после них: молчаливое лицо на фоне белой простыни, за которой не видно леса...

Отец. Отец велел прежде всего сделать документы для мамы.

Мать. Потом, поддавшись ее уговорам, согласился на метрику для меня. Мама настаивала, чтобы он и себе тоже сделал документы, но это, по мнению отца, было просто нелепо и смешно.

Отец. И не потому, что у отца был слишком «плохой внешний вид», — выглядел он, несмотря на свои густые, иссиня-черные волосы, вполне «хорошо». Его выделяло скорее то, как он говорил и держался.

Автор. Отец говорил на единственном в своем роде, неповторимом симбиозе мазовецкого говора («ун» или «вун» вместо «он» плюс шепелявил, как мазуры) с еврейскими интонациями и упрощениями в склонениях... Другого польского он не знал.

Отец. Отец сказал, что в Варшаву не поедет, потому что даже если бы он выглядел, как помешик, а говорил, как адвокат, то все равно не сумел бы прикинуться кем-то другим, а если ему там еще придется сидеть в какой-нибудь норе, прислушиваясь к шагам на лестнице, и непрерывно бояться, то лучше остаться здесь, среди деревьев, где он чувствует себя куда безопасней, чем среди людей.

Автор. Отец и меня не хотел отпускать с мамой в Варшаву.

Отец. — Пропадешь с ним, — говорил он. — Спросят его о чем-нибудь, заметят что-нибудь или проверят, и пропадешь вместе с ним. Езжай одна, одна спасешься...

Мать. — Зачем? Зачем мне спасаться одной? — спрашивала мама. — И что бы я с этого имела, если бы спаслась одна?..

Отец. — Ему здесь легче спрятаться. Всегда кто-нибудь да спрячет...

Мать. — Здесь я его не оставлю.

Отец. — Почему?

Мать. — Потому что здесь его вши заедят. Он еще слишком маленький...

Отец. — Я буду кормить его, не волнуйся. А если хочешь, отдам в крестьянскую семью, там ему будет лучше.

Автор. Пока что мама поехала одна.

Через какое-то время к нам опять пришел Арон. А когда мы с ним уходили, отец спросил:

Отец. — Что ж ты не попрощаешься со мной, сынок?!

Автор. Тогда мне стало стыдно и я вернулся, чтобы попрощаться с ним. Больше я его не видел.

Ночью мы пошли на темную станцию и вошли в набитый людьми неосвещенный поезд, в котором нас окликали голоса, а мы отвечали им, осмелев от того, что ни они нас, ни мы их не видим. Когда мы прибыли на место, был день — пыльное вокзальное утро. Дядя Арон привел меня в маленькую кондитерскую и заказал мне какао и рогалик, потому что все это здесь еще было...

Мать. Мама вбежала в развевающимся плаще, с длинными рыжими волосами, которых у нее никогда раньше не было.

Автор. Я не узнал ее в шляпке с опущенной на глаза вуалью. Да и потом, когда узнал ее, все не отваживался обнять ее. А когда наконец обнял, тут она в свою очередь перепугалась и отстранилась от меня.

Мать. Потом она взяла меня за руку, и мы вышли на прекрасные мощеные улицы, наполненные звонками трамваев и шагами людей, шедших и за нами, и навстречу нам, не обращая на нас никакого внимания.

Автор. Через пару недель после того, как меня увезли, из землянки вытащили деда, бабушку, обеих теток и их младшего братца, которого я никогда не называл дядей, такой маленький он был.

Отец. Их вытащили среди бела дня, и поэтому они почти ничего не видели.

Автор. Не знаю, как они стреляли в мою старую бабушку и в моего деда в маленькой еврейской шапочке.

Отец. Что они говорили, когда их вытаскивали? Звали ли кого или кричали? Что сказали остриженные девушки?

Автор. И что сказал дед? А что бабушка?

Отец. Наверняка ничего не говорила, наверняка плакала. Их что, всех вместе поставили? Может, тетки укрыли собой своего младшего братца, который после месяцев лежания в землянке наверное уже ничего не видел?

Автор. Хорошо, что ничего не видел. А может, они стреляли в спину?

Пусть жуткая, но краткая боль, и конец... И стоило всего этого так долго бояться?...

Отец. Отца с ними тогда не было. По удивительному благоволению судьбы, он пошел тогда с каким-то делом к Слону, так что потом и остался у них. К ним присоединилась потом группа молодых парней и девочек, которым удалось убежать из охваченного огнем варшавского гетто и у которых было оружие, присоединилось также несколько беглых военнопленных, русских. После случая с нашей землянкой они всегда лежали на земле, в кустах, на одеялах, на брезенте, которым в случае необходимости прикрывались от дождя. Лежали близко друг к другу, было немного соломы и пара овчин на всю братию, ночью грелись у огня. Больше в землянку не закапывались. Если бы они сидели в землянке, наверняка никто из них не вышел бы из этого леса.

С того времени, как у них появилось оружие, пользовались им, когда нужно. Только мой отец не хотел брать оружие в руки.

А в т о р . С той поры он был в лесу один. Никто не знал, ни где он спал, ни как справлялся с трудностями. Каждый раз, когда он приходил к помещику, тот говорил, что «партизаны всё забрали»...

О т е ц . «Партизаны» продержались еще несколько месяцев. Тем временем разгорелся конфликт между ними и группой беглых пленных, у которых было всё — и свой предводитель, и свои собственные планы, вот только оружия у них не было. И тогда они принесли из деревни самогон и устроили попойку, а потом ночью, когда все заснули, снимали со всех, у кого было, оружие и ушли.

С той поры в окрестностях стало беспокойней. И тогда немцы решили устроить облаву на русских...

Русских не нашли, но сразу наткнулись на безоружную группу Слона и Арона. Дело было днем. Люди лежали под своими одеялами в кустах. Поняли в чем дело, только когда немцы появились в просветах между деревьями. Сорвались с места, когда было уже слишком поздно, и немцы открыли огонь. А так как немцы стреляли из-за всех деревьев, люди потеряли ориентиры и бросились на поляну, где их уже ждал заранее установленный пулемет.

Выкосили всех: и мужчин, и девушек.

А в т о р . Отец еще жил всю осень и зиму, до следующей весны. Если бы ему удалось продержаться еще пару месяцев, он дождался бы прихода русских.

О т е ц . Никто не знает, как ему удавалось так долго справляться со всем в одиночку. Похоже, он был сильно изнурен. Как-то раз на краю деревни его встретили вооруженные люди. «Еврей? Что с ним будем делать?» Это были люди из АК, среди которых оказался один из Садовских. Садовский узнал его, и отца отпустили. Он был очень запущенный, заросший, исхудавший. От него пахло дождем, землей и болотом. Выглядел он жутко. Сколько же времени он не мылся? Да и помнил ли вообще, что он человек?

А в т о р . Он не мог и никогда не старался преодолеть неприязнь к оружию. Он испытывал отвращение к языческой страсти решать вопрос о жизни и смерти. Если бы не это, может, не погиб бы от заурядного бандитского топора.

М а т ь . Кто-то поджидал его во время последней из тех ночей, когда он одиноко брел по одной из своих тропок, пряча под полой хлеб. Потребовали деньги.

О т е ц . Он удивился. Какие деньги? И вдруг вспомнил. Те деньги, которые он копил всю жизнь на черный день, на выкуп. Выкуп — это он понимал... А что ему еще оставалось делать? Копил их, кланялся, горбатился, даже падал ниц... Его спина производила такое впечатление, будто он все время ждал удара в затылок.

Похоже, был прав... Был прав, что так неумоимо копил деньги. Он покупал на них хлеб, что нес под полой. Выходит, на деньги можно положиться. Деньги, подумалось ему, свидетельствуют о том, что ты человек. Ведь если тебя убивают из-за них — значит, не как животное! Если из-за денег — значит, как человека...

М а т ь . О нем говорят, что, мол, сам виноват, потому что был хитрый и верил в деньги. И что не переступил через отвращение к оружию. Может, если бы не все это, он не погиб бы от бандитского топора.

Может, раньше бы погиб...

А в т о р . Я шел по мокрой пашне, прыгал через борозды, потом пришлось идти сырими лугами. И хоть на мне были резиновые голландские боты, штаны мои были мокрыми до колен. Я здесь родился, среди этих сырых лугов.

Я родился среди жужжания мух, кудахтанья кур и запаха коровьего навоза. Для меня нет ничего ближе, чем дух хлева и конюшни, ночь в овине, отзвуки лугов. Я рассказывал об этом в постели девушкам. Я рассказывал им об этом в кустах над рекой и в лесу; я женюсь на первой же, которая серьезно воспримет эти мои рассказы. А что касается врагов, то я не стану слишком близко принимать их к сердцу. Я переживу их. Они как раз для того и существуют, чтобы их пережить. Когда меня спрашивают, кто я, я отвечаю по-разному. В зависимости от того, кто спросит, как и когда. Но когда я сам себе задаю этот вопрос, ответ у меня один. Судьба вырвала меня из родной деревни. И отказала в праве возвратиться. А теперь, на середине жизни, я острее чем когда-либо понимаю, какое насилие надо мной было совершено. А потому мне остается только идти по стопам отца и деда, и я стану копить деньги. Когда накоплю, куплю домик в лесу или в поле за деревней. Мой покой будут нарушать только коровы, куры и собаки, мухи, мыши и зеленые червячки. Потому что я родился в деревне и сам я человек сельский.

К полудню дождь перешел в изморось.

Много лет прошло с тех пор, когда я был здесь в последний раз. Тогда и рожь дозревала еще на поле, а на могиле росли лютики и осот. Я срывал несколько росших в хлебах васильков и клал ему на могилу, а себе брал с нее лютики и осот. Но теперь ржи на поле больше не было, и я не мог найти это место.

— Я вас отведу, — сказал молодой крестьянин с кнутом. — Это близко.

Мы пошли в сторону от межи. Всего лишь десяток-другой шагов от дороги. Это был небольшой четырехугольник на поросшем травой месте, оставшемся от глиняного карьера, рядом с распаханном полем. Четырехугольник, покрытый травой чуть повыше и другого цвета. Посреди этого четырехугольника, на самой его середине, лежали толстые колбасы человеческого кала.

Мокрый, стоял я под дождем и дрожал. От холода дрожал, ни от чего больше.

— Ты, думаю, и не рассчитывал, что после всего, с чем ты столкнулся в этой жизни, после смерти тебя будет ждать что-то лучшее, — тихо сказал я отцу. — Особенно после смерти, когда еще труднее постоять за себя. Существует такой род хамства, от которого нельзя ни дверью закрыться, ни головой защититься, ни вернуться от него после смерти. Поэтому я не оставляю тебя здесь, в этой грязной дыре, где у тебя хватило смелости произвести меня на свет. Ты — это я, а я — это ты. Я забираю тебя. Мы уезжаем отсюда. Теперь нам будет легко. В худшем случае мы станем ходить по домам и торговать. А когда у нас будет то же, что и у всех, — тогда никто не придет срать на нашу могилу. Для сына, который меня похоронит, это может оказаться очень важным. Потому что именно это и называется родина...

На премьере спектакля «Мой отец» (постановка Войцеха Семёна, сценография Халины Пивоварской) роли исполняли:

Мать — Малгожата Дуда;

Отец — Рышард Радванский;

Автор — Войцех Семён.

Войцех Семён родился в 1928 году. Актер и режиссер. Много лет выступал на сцене варшавских театров (Классического, Национального, Нового). С 1972 г. почти 30 лет руководил театром малых форм «Стара проховня» («Старый пороховой склад»). Автор и исполнитель ряда спектаклей одного актера, играл более чем в ста кинофильмах. Будучи профессором Государственного высшего театрального училища, вел, в частности, занятия по исполнению стихов (от Кохановского до современных поэтов). В своем доме в Пертыкозах (Мазовия) содержит частный музей польского народного искусства и современной живописи.

Генрик Гринберг родился в 1936 году. Во время войны скрывался вместе с матерью. В 1950-е гг. учился на факультете журналистики. Работал актером в варшавском Еврейском театре им. Иды Каминской. В конце 1967 г., когда ПОРП развернула антисемитскую травлю, эмигрировал. Был ассистентом на кафедре русского языка и литературы Лос-Анджелесского университета. Печатался в польских эмигрантских изданиях (парижской «Культуре», лондонских «Вядомостях», «Гвядзе полярной»), работал в редакции польского издания журнала «Америка» и на радиостанции «Голос Америки». С 1987 г. его имя вновь появилось на страницах литературной периодики в Польше. Его роман «Еврейская война» (1965) был переведен на многие иностранные языки, а в Польше — изъят из книжных магазинов и библиотек. Автор нескольких романов («Победа», «Идеологическая жизнь», «Личная жизнь», «Кадии» и др.), сборников рассказов, эссе и стихотворений.

Лешек Шаруга

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Зависимость

Мой знакомый не понимает
поэзии. Ну и ладно. Однако

поэзия не понимает
его. И с этим

надо что-то делать.

Стихи как ответ

на стихи на память на
согласие на забвенье на
всегда

на все стихи
не отвечают

за мир за что угодно за
утраты катастрофы нехватку
земли воды воздуха за

себя

1.1.2004

Dance macabre

Песня дрозда перекрывает грохот бетономешалки.
О чем он поет? Идет война. Не здесь, где-то далеко
вспарывают воздух свинцовые пчелы. Они ищут
покоя в ульях человеческих тел. За окном
моего дома цветут розы и
белая сирень. А там, возле Косова Поля,
за семью реками, за семью горами,
людям отрезают головы и, схватив за волосы,
фасуют в коробки из-под ботинок. Как же так? Мой
сосед, барабанщик, весь день репетирует. Вечером
ему играть в дискотеке. Завтра, в утренней тишине
снова засвищет дрозд и разбудит демонов.

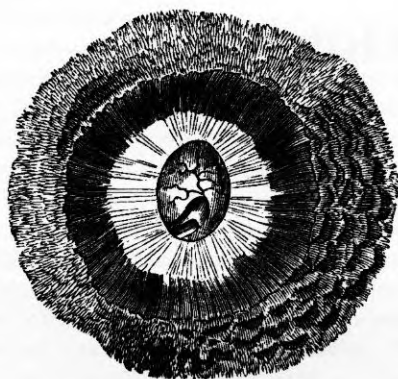

Paulina Zielona

Et in Arcadia ego

Там, за горизонтом событий,
где Три Деревя бросают тень
на ветер, ничего не происходит, и только
у людей глаза открываются на
всегда

Кратер

Шрам скального
распадка, продольный
рубец, покрытый утренней
росой. Запекшийся
сгусток лавы, скованный
языком ледника. Кипящее
нутро планеты
засыпает,
остывает...

Конец войны, начало (ангажированные стихи)

названия стран городов рек гор озер раненных
снарядами тысячи миллионы жертв до нас и
после нас кровь страх пот руины слезы кричащие
заголовки газет взрывы букв слов предложений
образов взрывы ярости гнева радости а потом
в музеях оружие прошлых эпох орудия
пытток в учебниках перечень дат описания
полей битвы фамилии вождей реестры насилия
все что только хотите что хотите так оно все и идет с этим
приходится жить потому что иначе попросту жить невозможно

Любовное!

Иоанне

у меня был
инфаркт

я слышал
как билось

сердце
моей
жены

Диалог

— Что вы делали; — Я писал стихи; — когда стреляли в людей; — о цветах.; — Вы; — Я; — равнодушны к чужой беде; — старый человек. — Ваши стихи; — я тонко чувствую; — ничего не стоят; — красоту.

Между

Станиславу Баранчаку

Между правом голоса и голосом
права есть ззор
откуда вылетают стихи
белые вороны надежды

Между силой права и правом
силы есть пространство
где рождаются строфы боли
где растет горький куст правды

Между голосом силы и силой
голоса
все громче ропот бессильных
попавших в капкан бесправия

Licentia poetica

1.

Главная опасность кроется в библиотеках. Старые газеты следует сжигать. В том числе и вчерашние. Вчерашний прогноз погоды оказался точным. А может, и нет. Сегодня уже неизвестно, как было на самом деле. Однако известно, что всё было не так, как надо. А совершенно иначе. Только из настоящего можно безошибочно вывести прошлое. Только сегодня можно предвидеть то, что было вчера. Память это гипотеза, не поддающаяся проверке.

2.

Главная опасность кроется в поэзии. Надо запретить абсолютно все слова. Исключить даже паузы. Они слишком красноречивы. Молчание многозначительно. Значит, следует запретить молчание.

Поэзия, да

То же самое, все то же самое, хотя изменилась
Тональность, из языка в язык, через истлевшие
Книги. Невероятно, но веришь, ибо что
Остается, волокна между зубами, слово,
Обращенное в прах, голоса
Умерших, затихающая симфония
Океана, дымка мысли. Волны
Повторов выполаскивают значения, погибают
Языки, вымирают нации, слышится новый тон.

Выбери язык, попробуй исчерпать его, на дне
Ты найдешь свою биографию, записанную
Шифром, которого тебе не разгадать,
Ибо он возник после твоей смерти. Ты живешь,
Не уверенный ни в чем, ибо не знаешь, что
Твое. А твой — весь мир и ты сам. Ты возвращаешься
В повторах, вечно рассказывая
Одну и ту же историю, которую кто-то расскажет

Совсем по-другому, и будет так, как
Должно было быть. Ты же знаешь:
Поэзия это не поэзия, это только
Стремление к ней, а поэзии — нет.

Спасенный

Спасен
но от чего не
знаю и не
помню

веду-то себя
хорошо вот только —
куда?

Януш Джевуцкий

О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА НЕ МОЛЧИМ

Автор «Сокращенных стихов» Лешек Шаруга — один из зачинателей «Новой волны» в польской поэзии, один из интереснейших ее представителей. Чем была «Новая волна» в истории польской литературы XX века? Вопрос не простой: одни говорят — литературным поколением, другие — течением, третьи — движением, но все сходятся на том, что наверняка не художественным направлением. Самое важное: поэзия «Новой волны» имеет поколенческие признаки, роль инициации сыграли общие переживания в марте 1968 и декабре 1970 годов.

«Новая волна» распространилась на всю Польшу. В Кракове работали Адам Загаевский и Юлиан Корнхаузер (авторы книги «Непредставленный мир», ставшей манифестом поколения), а также Вит Яворский, Станислав Стабро и Ежи Пёнтковский, в Познани — Станислав Баранчак, Рышард Крыницкий и Лех Дымарский, во Вроцлаве — Лотар Хербст и Марианна Боцян, в Лодзи — Яцек Березин, Витольд Сулковский и Здислав Яскула, в Варшаве — Кшиштоф

Карасек, Ярослав Маркевич и, наконец, Лешек Шаруга. Все они с пристрастием вслушивались в язык, на котором власти ПНР говорили с обществом, в так называемый новояз, язык пропаганды. В своих стихах поэты разбивали этот язык на первоэлементы, пародировали, передразнивали и тем самым компрометировали его, разоблачали его мошеннический характер. Основными мотивами лирики «Новой волны» были такие понятия, как «язык», «речь», «слово», а кроме того «газета» — символ государственной пропаганды.

Ничего удивительного, что активность поэтов «Новой волны» пришлась не по вкусу тогдашней власти. Большинство поэтов подвергалось цензурным преследованиям. Среди них был и Лешек Шаруга: после событий марта 1968 г. его исключили с философского факультета Варшавского университета, затем его коснулся запрет на публикации. Достаточно вспомнить, что, хотя Шаруга дебютировал на страницах печати в 1967 г., первую книгу стихов — «По правде говоря» — он издал лишь в 1978-м. Поэт печатался в эмигрантских и нелегальных журналах, сотрудничал с польской секцией радио «Свободная Европа», во время военного положения редактировал независимые журналы «Пульс», «Ве-

зване» («Вызов, призыв»), «Выбур» («Выбор»). Выпущенные в неподцензурных издательствах книги стихов «Нет поэзии» (1981), «Чумное время» (1982), «Сквозь стиснутые зубы» принадлежат ныне к библиографическим редкостям.

Читая «Сокращенные стихи», я заглянул и в книги, которые поэт выпустил после общественно-политического перелома 1989 года: «Всё позади» (1991), «Ключ от бездны» (1994), «Сосредоточенность» (1996). Благодаря этому я мог констатировать, что Шаруга необычайно стоек в своих интересах. Как и раньше, во времена коммунистических притеснений, главная тема его поэзии — язык, но теперь не язык пропаганды и не язык будничных разговоров, а язык как способ познания, язык как таковой. Если прежде Шаругу интриговал язык в политическом контексте, то теперь — в контексте философском. В программной статье, озаглавленной «Несколько интуитивных догадок касательно поэзии», опубликованной как вступление к вышеупомянутому «Ключу от бездны», он констатировал — ни больше ни меньше, — что поэзия есть «орудие познания миров, которые, согласно природе вещей, находятся вне сферы нашего сознания, но несмотря на это определяют смысл нашей жизни», а также что «писать стихи значит выходить за пределы логики временных высказываний — я описываю в них не только то, что произошло во времени, но и то, что могло или может произойти».

После чтения «Сокращенных стихов» в набор слов-ключей к поэзии Шаруги надо добавить «молчание». Для поэта важно не только то, о чем он говорит, но и то, о чем он не говорит, ибо об этом говорить невозможно. Нет сомнения: о том, что невозможно высказать, следует молчать. В стихотворении «!» поэт предупреждает — не самого ли себя? — «ты блуждаешь от слова к / слову»; в «Переменах» просит: «Выслови это в речь вымолви в / молчание в молви в исток (это / и есть та речь плавно изреченная)», а в стихотворении «Впереди письма»:

*Беги впереди письма следуй за
собой в предсонную тишину будь
готов к слову но не говори
прежде времени*

*а когда придёт время отговорись
чем-нибудь
и молчи*

Знаменательно, что когда автор «Сокращенных стихов» обращается к творчеству других поэтов, то не к поэзии своих ровесников из «Новой волны», а к традиции авторов на поколение старше: Мирона Бялошевского, Тимотеуша Карповича и своего отца Витольда Вирпши, которые создали в 60-е годы оригинальное течение «лингвистической поэзии» — современной и герметичной. В стихотворении «В молчании» Лешек Шаруга пишет: «Между словами / и между нами говоря / мы обретаем себя / в молчании», — давая нам понять, что роль поэта, независимо от того, куда дует ветер истории, — извлекать слова из молчания, то есть возвращать им элементарные значения. И тем самым заставить нас задуматься, о чем же мы говорим, когда не молчим.

Лешек Шаруга. Сокращенные стихи. Краков, «Миниатюра», 2004.

**Юлиан
Волошиновский**

Перевод Андрея Базилевского

СЕМЕН БЕЗДИТНЫЙ

Он ничего не хотел есть, пока сидел в камере. Его спросили:

— Тебе что, на свободу не к спеху?

— Та ни, — ответил он. Его спросили:

— А жинка что?

— Белая была, как молоко, — сказал он, — и такая ж сладкая.

Взял с нар жестяную кружку и снова отпил воды.

— Сколько ты этой воды пьешь, и все тебе мало!

— Напьюсь я еще водицы, напьюсь, — отвечал он, — когда меня отсюда выпустят.

— Да только выпустят ли тебя? Наверно, нет.

— Ладно, поглядим, — сказал он. — Господь, умирая, простил. Прощайте!

И пошел — за ним как раз пришла охрана.

— Постой, Семен, погоди, не спеши так, — говорили тюремные охранники. — Семенко!

— Прощайте, — сказал он, — не поминайте лихом, — и помахал руками в кандалах. — Вы, братья, относились ко мне по-людски, Бог вам в помощь!

— И тебе добра, — сказали заключенные и охранники с ними вместе. Потому что всем было жаль Семена. Сразу, как только его привели на суд, он увидел свидетелей на скамье. Не понравилось ему это. Он сказал:

— А они тут зачем?

Потер лоб ладонью.

Без спешки зачитали обвинительное заключение.

К Семену подошел адвокат, вынул из-за уха карандаш, что-то записал в блокнот. Потом снова надел на блокнот широкую резинку и спрятал его в карман сюртука.

Семен смотрел на прокурора: тот левой ладонью стиснул запястье правой руки и говорил о том, как сердце человеческое влияет на дела человека.

Потом свидетели целовали крест и клялись говорить только правду. А дело шло о смерти человека.

— Дайте и мне крест, и я поцелую, — сказал Семен, а на глазах у него были слезы.

Лешек Шаруга

ПАМЯТЬ О «НОВОМ МИРЕ»

Юлиан Волошиновский (1898-1977) — писатель, сравнительно небольшое прозаическое наследие которого (он писал также стихи и пьесы) принадлежит к течению, продолжающему традиции романтиков. Он родился в Подолье и многие произведения посвятил своей малой родине — особое внимание здесь привлекают два сборника рассказов: «Подольские рассказы» (1959) и «Перед восходом луны» (1971). Оба воссоздают атмосферу детских лет автора — мы без труда находим в них автобиографические мотивы и, что намного важнее, особый язык юго-восточного пограничья Польши, язык, уже уходящий в прошлое, как отошли в прошлое реалии, описанные в историческом романе «Было так»:

«Пахнет мир — трех земель, соединенных в одно. Поле, пуца, степь. Собранные польские земли соединились с литовско-рускими и стали могуществом, одним из сильнейших в мире. Дикое было это могущество — на немереных просторах. Римский Запад воевал здесь с греческим Востоком. На перекрестке двух миров стоял этот новый мир».

В представленной здесь оригинальной историософской концепции территория пограничья, этот «новый мир», охватывающий земли Польши, Украины, Литвы и Белой Руси, должен был составлять своеобразное, обладающее особой самобытностью «срединное пространство», расположенное между Западом и Востоком. Этот роман, изданный в 1935 г., был переиздан в 1978-м в Париже — в послевоенной Польше книга была под цензурным запретом и оставалась почти недоступной. Ничего удивительного: она принадлежит к тому течению польской литературы, которое культивирует, подвергая поэтическому преображению, ягеллонские, федералистские традиции, часто возбуждавшие враждебность у восточных соседей, в особенности у русских. Но сразу следует подчеркнуть, что если его произведения 20-30-х годов еще допускали такую идеологическую интерпретацию, то в послевоенном творчестве Волошиновского уже не встречаешь возможности политических истолкований. Писатель прежде всего сосредотачивается на портретах людей, вписанных в фон подольско-украинской природы. Пространство пограничья, личности пограничья

Его послушали и дали ему крест. Он крепко сжал его в пальцах, к сердцу приложил, потом к губам, и сказал так:

— Прихожу я в хату, и тут вижу: пришла моя Настя с огорода, а когда хочу к ней подойти, она отворачивается, вот и говорю ей: «Как же так?» И слышу, будто голос у меня как из колодца, не узнаю своего голоса. Я был старик, она молодая, но все равно жена и есть жена. Ее место было при мне. А ей жизни хотелось! В тот день, — продолжал он, — в тот день она страшно не хотела, чтоб я ехал. Говорила: «Не езд!» Говорила: «Не езд, Семенко, сегодня». Но уж коли я слово дал — святое дело. Помру — а сдержу. И поехал я со двора, на свою беду. Вернулся раньше времени, на свою беду, а на кровати, лицом к стене, моя Настя, а пан за ней, и так на ней лежит, и даже не шевелятся, только будто лихорадка их трясет, а меня, как я входил, не видят, не слышат. Пять лет была она мне верна, думаю, а солнце уж зашло, но темноты в хате не было, а Настя белая как молоко, без рубашки, и пан голый, прилип к ней сзади, как кабан. Не понравилось мне это или что другое, а в хлеб на столе нож был воткнут, вот кровь и полилась. Любил я Настю, это правда, да и пана любил, а вот ведь сунул мне черт нож в руку, а с ножом, известно, шутки плохи. Потерял пан яйца...

Судья позвонил в колокольчик. Смеркалось, и в зале, на судейском столе, зажгли свечи. Пропал куда-то зал суда. Над Каменцем-Подольским зажигались, одна за другой, весенние звезды. Семен различал лица на скамье присяжных, но казалось ему, что он тонет.

— Убил?

— Убил.

— Виновен?

— Не виновен.

Внезапно никого вокруг не стало.

Он пристально вглядывался во тьму. В тумане над Турецким мостом, над Смотричем, увидел восходящий, едва заметный месяц.

Не мог Семен понять, что случилось. Шел по тропинке, вышел из города. В садах цвели вишни. Наконец появилось солнце. Словно из-под земли выскочило.

По осени возвращались паничи с охоты. Ехали на телегах, опершись о двустволки, и пели что-то развеселое.

На другом конце деревни, уже за прудом, увидели они высокого худого мужика, стоял у дороги, как пугало.

Они были молодые. И недобрые, как все молодые. Они знали, кто это. И заорали:

— Семен! Семен Бездитный!

— А що? — крикнул он.

Он стоял под деревом, опираясь на палку.

— Отдай бабу! — заорали они хором.

Стало тихо.

Семен пошатнулся и оперся о дерево. Наверно, это была осина.

И вдруг побежал, не разбирая дороги. Видно было, как на ходу он ускоряет шаг. Перемахнул, как юноша, через какой-то перелаз. Споткнулся, упал, растер колено и помчался дальше.

Через минуту они увидели: добежал он до колодца. Перегнулся через край.

— Семен! — заорали они.

Но было поздно. Снова стало тихо. С деревьев опали листья.

И больше уже никто не видел Семена Бездитного — живым.

Настя сбежала от мужа сразу. Потом лежала в больнице, в Каменце, и родила ребенка. Тайна его рождения была известна всем. С мужем у нее детей не было.

Так правда, точно масло, всплывает на поверхность воды.

А что до самой фамилии? Семен Бездитный, когда иной раз его люди спрашивали, откуда взялась такая фамилия, отвечал: «Так ведь и у деда моего, покойника, говорят, детей не было. От него все и пошло».

— вот что, несомненно, наделяет оригинальностью эту словесность, продолжающую важную в польской литературе традицию «украинской школы»: о связях с ней свидетельствует хотя бы поэтический роман «Словацкий» (1929), где на первый план выходит восхищение автора фигурой поэта-романтика. В то же время из этого восхищения вырастает специфическая поэтика прозы Волошиновского, сильно насыщенной лирическими элементами. Потому-то реалии описываемого мира, центр которого составляет Подолье, так глубоко погружены в сонные видения, благодаря которым действительность обретает силу и могущество, обычно сопутствующие образам утраченного мира. Сон здесь — инструмент, придающий мощь памяти о «новом мире», существующем и спасенном только в литературе.

Агнешка Клёх

ВЫЙТИ ИЗ ГЯЗИ И РАЗРУХИ

Природа — конфликт интересов и общее достояние

У Польши за плечами десять с лишним лет интенсивных перемен в политической, общественной, хозяйственной и экономической сфере. За последние десять лет упрочилась система демократического правления, получила развитие рыночная экономика и в конце концов 1 мая 2004 г. Польша вступила в Европейский союз. Не менее заметные перемены произошли за это время в охране природы. Двадцать лет тому назад состояние окружающей среды можно было определить только как экологическую катастрофу. Публиковавшиеся в то время доклады сегодня звучат как научная фантастика: уровень загрязнения воздуха и воды был многократно выше любых допустимых норм, реки напоминали сточные канавы, природные ресурсы эксплуатировались нещадно, без учета накапливавшихся отходов. Собственно говоря, не существовало никакого эффективного законодательства, касающегося охраны окружающей среды, власти относились к этому с пренебрежением или вообще не обращали внимания.

Улучшение состояния природы, которого добилась Польша за последние годы, — это большой успех. Рыночная экономика потребовала иного отношения к природным ресурсам. Получила развитие система мониторинга окружающей среды, соответствующая стандартам ЕС. У нас начали не только внедрять эти стандарты, но и требовать их неукоснительного выполнения, в частности путем наложения штрафов на предприятия, загрязняющие окружающую среду. В соответствии с принятыми правилами, инвесторы обязаны при осуществлении того или иного проекта представлять прогноз возможного воздействия на окружающую среду. Увеличились площади охраняемых ареалов, стал длиннее список растений и животных, занесенных в Красную книгу.

Однако еще многое предстоит сделать. Вопросы охраны природы по-прежнему вызывают многочисленные споры, так как в этой области сталкиваются интересы очень многих групп. Так как же привести к общему знаменателю стремления предпринимателей и тех, кто связан с охраной окружающей среды, ученых и обычных граждан? Как разумно пользоваться природой, при этом ее не разрушая? Безусловно, необходимо взаимодействие на многих уровнях — прежде всего необходимы ясно прописанные и продуманные законы и соответствующие эффективные исполнительные положения, затем необходим четко действующий административный аппарат, который должен заниматься их внедрением и отвечать за их выполнение. Необходимы также постоянный мониторинг состояния окружающей среды, новые исследования и анализ и, наконец, просвещение, чтобы для будущих поколений ныне новаторские решения стали повседневностью.

Об охране окружающей среды говорится в Основном законе — конституции Польской Республики, принятой в 1997 г., где записано, что государство обеспечивает эту охрану, руководствуясь принципом сбалансированного развития. Для отдельных направлений, связанных с охраной окружающей среды, таких, например, как лесное хозяйство, переработка отходов или водное хозяйство, существуют отдельные законы. Многие из этих документов приняты недавно, после 2000 г., а записанные в них положения соответствуют законодательству ЕС. Одним из новейших достижений стал принятый в апреле 2004 г. закон об охране окружающей среды. Исполнительным органом, согласно этому закону, является министерство окружающей среды, но прежнее его название — министерство окружающей среды, природных ресурсов и лесного хозяйства — определяло сферу его деятельности гораздо точнее. Разумеется, на состояние природы в Польше оказывают влияние решения многих других ведомств: того же министерства сельского хозяйства или министерства инфраструктуры, и, действительно, трудно назвать такие организации или такую деятельность, которая не оказывала бы влияния на окружающую среду: практически любая активность человека оставляет следы в окружающем нас мире.

Став членом Евросоюза, Польша в области охраны окружающей среды обязана соблюдать законодательство ЕС, включающее длинный список директив, из которых каждая посвящена одному отдельному аспекту. Отдельно рассматривается водное хозяйство, переработка отходов, нормы загрязняющих атмосферу выбросов и т.д., две отдельные директивы посвящены исключительно вопросам охра-

ны природы — это закон об охране птиц и закон об охране мест обитания (Habitation Convention). В рамках политики ЕС, касающейся охраны окружающей среды, выработано несколько программ, рассчитанных на пять лет, например, программа LIFE, предоставляющая финансовую поддержку в сфере охраны природы, или программа AL TENER, направленная на развитие использования возобновляемых источников энергии.

Польша подписала также большое число международных соглашений. В этом списке несколько десятков позиций, среди которых есть как соглашения крупного масштаба, имеющие глобальное значение — подобно Конвенции о биологическом разнообразии, подписанной в Рио-де-Жанейро в 1992 г., или Киотскому протоколу 1997 г. об изменении климата — так и соглашения более узкой направленности или локального масштаба, примером которых может служить Конвенция об охране и использовании трансграничных водотоков и водоемов или Соглашение об охране европейских летучих мышей.

Охрана окружающей среды, если говорить о широкомасштабной деятельности, распространяющейся на территорию всей страны, требует соответствующих финансовых затрат. В Польше эти средства поступают из собственных ресурсов предприятий и органов самоуправления, за счет коммерческих кредитов, дотаций и кредитов системы экологических фондов, а также за счет зарубежной помощи. Важную роль играет также Экофонд, созданный за счет аннулированных долгов Польши США и некоторым странам Западной Европы. До 2000 г. из этого фонда было выделено на охрану окружающей среды 136 млн. злотых. К сожалению, суммы, выделяемые на инвестиции в сфере охраны окружающей среды, за последние годы уменьшились: в 2002 г. на эти цели было потрачено почти вполнину меньше, чем в 1999-м. Наибольший объем средств поглотила охрана вод и переработка сточных вод, прежде всего строительство сооружений для очистки сточных вод и развитие санитарной инфраструктуры на селе. И хотя затраты на эти цели приносят результаты — примером этому может служить заметное улучшение качества воды, — все же беспокоит недостаток капиталовложений в остальные направления. Для примера, из общей суммы бюджета, предназначенного на охрану окружающей среды в 2002 г., на охрану воздуха, то есть в значительной мере на борьбу с его загрязнением, истрачено только 20%, а на неотложную проблему переработки отходов было выделено всего лишь 9%. Принимая во внимание катастрофическое состояние большинства польских свалок, практически полное отсутствие четко действующей системы утилизации мусора или складирования опасных отходов, такая политика оставляет желать лучшего.

Изменения в состоянии окружающей среды: дела обстоят неплохо, хотя могло быть и лучше

Вышеупомянутая экологическая катастрофа, наблюдавшаяся двадцать лет тому назад, явилась результатом идеологически подстегиваемого развития тяжелой промышленности. В сфере сельского хозяйства положение выглядело не лучше — здесь тоже прежде всего учитывались высокие показатели производства. Пытаясь повысить урожайность сельхозкультур, люди совершили много ошибок, например: применялось невероятное количество минеральных удобрений и пестицидов, что приводило к чрезмерному повышению плодородия земель и практически делало невозможным их дальнейшее использование, внедрялись чуждые сорта и виды сельхозкультур — часто совершенно неоправданно с точки зрения поставленных целей — которые затем превращались в сорняки, чрезвычайно трудно поддающиеся искоренению, или, наконец, огромные площади засеивались монокультурами, которые не оставляли места всему разнообразию организмов, традиционно связанных с сельским пейзажем. При существовавшей системе централизованного управления плановым производством никто не обращал внимания на расходование природных ресурсов для получения сырья и на количество производимых при этом отходов. По этой причине подобное производство было малоэффективным — например, создавались карьеры по добыче бурого угля, хотя в Польше довольно значительны залежи гораздо более ценного каменного угля. Данные о загрязнении окружающей среды подлежали цензуре, а о штрафах, разумеется, не могло быть и речи.

Положение начало меняться вместе с изменениями в государственном устройстве. Крупные промышленные центры оказались нерентабельными, и в рыночной экономике их существование потеряло смысл. Возникла необходимость реструктурировать и модернизировать промышленность, с тем, чтобы она не наносила ущерба окружающей среде. Эти вопросы обсуждались еще в процессе заседаний «круглого стола» в 1989 году. Вскоре после этого, в начале 1990-х, было выработано большинство актов и правовых документов, касающихся охраны окружающей среды. Была введена обязанность

составления прогноза воздействия на окружающую среду в связи с каждой инвестицией, была создана Государственная инспекция охраны окружающей среды, начали проводить мониторинг, были созданы фонды, предоставляющие средства на эти цели. Одновременно и рядовые граждане, и политики стали глубже осознавать значение охраны окружающей среды.

Систематический мониторинг состояния окружающей среды в Польше ведется примерно 30 лет, эту информацию собирает из разных источников, обобщает и хранит Главное статистическое управление. Благодаря этому есть возможность следить за процессами, происходящими в окружающей среде — как природными, так и связанными с деятельностью человека, что в свою очередь помогает при принятии решений. Эти данные публикуются и предоставляются общественному мнению, так что они доступны каждому гражданину.

За последние десять с лишним лет в Польше явно улучшилось состояние воздуха, что, пожалуй, стало самым заметным достижением в сфере охраны окружающей среды. Значительно снизились почти все показатели уровня загрязнения, например, в 1990-2002 гг. выбросы двуокиси серы снизились на 58%, окиси азота — на 46, пыли — на 88, окиси свинца — на 50%. И хотя уровень некоторых видов загрязнения по-прежнему остается высоким, в настоящее время мы занимаем место, примерно соответствующее среднему по Европе. Отмеченные изменения произошли прежде всего вследствие проведенных преобразований в топливном секторе: были закрыты многие промышленные предприятия, которые расходовали значительное количество твердого топлива, главным образом угля, что служило основным источником загрязнения воздуха. Важную роль сыграло и внедрение и развитие новых технологий, а также снижение расходования электроэнергии, что поначалу было связано с рецессией, а затем с повышением эффективности использования топлива. Зато появились новые проблемы, к важнейшим из которых относится типичное для развитых стран развитие транспорта. Число зарегистрированных в Польше автомашин постоянно растет, и несмотря на то, что поступающий на рынок бензин отличается гораздо более высоким качеством, чем прежде, все же количество производимого автотранспортом загрязнения представляет собой серьезную проблему, причем не совсем понятно, как с этим справляться.

Довольно неплохо — если принимать во внимание состояние на начало 1990-х — выглядит сегодня качество польских вод. Это особенно важно, так как Польша — что может показаться удивительным — по сравнению с другими европейскими странами располагает малыми водными ресурсами. Больше всего изменилось положение с очисткой сточных вод. Сегодня трудно себе представить, что в 1989 г. в поверхностные водные артерии без всякой очистки попадало 30% всех коммунальных и промышленных стоков, а половина польских городов вообще не имела очистных сооружений, не говоря уж о селе. С того времени объем неочищенных сточных вод уменьшился на 85%, очистные сооружения были построены в 363 городах, их остается еще недостаточно лишь в нескольких десятках городов, к которым, к сожалению, относится и Варшава.

Несмотря на это, качество воды в реках по-прежнему оставляет желать лучшего. В начале 1990-х питьевой была признана вода лишь в 5% общей протяженности рек, при этом на третьей части их протяженности вода не годилась даже для промышленных целей — сюда были отнесены большие участки Одера, Варты, Буга и Вислы. В настоящий момент по-прежнему значительная доля воды в реках признается водой грязной, хотя она уже ниже, чем в предыдущие годы. Главным источником загрязнения рек остаются каменноугольные шахты, которые спускают в них невероятное количество соляного раствора, причем масштаб этого загрязнения огромен: в 1990 г. в Вислу и Одер спускали 9000 тонн соли ежедневно. Но хуже то, что по-прежнему никто не знает, как иначе решать эту проблему. Зато несколько улучшилось состояние воды в озерах — сократилось число озер, где уровень чистоты воды был особенно низок. Теперь стало больше озер чистых, а также таких, воды которых представляют собой запасы питьевой воды. Однако заметно ухудшилось качество подземных вод.

Сфера, в которой мало что изменилось и где нам, собственно, нечем похвастаться, это переработка отходов. Их объем за последние 15 лет удвоился, и этому способствовало массовое использование одноразовых упаковок. Тот факт, что в пересчете на душу населения количество производимого мусора в Польше почти в половину меньше, чем в странах Западной Европы, служит небольшим утешением, тем более что очень малая часть этой «продукции» утилизируется. Постоянно возникают новые свалки, в большинстве своем очень плохо организованные или вовсе никак не организованные, на

территории которых происходят неконтролируемые физические, химические и биологические процессы. Вредные вещества с этих свалок вымываются дождями и могут практически беспрепятственно попадать в подземные воды, становясь источником вторичного загрязнения. Утилизируется и компостируется ничтожный процент отходов — в этой сфере мы по-прежнему далеко отстаем от стран Западной Европы.

Мало успеха имели также попытки сортировать мусор с целью извлечения сырья. Хотя контейнеры с надписью «для вторичного использования» довольно часто встречаются в городах, большинство людей на них просто не обращает внимания, а мусор из домов прямиком попадает в общие контейнеры и далее на свалки. Этот пример четко показывает, сколь важно экологическое просвещение, целью которого должно стать пробудить гражданское сознание или даже пропагандировать моду на «экологический стиль жизни». Без этого самые превосходные решения не принесут желаемого результата.

Совершенно отдельная проблема, серьезность которой понимают очень немногие — загрязнение отходами не от коммунальной сферы. К этой группе относится главным образом то, что остается после обогащения угля и цветных металлов, и в подавляющем большинстве попадает в отвалы. Так возникают уродующие пейзаж безжизненные холмы, на которых практически ни один организм не в состоянии выжить самостоятельно. Необходима помощь человека, и хотя способы рекультивации отвалов разработаны достаточно хорошо, в Польше их по-прежнему слишком редко пытаются применять.

Изменения в сфере охраны окружающей среды: Польша на страже дикой природы

Польша, расположенная в центре континента, на границе климатических и ботанических зон, между морем и горами, представляет собой одну из самых интересных стран в Европе с точки зрения природы. Пейзаж ее весьма разнообразен, и хотя преобладают земли сельскохозяйственного назначения, но многие ареалы сохранили свой естественный характер. Площадь возделываемых земель с начала 50-х годов XX века систематически сокращается, и это пространство занимают леса или расширяющиеся поселения, дороги и промышленная инфраструктура. Возрастает доля лесов, которых у нас и так относительно много: в 1993 г. они занимали 27,8% территории страны, а ныне занимают 29%. Большинство лесов находится в государственной собственности. Больше всего лесов сохранилось на востоке и юге страны — там, где низкого качества почвы не годились для сельскохозяйственного производства, а также в приграничных районах и труднодоступных местах. Натуральные лиственные и смешанные леса сохранились лишь на небольших ареалах, но чаще всего встречаются сосновые монокультуры как следствие прежней политики в области лесного хозяйства, когда к лесу было отношение как к посадкам древесины.

В настоящее время лесное хозяйство Польши относится к самым современным в Европе, и можно смело сказать, что ведется оно таким образом, чтобы не наносить ущерба природе. Уходит в прошлое отношение к лесам исключительно как к сырьевой базе — сегодня редко встретишь площадки с так называемой полной вырубкой, на которых деревья спилены под корень. Собственно говоря, с подобной ситуацией можно еще столкнуться лишь там, где консервативно настроенный лесник с упорством сопротивляется любым реформам. Кроме того объем получаемой древесины у нас наименьший в Европе, в 2002 г. он составил 56%, то есть было вырублено около половины деревьев, предназначенных для этой цели. В настоящее время на их место высаживают, наряду с соснами, многие другие виды, в том числе много лиственных пород, стараясь вернуть лесам по возможности естественный характер. Во многих лесах применяются различные формы защиты, например, с 1994 г. в рамках программы развития государственных лесов было создано 13 лесных комплексов, в которых ведутся исследовательские и экспериментальные работы, а также проводится просветительская работа в сфере экологии. Лесам, расположенным вблизи крупных городов, на территории курортов, вдоль рек, на дюнах и территориях, связанных с оборонными целями государства, придается статус охраняемых, а это предполагает ограничение вырубki в коммерческих целях. К сожалению, проведению единой политики в сфере развития лесного хозяйства в масштабах всей страны мешает разделение собственности на лесные угодья между частными владельцами и субъектами, не относящимися к государственной казне. Они владеют, как правило, малыми и очень малыми, часто насчитывающими всего несколько гектаров, лесными комплексами.

Самая заметная и эффективная форма сохранения природы в ее первозданном виде — национальные парки (заповедники). Наряду с ними в Польше существуют также пейзажные парки, где культурный пейзаж не уступает по своим достоинствам естественной природе. Кроме того, на небольших, имеющих особую ценность территориях создаются заказники, часто представляющие собой анклав

дикой природы, куда доступ человеку запрещен. Площадь находящихся под охраной территорий постоянно расширяется, с 1989 г. увеличившись с 17 до 33%. За это время было создано 8 новых национальных парков, 70 пейзажных парков и более трехсот заказников. Больше всего таких ареалов находится на востоке страны и в горах на юге. Семь национальных парков внесено в список биосферных заповедников. Это места, имеющие особое природное значение, где сохраняются экосистемы, репрезентативные для данной страны, они создаются в рамках программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера». Беловежский национальный парк также признан ЮНЕСКО объектом мирового наследия.

Богатство польской природы — факт неоспоримый, но если необходимость охраны окружающей среды большинство людей понимает и принимает, то вопросы охраны самой природы вызывают много эмоций и споров. Это особенно касается национальных парков, создание или расширение которых местное население часто воспринимает как некую угрозу или даже покушение на личную свободу. Бурные споры идут вокруг Беловежской пуши, самого, пожалуй, знаменитого лесного массива Европы. Местные жители, для которых на протяжении многих поколений этот лес был источником средств к существованию, опасаются потери рабочих мест из-за расширения охраняемой территории. Им трудно понять, что толпы туристов со всего мира, посещающих пушу, могут обеспечить им гораздо больше выгоды, чем то, что они до сих пор получали от леса. Целые баталии также ведутся за Национальный парк в Татрах, где гуцулы добиваются права на вырубку леса, которой занимались веками.

Новой и ныне весьма горячо обсуждаемой темой стала программа «Природа-2000», которая входит в действие в нашей стране в соответствии с европейскими законами об охране птиц и о местах обитания. В них содержится ряд указаний, с помощью которых определяются ценные ареалы природы, предназначенные для охраны как обычных мест обитания, так и мест обитания отдельных видов растений и животных. Окончательный список ареалов, имеющих значение для всего европейского сообщества, утверждается соответствующей комиссией ЕС. Этот проект подвергается критике со стороны научных кругов, а также естествоиспытателей и тех, кто осуществляет свою деятельность в сфере охраны природы. Сомнения вызывают критерии, по которым определяются заказники: предпочтение отдается позвоночным, особенно птицам, а также сосудистым растениям, в то время как весь многообразный мир беспозвоночных и растений более низкого класса практически остается без внимания. Территория, которая была первоначально выделена, как охраняемая в рамках программы «Природа-2000», в процессе поправок оказалась сокращена наполовину, а ее окончательные границы в значительной степени совпадают с уже существующими национальными и пейзажными парками. Сложно понять, в чем тут смысл: подтверждение статуса охраняемой территории, собственно, мало что изменит, зато ценные с точки зрения природы ареалы, в отношении которых пока еще не предлагается никаких форм охраны, появляются в проекте довольно редко.

Кроме того, вопреки намеченному, программа «Природа-2000» в Польше представляет собой не столько целостную структуру, сколько набор разрозненных заказников; не выделены также экологические коридоры, чтобы животные могли мигрировать, а это имеет ключевое значение для охраны видов. К сожалению, как представляется, надежды на качественные изменения в сфере охраны природы не оправдались, а программа «Природа-2000» может стать лишь очередным перечнем ценных с точки зрения природного богатства территорий.

* * *

Оглядываясь назад, на последние десять с лишним лет, когда в нашей стране происходили перемены, мы можем с уверенностью утверждать, что свершился великий перелом — состояние окружающей среды стало неизмеримо лучше, чем прежде, и похоже на то, что эта тенденция сохранится. Но можем ли мы этим гордиться? Ведь на самом деле происходило это вследствие иных, гораздо более глубоких и заметных перемен, а теперь нас держат в жестких рамках суровые международные нормы, которые мы вынуждены соблюдать. Так что стоит задать себе вопрос, каково на самом деле наше отношение к миру, в котором мы живем. Действительно ли мы заинтересованы в его высоком качестве и готовы пойти на некоторые лишения ради такой цели, или же это всего лишь популярный лозунг, который ради приличия подхватывает современный человек. Когда я вижу стихийно возникшие свалки или горы мусора на лесных тропинках, то прихожу к выводу, что ответ вовсе не так уж очевиден.

Галина Корнилова

ПОЛЬСКАЯ БАБУШКА РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

Викентия Ивановна Высочанская

В автобиографической книге Константина Паустовского «Повесть о жизни» есть одна странность. О своей собственной семье — отце, матери, братьях и сестре — писатель пишет чрезвычайно скупо. Любопытно и то, что фотография отца Паустовского — Георгия Максимовича — в архивах писателя даже не сохранилась. Что же касается матери, то о ней, ее характере и ее взглядах мы можем узнать главным образом из писем к сыну, в которых она с удивительным постоянством упрекает его за то, что он выбрал «никчемную» профессию литератора.

Зато очень много глав в «Повести о жизни» посвящает писатель другим родственникам — семье своей польской бабушки, ее сыновьям и дочерям, живущим в городе Черкассы на Днестре.

Самой значительной фигурой среди них оказывается сама бабушка — Викентия Ивановна Высочанская, личность необыкновенно яркая, наделенная самыми разнообразными талантами. Она и была тем человеком, который оказал огромное влияние сначала на ребенка, лишенного настоящей родительской любви, а потом и на юношу, ищущего собственный путь в жизни.

Примечателен уже внешний облик бабушки, описанный Паустовским:

«Викентия Ивановна всегда ходила в трауре и черной наколке. Впервые она надела траур после разгрома польского восстания в 1863 году и с тех пор ни разу его не снимала».

Но несмотря на траур, который постоянно носила бабушка, в доме Высочанских царил молодое веселье. Ведь бабушка вырастила троих сыновей и пятерых дочек. Веселье это становилось особенно бурным, когда домой приезжала младшая дочь Высочанских — студентка Московской консерватории, певица и красавица Надя, а следом прибывал из Петербурга ее брат, юнкер Николай.

Костика в этой дружной и талантливой семье баловали как могли и усердно закармливали. Тем более что сама Викентия Ивановна была превосходной кулинаркой. Будущий писатель на всю жизнь запомнил, как мастерски она выпекала на Пасху куличи, а кроме них — еще множество разнообразных «мазурок» — сухих пирожных с изюмом и миндалем.

Среди разнообразных талантов бабушки было и ее удивительное умение выращивать цветы. Зимой в доме цвели олеандры и фуксии, а летом в ее саду расцветало столько цветов, что сад казался гигантским букетом.

«Бабушкин сад, — пишет Паустовский, — и все эти цветы с необыкновенной силой действовали на мое воображение. Должно быть, в этом саду и родилось мое пристрастие к путешествиям».

Сама я могу засвидетельствовать, что, познакомившись с Константином Георгиевичем Паустовским в 1961 году, я была несказанно поражена его безупречными знаниями всевозможных растений. Молодые писатели, гуляя в Ялте с Паустовским по знаменитой Царской тропе, то и дело просили его назвать какое-нибудь редкое растение — цветок или кустарник, и каждый раз он отвечал на наши вопросы без запинки.

О глубоком интересе и любви писателя к ботанике говорит и тот факт, что в Тарусе на его рабочем столе всегда лежала толстая книга под названием «Определитель растений».

Но не только в этом заключалось влияние Викентии Ивановны на внука, оставившее след на всей его жизни.

«Бабушка, — пишет Паустовский, — была очень начитанная женщина. Религиозность удивительно уживалась в ней с передовыми идеями. Она увлекалась Герценом и одновременно Сенкевичем. Портреты Пушкина

и Мицкевича всегда висели в ее комнате рядом с иконой Ченстоховской Божьей Матери. В революцию 1905 года она прятала у себя революционеров-студентов и евреев во время погрома».

В своей собственной семье, постоянно сотрясаемой скандалами между отцом и матерью, будущий писатель не находил понимания. А позже, когда отец окончательно ушел из семьи, мать, решив, что сына ей прокормить трудно, оставила при себе дочь, а Костика отправила к тем же Высочанским, зная, что там

его примут с радостью. И хотя такое ее решение глубоко травмировало подростка, однако жизнь среди людей, которые его любили и, главное, всегда старались понять, оказалась для мальчика благом.

Викентия Ивановна, конечно же, заботилась не только о том, чтобы Костик всегда был сыт и ве-

сел. С ранних его лет она оказывала истинно нравственное, духовное влияние на внука. Так, например, вдвоем с бабушкой они совершили паломничество по знаменитым монастырям, посетили Вильно, где присутствовали на богослужении при часовне Остробрамской Богоматери, ездили в Варшаву (где Костик запомнил лишь памятник Копернику и еще «кавярни» — кафе, в которых бабушка угощала «пшевруцонной кавой»). Они ездили и в Ченстохову, чтобы посетить монастырь на Ясной Горе с чудотворной иконой Божьей Матери.

БАБУШКА И ДЕД К. ПАУСТОВСКОГО
Викентия Ивановна и Григорий Моисеевич Высочанские

Самые важные события в жизни юного Кости Паустовского происходили при непрерывном участии бабушки Викентии Ивановны. Вот сцена, когда дрожащего от страха мальчика собираются отправить в подготовительный класс гимназии.

«Бабушка Викентия Ивановна в это время гостила у нас в Киеве. Она перекрестила меня и повесила на шею крестик на холодной цепочке. Трясущимися руками она расстегнула ворот моей черной тужурки, засушила крестик мне под рубаху, отвернулась и прижала платок к губам.

— Ну, иди, — сказала она и слегка оттолкнула меня, — Будь умным, трудись!»

Спустя несколько лет, будучи уже гимназистом старших классов, Паустовский снова жил с бабушкой. На этот раз в Киеве, во флигеле дома, принадлежавшем одной из дочерей Викентии Ивановны. Именно в эти годы он отчетливее всего осознаёт, кем была для него бабушка, которая понимала его, как никто другой.

«Я дружил с бабушкой, — признается Паустовский. — Я любил ее больше всех родных. Она отвечала мне тем же».

Как раз в эти годы он написал первый свой рассказ, который с замиранием сердца отнес в редакцию журнала со «странным названием „Рыцарь”», — с нетерпением и страхом он ждал известий из редакции. Когда же рассказ был напечатан, то счастьем Викентии Ивановны не было конца.

«Она радовалась моему первому рассказу больше чем я», — свидетельствует внук.

По случаю такого события бабушка устроила праздничный завтрак с ее прославленными «мазурками», надела черное шелковое платье, которое раньше надевала только на Пасху.

«Видно, Бог сжалился надо мной, — сказала она, — и принес мне напоследок эту радость (...) Черные ее глаза смеялись, когда она смотрела на меня».

Критики, в то или иное время писавшие о творчестве Константина Паустовского, единодушны были в одном: пейзажи писателя, природа в его произведениях неизменно поражает своей одухотворенностью, тонкой красотой, живыми красками. Но никто из них пока не отметил, что таким — благоговейным, восторженным — отношением к живому миру во круг нас писатель в немалой степени обязан замечательной женщине — Викентии Ивановне Высочанской.

Впрочем, сам писатель напомнил нам об этом:

«Уже тогда, мальчиком, я любил сады, деревья. Я не ломал веток и не разорял птичьих гнезд. Может быть, потому, что бабушка Викентия Ивановна всегда говорила мне, что мир чудо как хорош и человек должен жить в нем и трудиться как в большом саду».

...Долгое время на кладбище в Тарусе лежал большой валун, на котором были выбиты имя и фамилия писателя. Но не так давно над могилой Паустовского установили большой деревянный крест. Читателям его книг он всегда будет напоминать о том маленьком крестике на холодной цепочке, который был надет на шею испуганного «приготовишки» руками его любящей бабушки.

Галина Корнилова — прозаик, главный редактор журнала «Мир Паустовского».

**Нина
Молева-Белютина**

ПОЛЯКИ В МОСКВЕ ПОСЛЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Обычная точка зрения, разошедшаяся по школьным учебникам, не говоря о специальной исторической литературе, такова: москвичи после Смутного времени непроницаемой стеной отгораживались от чужеземцев и иноверцев, ревниво пресекая возможности распространения иных, кроме православия, конфессий. Пресловутая Немецкая слобода на ручье Кокуе трактовалась как единственный островок западной культуры и жизненного уклада. Для собственной же безопасности иностранцам предлагалось и приходилось существовать строго в ее границах. Однако архивные документы полностью опровергают подобную концепцию.

Прежде всего вопрос о Немецкой слободе. Она выгорела дотла в пожаре 1611 года, уничтожившем весь город. «Таков был страшный и грозный конец знаменитого города Москвы», — писал очевидец, шведский купец Петрей да Ерлезунда. Но уже через девять лет первая московская городская перепись свидетельствует о том, что поднялись из пепла дома, дворы, улицы, целые районы — кроме Немецкой слободы. И в то же время в Москве проживает 27 тысяч иностранцев (мужчин — женщины в переписях не учитывались) при общем населении столицы (опять-таки мужском) 200 тыс. человек. Иначе говоря, иностранцем был каждый седьмой житель, располагавший собственным двором и хозяйством. Те, кто не имел владения, переписи не подлежали.

В основном законодательстве XVII столетия — Соборном уложении царя Алексея Михайловича, принятом в 1649 году, — разрешался обмен поместий (земли) внутри Московского уезда «всяких чинов людьми, и с городовыми Дворяны и детьми Боярскими и с *Иноземцами*, четверть на четверть, и жилое на жилое, и пустое на пустое», т.е. любых видов недвижимости — от земли, строений до пустошей, которых после Смутного времени вокруг столицы становится особенно много. Происхождение владельца, его вероисповедание никакого значения не имели, а число приезжих с каждым годом увеличивалось.

По признанию самих иностранцев, Московия в XVII столетии была самой веротерпимой страной в Европе и самой щедрой в оплате нужного ее правительству труда. А кого только не было среди хотя бы военных специалистов, которых, не щадя расходов, приглашали первые Романовы: англичане, французы, голландцы, итальянцы, датчане, немцы и особенно поляки. Чем нужнее Московии специалист, тем большей свободой и возможностями он пользовался, будь то архитектор, строитель, офицер, врач или музыкант — наиболее ценимые в тот период профессии. Только проповедники любого толка рассчитывать на терпимость или простое снисхождение не могли.

Слухи о широте взглядов московского царя привели сюда известного мистика, «духовидца» Кульмана из Бреславля, преследуемого по всей Европе за свои взгляды. Он появился вместе со своим последователем купцом Нордманом и здесь нашел свой страшный конец. Оба были сожжены в срубе, пройдя через изощреннейшие виды суда и пыток — за то, что «чинили в Москве многие ереси и *свою братию иноземцев прельщали*».

Между тем протестанты еще при Иване Грозном построили в Москве свою церковь и открыто отправляли богослужение. В XVII веке число протестантских храмов возросло до четырех. Отношение к католицизму было куда более настороженным, и первый костел открылся в Москве лишь в 1698 г., при Петре I, впрочем, тоже не благоволившем к католикам. Во всем остальном католики и особенно поляки не имели никаких ограничений.

Иностранцы могли селиться в любом уголке Москвы. Соседство с ними никого не смущало. И хотя в том же Соборном уложении подтверждалось введенное еще первым Романовым запрещение русским жить «в службе» у иноземцев неправославного исповедания, на деле никто не заботился о его соблюдении. Главной оставалась работа, возможность обучения и приобретения мастерства. Перед ними страх религиозных соблазнов легко и незаметно отступал на задний план.

Государственные учреждения оказывались в этих вопросах куда более свободомыслящими, чем отдельные люди.

Сторониться иностранцев — не московская действительность, разве что несбыточная мечта некоторых москвичей, и притом очень немногих. Об этом просят, например, в 1620 г. купцы одного из центральных районов города, которым не дает покоя конкуренция англичан, заваливших всю округу своими дешевыми товарами. Одиннадцать церковников пишут слезную челобитную, что в другом районе не осталось места для православных, а значит, и для их служительских доходов, столько расселилось кругом иноземцев, в том числе поляков.

Немецкая слобода на Кокуе начала восстанавливаться только в 1662 г., когда эти земли стали раздавать под застройку, причем почти исключительно иностранцам, состоящим на русской военной службе. Размер участка зависел от воинского чина застройщика. Зато в течение всего столетия в Москве существовало шесть больших иноземных слобод, разбросанных по разным местам города, и из них две самых многолюдных — польских, или иначе — Панских. Здесь сказывались те льготы, которые предоставлялись выходцам из Польши.

В принципе въезд в Московское государство представлялся очень непростым. Свободой неизменно пользовались только купцы — «торговые люди» — и специалисты, приглашавшиеся на «государеву службу», т.е. предварительно отобранные и получившие официальные приглашения. По личному почину можно было доехать до границы, подать необходимое прошение с сообщением подробных о себе сведений и обязательных аттестатов о профессии. Существовал сравнительно узкий круг западных университетов, чьи дипломы признавались в Московском государстве. Все бумаги высылались в Москву, в Посольский приказ, который рассматривал документы и выносил заключение. Ждать заключения на границе приходилось по несколько месяцев, а результаты далеко не всегда оказывались положительными. Исключение составляли выходцы из Польши и Литвы: их судьба решалась на границе, и, судя по документам, препятствий им никто не чинил.

Первая из польских слобод — Старопанская — по переписи 1638 г. имела 52 двора и была единой по национальному составу. Ее подмеченная москвичами особенность состояла в том, что слобожане охотно женились на православных и нередко переходили в «московскую веру» — обстоятельство, гарантировавшее немалые материальные преимущества. Правительство выдавало значительную сумму «на крещение», дорогое платье и широкие возможности по службе.

Вторая — Панская — слобода находилась в Замоскворечье и состояла из поляков и литовцев. Обиходным языком в ней был подльский. По переписи 1669 г. ее населяли офицеры московских полков регулярно строя, чьи фамилии — ради удобства военной службы — почти всегда русифицировались.

Компактное поселение поляков существовало и в Китай-городе, вокруг так называемого польского Панского двора — надворья, упоминаемого в городских документах уже в 1508 году.

Наконец в 1671-1672 гг. за пределами третьего оборонного кольца Москвы — Земляного вала (или нынешнего Садового кольца) образовалась огромная новая мещанская слобода. Характерно, что память обо всех польских поселениях и слободах поныне сохраняется в названиях московских улиц и переулков. Затянувшаяся война с Польшей определяла постоянное увеличение в русской столице числа выходцев из присоединяемых к Московскому государству или просто польских местностей. Одни добровольно переезжали в Москву, имея в виду лучшие жизненные условия, другие — в качестве пленных, которые затем получали волю, но по разным причинам предпочитали жизнь в первопрестольной.

В 1684 г. в мещанской слободе находилось 659 дворов. Среди жителей имелось некоторое количество евреев. По сравнению с другими, в том числе и иноземными, слободами положение Мещанской слободы было определено боярским приговором в 1682 году. С «мещан» взимался меньший налог. Они состояли «купчинами» и целовальниками в Посольском приказе и производили закупку всех необходимых для него, как и для Посольского двора, вещей. Что еще важнее — «мещане» закупали для казны ефимки, располагая для подобных операций собственными агентами в Новгороде Великом, Пскове и Смоленске. «Мещане»-меховщики ездили со своим товаром — «соболиною казною» — при послах в Польшу, Швецию, Крым. Они были целовальниками на Сафьянном дворе, на Мещанском кружечном и в других привилегированных учреждениях.

Здесь традиционно много торговцев, великолепных ремесленников, служащих по найму — в Москве существовала острая потребность в польских переводчиках, так как польский язык был широко распространен в зажиточных кругах, как потом французский в России XVIII века. Перепись говорит о проживавших здесь лекарях, женщине — «лекарихе», многочисленных живописцах. Отдельные обитатели слободы настолько разбогатели от торговых операций, что вскоре 17 человек из их числа были взяты в так называемую гостиную сотню — купеческое объединение. Всех их объединяло происхождение «из польских краев», и в слободу их приписывали «по иноземчеству».

Ассимиляция приезжих происходила на редкость быстро. Этому несомненно способствовало пестрое в национальном отношении население Москвы, но вдобавок и давно сложившиеся традиции проживания иностранцев в столице Московского государства. Самые ранние упоминания о многочисленных поселениях поляков и литовцев относятся ко времени правления отца Ивана Грозного — великого князя Василия III, который имел больше полутора тысяч приближенных пехотинцев из их числа. Размещенные за Москвой-рекой, они имели в отличие от остальных москвичей разрешение варить пиво и мед в любое время года. Расположение же их домов в непосредственной близости к Крымскому броду, самому опасному месту в отношении татарских набегов, заставляло польскую гвардию великого князя постоянно находиться в боевой готовности. Неподалеку от этого поселения было устроено и первое в Москве иноземное кладбище. Латинские, польские, итальянские, немецкие и английские надписи на надгробиях позволяют его датировать второй половиной XVI века.

Исчезновение этой слободы скорее всего связано с нашествием крымского хана Девлет-Гирея (1571), когда страшным пожаром был уничтожен весь город. Пожары представляли настоящее бедствие Москвы, но отстраивались москвичи легко и быстро. И это — еще одно обстоятельство, способствовавшее ассимиляции иностранцев: им не хватало ни времени, ни средств строить дома по образцу своих стран и приходилось принимать то, что предлагал местный строительный конвейер. За редким исключением строительным материалом служило дерево. Жилой сруб рубился из хвойных пород дерева, обязательный в хозяйстве хлев — из дуба. Хитрость заключалась в том, что в первом случае сосна или ель обеспечивали вентиляцию дома благодаря пористой своей фактуре, во втором — плотная дубовая древесина сохраняла выделяемое скотиной тепло. Самый сруб покупался на особом торгу, причем — что особенно поражало поляков — во всей стране применялся единый строительный модуль: купленный, скажем, в Вологде прируб идеально подходил к московскому или нижегородскому дому.

В свою очередь дом заставлял принимать и многие условия местного бытового уклада, обычаев. Особенно это касалось низших слоев социальной иерархии. Поляки приносили с собой свой обиход, но многое усваивали из местного. В середине XVII века почти все западные переселенцы ради лучшего общения с москвичами стали носить русское платье, что вызвало резкий протест Патриарха. По его требованию был издан царский указ, обязывавший иноземцев носить платье по моде и образцу своей страны. Но неизменным оставалось проникновение в русский быт польской культуры — через музыку, театр, литературу и письменность, изобразительное искусство, — которому неосознанно, а кое в чем и вполне сознательно способствовала та же православная Церковь. Выражение «по обычаю ляцкому (польскому)» означало не осуждение, но признание современности вкуса, стиля. При всей своей жестокости Смутное время не наложило враждебного отпечатка на отношение москвитов к своим ближайшим соседям — лишнее свидетельство тому, что все войны ведут между собой правительства, но не народы.

Антоний Кучинский

АЛЕКСАНДР ЧЕКАНОВСКИЙ НА ПОЛЬСКИХ МОНЕТАХ

В Польше неуклонно растет интерес к достижениям поляков в области исследования Сибири. Этому благоприятствует медленное возрождение жизни польской диаспоры в Сибири, где по сей день живут потомки ссыльных XIX века и переселенцы 30-х годов XX века, сосланные в сибирскую глушь из европейской части СССР в ходе сталинских репрессий. На сибирских просторах от Урала до Камчатки можно встретить также поляков, сосланных туда в период II Мировой войны и после ее окончания, которые вследствие различных обстоятельств не вернулись в Польшу, хотя это было возможно на основании межгосударственных соглашений между Польшей и СССР.

Этот оторванный от Польши мир далекой Сибири описан в многочисленных воспоминаниях. Стоит также упомянуть, что действующие в Российской Федерации общества Полонии прилагают все усилия, чтобы не только возрождать на этих обширных территориях польский дух, но и распространять знания о вкладе поляков в экономическое, культурное и цивилизационное развитие великой сибирской земли. Так обстоит дело в Якутске, Южно-Сахалинске, Владивостоке, Иркутске, Томске, Тюмени. Подобные усилия не чужды и современным российским историкам, которые, имея доступ к богатейшим архивам в различных университетских центрах Сибири, вписывают в сибирское ссыльное прошлое достижения поляков на ниве этнографии сибирских народов, естественнонаучных исследований и хозяйственной деятельности.

Хорошо видно, что это направление исследований возрождается и приносит важные результаты, касающиеся разнообразных вопросов, связывающих Польшу и Сибирь. Исследования в этой области, часто осуществляемые совместно с российскими коллегами, развиваются и в Польше. Этот и множество других примеров свидетельствуют о существовании научно-познавательного дискурса, общего для польских и российских историков и свободного от идеологических пре-

дубеждений. Помимо проходящих как в Польше, так и в России научных конференций на эту тему, в сибирской части России появляются знаки памяти, посвященные связям поляков с Сибирью. В 1991 г. на Сахалине открылся памятник выдающемуся исследователю народов этого острова Брониславу Пилсудскому. В Иркутске есть улица Яна Черского — повстанца 1863 года, геолога-самоучки, который вырвал у сибирской земли немало тайн. В Листвянке на Байкале есть небольшой музей, где на почетном месте стоят бюсты двух других сосланных повстанцев: исследователя Байкала Бенедикта Дыбовского и Александра Чекановского, известного своими естественнонаучными исследованиями. В музее хранятся также документы, красноречиво свидетельствующие о польских научных достижениях на этой земле, особенно в области естественных наук. Много лет назад Польская почта выпустила марки с изображением этих ученых, а недавно появились марки с изображением двух других уже упоминавшихся ссыльных — Я. Черского и Б. Пилсудского. В 2001 г. в Якутске был воздвигнут памятник польским ссыльным XVII-XIX веков, жертвам массовых репрессий XX века, а также выдающимся исследователям якутской земли. В большой мемориальный камень вмонтирована мемориальная доска, повествующая об этих давних польско-якутских связях. Вокруг памятника стоят четыре именных камня, посвященных выдающимся исследователям культуры и языка якутов Вацлаву Серошевскому и Эдварду Пекарскому, а также Яну Черскому и Александру Чекановскому, которые вели в Якутии естественнонаучные изыскания.

Итак, мы видим, что увековечивать польское прошлое в Сибири можно разнообразными способами. В этой связи стоит вспомнить еще об одной возможности, которая в последнее время стала достоянием самых широких кругов польского общества. В марте 2004 г. Польский национальный банк (ПНБ) выпустил в обращение две отчеканенные Государственным монетным дво-

ром памятные монеты достоинством в 2 и 10 злотых с изображением вышеупомянутого польского ссыльного и исследователя Сибири А.Чекановского (1833-1876).

Чекановский родился в Кременце. Сначала он изучал медицину в Киеве, а затем минералогии в Дерпте. За участие в восстании 1863 г. был сослан в Сибирь, где после освобождения от каторжных работ посвятил себя геологическим исследованиям. В сотрудничестве с Иркутским отделом Императорского Русского географического общества он занимался геологической разведкой в Иркутской губернии и Прибайкалье, а также на территории Якутии. Его путешествия и исследования получили известность и признание в Петербурге, куда он прибыл после амнистии, чтобы начать работу в Минералогическом музее Академии Наук. В Петербурге же Александр Чекановский покончил жизнь самоубийством.

За выдающиеся заслуги польского ученого в области геологии и этнографии Сибири одна из горных цепей Якутии была названа горами Чекановского. В 1982 г. в Люблине вышла биографическая книга Збигнева Вуйцика, озаглавленная «Александр Чекановский. Очерки о людях, науке и природе Сибири». В российской научной литературе опубликован ряд статей, высоко оценивающих труды этого ссыльного исследователя.

Одновременно с выпуском в обращение вышеупомянутых монет был издан информационный буклет об А.Чекановском, в котором содержится также описание монет. Диаметр монеты достоинством в 2 злотых — 27 мм; тираж — 700 тыс. штук. На лицевой стороне монеты (художник Эва Тыц-Карпинская) изображен герб Польской Республики — орел, по бокам которого расположены цифры, обозначающие год чеканки: «20-04». Под орлом указано достоинство монеты: «Зл. 2 Зл.». Сверху полукругом надпись: «Поль-

ская Республика». На оборотной стороне (художник Руссанка Новаковская) расположено рельефное изображение А.Чекановского на фоне сибирского пейзажа и северного оленя, запряженного в сани. Слева сверху полукругом надпись: «Александр Чекановский 1833-1876». На ребре монеты восьмикратно повторяется надпись «ПНБ», разделенная звездочками.

Монета достоинством в 10 злотых изготовлена из серебра. Диаметр монеты — 32 мм; тираж — 45 тыс. штук. На лицевой стороне в нижней части расположено изображение орла, утвержденное в качестве герба Польской Республики. Слева указан год чеканки: «2004», — а справа достоинство монеты: «10 Зл.».

Над орлом надпись: «Польская Республика». Над надписью изображены олени упряжки на фоне сибирского пейзажа. Сверху — косяк птиц. На оборотной стороне монеты расположено рельефное изображение

А.Чекановского на фоне сибирского пейзажа. Слева от него — северный олень, а справа стилизованные профиль, руки, компас, циркуль и карта. Внизу надпись: «Александр Чекановский 1833-1876». Монета отчеканена по проекту Руссанки Новаковской.

Обе монеты распространились в самых широких кругах общества, а их старательно продуманная композиция, отсылающая лишь к нескольким деталям биографии А.Чекановского, позволила осознать, что в Сибири поляки не только страдали, но и отдавали этой земле свои исследовательские труды, вписав свои имена в ее историю важными научными достижениями. Следует выразить признательность Польскому национальному банку за то, что он увидел необходимость подобной популяризации связей поляков с Сибирью. Будем надеяться, что дело не ограничится чеканкой этих двух монет.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Поляки все чаще встречают Новый год на масловых гуляньях под открытым небом. В нынешнем году этому способствовала исключительно теплая погода. Выступления известных исполнителей, фейерверки и праздничная атмосфера привлекают огромные толпы народу. На этот раз, как и в прежние годы, больше всего народу собралось на краковской Рыночной площади. Варшава же была переименована в город ангелов, в честь чего на эстраде возле Дворца культуры и науки прошел конкурс на самый красивый «ангельский» костюм. Дворец послужил также фоном для великолепного фейерверка, который устраивается здесь регулярно, начиная с 2000 года: сначала на Новый год, а затем в начале января, в день финала Большого оркестра святочной помощи, когда вверх летит «Огонек к небу».

• «Дворец культуры и науки — классический образец архитектуры соцреализма и свидетельство завершившейся исторической эпохи. Тем самым он отвечает критериям, позволяющим признать его памятником архитектуры», — говорит главный инспектор по охране памятников. Таким образом, у возведенного в 1955 г. в самом сердце Варшавы по проекту архитектора Льва Руднева дара советского народа, который прежде считался символом гнета и неволи, есть шанс стать символом новой Варшавы.

• «Такие места, как Торговый дом братьев Яблковских, — неотъемлемые элементы пейзажа нашего города, подобно “Веделю” или “Бликле” [известным старым кондитерским фирмам, возобновившим свое существование после 1989 года], — утверждают члены Общества друзей Торгового дома братьев Яблковских. Не исключено, что конфискованный в 1950 г. Торговый дом будет возвращен прежним владельцам. Между тем общество развернуло свою культурную деятельность: в соседнем здании открылась галерея искусств, в которой будут проходить выставки и театральные спектакли. На открытии выступили исполнители музыки хип-хоп, варшавский шарманщик и уличный театр. Кроме того, прошла выставка документов, посвященных

юбилею фирмы. «Галерея продолжает довоенные традиции семьи Яблковских, которая занималась не только торговлей, но и общественной и культурной деятельностью», — говорит член общества Гражина Шидловская. — Еще здесь были столовая, библиотека и центр матери и ребенка».

• «Паспорт “Политики”» — одна из важнейших польских культурных премий. «В двух словах групповой портрет наших лауреатов можно описать так: они происходят из разных уголков Польши — от Гданьска до Новой Гуты, — но среди них нет ни одного представителя Варшавы. Это еще раз подтверждает уже не новый тезис, что самое интересное все чаще происходит вне столицы», — пишет заведующий отделом культуры еженедельника Здислав Петрасик. Представляем вам лауреатов этого года и краткие обоснования решений жюри: премия в области литературы — Славомир Схуты с романом «Куча» за литературный слух, страстность и смелость в изображении польской действительности; в области кино — Войтек Смажовский с фильмом «Свадьба» за мастерскую режиссуру и бескомпромиссный показ непривлекательного лица наших будней; в области театра — Павел Шостак, создатель и директор познанского театра «Бюро путешествий», за ведение мудрого, доброжелательного диалога со зрителями в традиционном театре и театре-офф; в области визуального искусства — Цезарий Бодзяновский за фантазию и последовательность, за спокойное и бескорыстное искусство, вырывающее нас из рутины повседневности; в области серьезной музыки — композитор и вокалистка Агата Зубель за необыкновенные вокальные образы, за сценическую индивидуальность и за то, что она умеет гармонично сочетать сочинение музыки с исполнительством; в области эстрадной музыки — Лешек Можджер за прекрасное чувство импровизации, музыкальное воображение и всесторонность, благодаря которой польский джаз обрел новое дыхание и новых поклонников.

• Лешек Можджер и его давний учитель и кумир Адам Макович, который старше его на целое поколение, стали героями записанного в нью-йоркском

Карнеги-холле концертного альбома «Макович против Можджера». Рекламная кампания этого диска в Польше началась с серии концертов в Варшавской филармонии. Можджер, чей сольный диск «Piano» стал хитом сезона, «дает десятки интервью, в т.ч. и иллюстрированным журналам, — пишет рецензент «Газеты выборчей». — Он сделался модным, несмотря на то что играет музыку трудную, требующую от слушателя полной сосредоточенности. И он не намерен приноравливаться к вкусам массового слушателя (...) Из пианиста, известного узкому кругу поклонников джаза, и высоко ценимого сессионного музыканта он превратился в идущую нарасхват звезду».

• «Если бы дебютантам дали шанс, то сегодня в СМИ и рейтингах музыкальных бестселлеров нашим глазам предстала бы совершенно иная музыкальная Польша. Но кто осмелится сделать это? — вопрошает в «Политике» Мирослав Пэнчак, оценивая польский музыкальный рынок и направляя острейшие атаки прежде всего против СМИ. — Вездусущий поп, записи одних и тех же заграничных и отечественных звезд плюс развлекательная версия хип-хопа (...) почти полностью заполняют эфир радиостанций и музыкальные программы телевидения (...) Вопреки тому, что как-то раз, еще в бытность членом жюри «Идола» [программа телевидения «Польсат», которая по замыслу должна искать новые таланты], сказал Мацей Маленчук («Молодежь подражает старикам, а поскольку старики плохи, то молодежь еще хуже»), с новой, но еще малоизвестной новой волной польских исполнителей все не так уж плохо». Приведем вслед за Пэнчаком несколько фамилий и названий групп: Моника Бродка, Эвелина Флинта, Марек Дыяк, Стась, «Паника», «Братки из Ракемно», «Nonconcerto», «Rootwater».

• О конце кризиса польской эстрадной музыки пишет и Роберт Санковский в «Газете выборчей», обращая, однако, внимание не на тех исполнителей, которые еще ждут, когда их откроют СМИ, но на тех, кто уже успел снискать известность. Для Санковского открытием года стала «Капелла из деревни Варшава», которая «доказала, что польская народная музыка (правда, исполняемая в достаточно современной и свежей манере) может быть привлекательна для мира». Капелла, получившая диплом на ежегодном конкурсе Би-Би-Си, весь прошлый год провела в концертных турне по всему миру. Увенчанием прошлого года стала запись музыки к новой версии знаменитой компьютерной игры «Myst».

Если же говорить о польской эстрадной музыке в целом, то здесь главным событием Санковский считает организуемую Юреком Овсяком «Остановку Вудсток», на которую ежегодно приезжают несколько сот тысяч молодых фанов.

• Год назад в Берлине состоялась премьера «Пиковой дамы» Чайковского в постановке Мариуша Трелинского с несравненным Пласидо Доминго в роли Германа. А недавно прошла варшавская премьера оперы, сценографию к которой подготовил Борис Кудличка. «Варшавскую “Пиковую даму” следует рассматривать как совершенно новый спектакль, — пишет Яцек Гаврилюк. — Трелинский известен тем, что постоянно экспериментирует и изменяет свои прежние постановки. В случае варшавской “Пиковой дамы” речь идет о совершенно новой постановке, тем более что режиссер отказался от некоторых секвенций и сменил почти 80% декораций. Варшавская “Пиковая дама” получилась значительно менее аскетической, чем берлинская (...) Это спектакль более экспрессивный, динамичный, насыщенный цветами и сценографическими контрастами. Режиссер создал восхитительное зрелище».

• «В труппе Лодзинского оперного театра есть артистка, ради которой стоило ставить эту оперу, а теперь стоит ее посмотреть, — пишет Яцек Марчинский о другой оперной постановке, «Луcreции Борджа» Доницетти. — Даже если Иоанне Вось не всегда удастся поддерживать одинаково высокий вокальный уровень, в ее пении есть поистине восхитительные моменты. Она создает образ из простых жестов и движений. Кроме того, Вось овладела главным в искусстве бельканто: она умеет передать характер своей героини одним голосом, находя нечто важное почти в каждой ноте».

• «С глубокой скорбью сообщаем о кончине Феликса Ласского, который ушел от нас внезапно — умер спокойной смертью в собственном доме 21 декабря 2004 года», — написала в некрологе семья великого мецената польского театра. Ежегодно присуждаемые «Феликсы», учрежденные Ласским премии его имени, — одни из самых вожделенных трофеев каждого варшавского театрального сезона. А финансовые дотации Ласского помогли многим польским театрам.

• О новом польском театре и драматургии, использующей репортерский опыт, пишет в газете «Жечпосполита» Яцек Цесляк: «В конце 2001 г. I Неделя смелого искусства в радомском Театре им. Кохановского дала импульс к созданию “но-

вых текстов, бескомпромиссно обнажающих проблемы современности» (...) Радомский конкурс проводится уже четвертый год подряд, а награжденные на нем авторы сотрудничают сегодня с театрами по всей Польше. В 2001 г. первую премию получила пьеса «С сегодняшнего дня мы будем хорошими» Павла Сали, который сегодня сотрудничает с краковским Старым театром. Марек Модзелевский представил в Радоме пьесу «Убей меня» — в последнее время в афише варшавского Национального театра появилась его «Коронация». Национальный поставил также «Песочницу» другого лауреата радомского конкурса Михала Вальчака. «Песочницу» поставил и Театр им. Шанявского из Валбжиха, а плодом дальнейшего сотрудничества с этим автором стал нашумевший спектакль «Шахта», который, в частности, был показан в Париже. В Радоме были награждены также «Токсины» Кшиштофа Бизе и «Пункет» Шимона Врублевского — повесть о приключениях польских подростков, идущая в Гданьске, Варшаве и Вроцлаве.

• После успеха фильма Магдалены Пекож «Полосы» и книги «Гниль» Войцеха Кучока, по которой поставлен фильм, режиссер и писатель подготовили новый совместный проект — монодраму «Доктор Хауст», поставленную в варшавском театре «Студио» и сыгранную Михалом Жебровским. «Спектакль рассказывает о психоаналитике с пятилетним стажем, для которого лечение брошенных людей стало формой бегства от собственного одиночества, — говорит Магдалена Пекож. — В «Полосах» мы задались вопросом, может ли любить человек, который не был любим. Теперь мы спрашиваем, может ли одинокий человек помочь другим избавиться от одиночества».

• На прошедшем в Варшаве IV Международном кинофестивале Хельсинского фонда по правам человека жюри и зрителей больше всего потрясли фильмы о нарушении прав человека в Северной Корее. Особенно сильное впечатление произвели два документальных фильма работающей на Би-Би-Си польки Эвы Эварт (см. интервью с ней на стр. 28) о северокорейских концлагерях — «На оси зла — страна тихой смерти» и «Постскрипtum». «Чтобы снять фильм, — сказала на специально организованной встрече Эва Эварт, — я предложила в лондонском посольстве КНДР сделать его главной темой позиции Северной Кореи по вопросу сокращения ядерных вооружений. В октябре 2003 г. мы с оператором и журналисткой Оленой Френкель отправились в Пхеньян.

К нам приставили опекунов, которые показали нам мавзолей великого вождя Ким Ир Сена, продемонстрировали национальные виды спорта и народные танцы. Мне уже казалось, что я не сниму этот фильм. Позднее, в Южной Корее, среди беглецов из КНДР я встретила людей, которые знали о существовании лагерей и показали мне документы. Мы сконцентрировались на этой теме. Мы несколько раз проверяли рассказы наших героев — эти фильмы не врут».

• Польская википедия (всеобщая интернет-энциклопедия, статьи к которой может дописывать каждый интернаут) насчитывает уже 50 тыс. статей. Тем самым она вошла в число самых крупных википедий в сети. Насколько мне известно, до сих пор свыше 50 тыс. статей насчитывают только английская, немецкая, французская и шведская википедии.

• В очередную годовщину введения в Польше военного положения ТВП показало передачу, посвященную I Смотру правдивой песни, который прошел в ноябре 1981 г. в гданьском комплексе «Оливия» — том самом, где месяцем раньше завершился I съезд «Солидарности». В эфире ТВП впервые прозвучали записанные тогда песни, такие, как получившая «Золотой кляп» песня Яна Тадеуша Станиславского «Учила меня мама не бояться хама, поскольку хам есть хам — он боится сам». На всех концертах зал ломился от публики, которая улавливала любой малейший подтекст. Песни исполняли Яцек Качмарский, Анджей Росевич и многие-многие другие, а зал был оклеен лозунгами: «Хочешь знать «Правду» — читай «Трибуну люду!»» Сегодня нам осталась только память об атмосфере тех дней да несколько песен. И, к сожалению, почти ничего больше.

• Премию Польского радио «Великий блеск», присуждаемую за выдающиеся актерские достижения и творческий вклад в развитие артистического радио получил актер Мариан Опаня, известный также своими многочисленными ролями в театре и кино.

• «Славное наследие или проклятое наследство? Сарматские традиции в искусстве и культуре» — так называется выставка, открывшаяся в познанском Национальном музее. «Есть ли у современных поляков характерные национальные черты? Если да, то каковы их корни? Положительные они или отрицательные?» — таковы вопросы, на которые пытается ответить экспозиция. Ивона Торбицкая пишет о ней: «Главная цель выставки — показать и напомнить характерные чер-

ты польского барокко, сарматских обычаев, религиозности, искусства и найти их следы в современности (...) Эту выставку нельзя пропустить, ибо она ясно показывает, что хотя сарматство было идеологией польской шляхты на рубеже XVII-XVIII веков, как ментальная категория он жив до сих пор. А не зная традиции, мы не сможем ответить и на вопрос, что она для нас: славное наследие или проклятое наследство?»

• Большое замешательство вызвало недавнее появление на рынке произведений искусства картины Александра Герымского «Мальчик, несущий сноп», которая до сих пор считалась утерянной. Сенсацию усиливал тот факт, что выставленное на аукцион произведение одного из самых выдающихся польских художников XIX в. за день до начала аукциона было снято с публичных торгов. В конечном итоге своим правом первенства воспользовался вроцлавский Национальный музей, который к дотации министерства культуры прибавил деньги, полученные от частного спонсора. Это была дороже всего оцененная картина, проданная в этом году аукционным домом «Штука» («Искусство»). О тенденциях, наметившихся в последние годы на польском рынке произведений искусства, пишет Моника Малковская: «Больше всего рекордов на аукционном рынке было побито в 2000 году: целых семь работ достигло тогда цен свыше миллиона злотых, а самая дорогая — «Потерпевший кораблекрушение» Генрика Семирадского — была продана за 2,13 миллиона. Все самые дорогие произведения были созданы в конце XIX или начале XX века, цены же работ, созданных после II Мировой войны, не превышали 30-40 тысяч. Два года назад оказалось, что торговать «модерном» становится выгодно, тем более что на нашем рынке наметился недостаток академических полотен высокого класса, зато появились интересные объекты, созданные за последние полвека. 2003 год был еще более благосклонен к послевоенному искусству, а композиции Анджея Врублевского впервые в истории достигли цен, сравнимых с классикой. В прошлом году суммы, за которые покупали классику и работы близкие к нашему времени, еще больше выровнялись». Самые серьезные польские аукционные дома — это «Агра», «Польвисс», «Штука» и «Ремпекс».

• В Лодзинском музее искусства открылась ретроспективная выставка группы «Лодзь Калишская». В связи с этим событием Петр Сажинский

написал: «Обычно в историю искусства входят. «Лодзь Калишская» влетела в нее через дымовод, устроив при этом страшный тарарам (...) Нельзя не уделить внимания феномену, просуществовавшему четверть века — начиная со времен Герека, военного положения и кончая эпохой галопирующего капитализма (...) Конечно, у группы гораздо больше поводов для гордости, чем одно лишь долголетие (...) В стране, где выше всего ценились трагические артисты и мрачное искусство, призывающее к борьбе, они решились демонстративно соединить шутку с нонсенсом (...) Залы, ассоциирующиеся с авангардным творчеством Кобрэ, Стшеминского или Стажевского, заняли анархисты и насмешники, которые ставили перед искусством новые задачи совершенно иным образом». В группу входят Марек Яняк, Анджей Кветневский, Адам Жепецкий, Анджей Светлик и Анджей Велегурский.

• В декабре состоялся торжественный финал общественной кампании «Вся Польша читает детям». Инициатором этой продолжающейся уже три года акции стал фонд «АВС-XXI — Программа эмоционального здоровья». «Наша цель — благо детей и их нормальное психическое, умственное и нравственное развитие, — говорит председатель фонда Ирена Козьминская. — Современные дети получают все меньше того, что необходимо для их эмоционального здоровья: родительского времени и любви, упражнений в мышлении и развитии языка, добрых примеров поведения. Мы наносим детям невосполнимый ущерб, ограничивая контакт с ними до необходимого минимума и давая им взамен удобные для нас суррогаты: телевизор и компьютер».

• И наконец — польские литературные бестселлеры прошлого года. На первом месте — Катажина Грохоля («Я вам покажу!»), на втором — Катажина Грохоля («Никогда в жизни»), на третьем — Катажина Грохоля («Сердце на перевязи»). Дальнейшие места распределились уже более разнообразно. Четвертое занял Рышард Капустинский («Путешествия с Геродотом»), пятое — Ежи Пильх («Город терзаний»), а далее идут Януш Гловацкий («Из головы»), Анджей Сапковский («Божьи войны») и Войцех Кучок («Гниль»). Где-то между Грохолей и Капустинским оказался Норман Дэвис со своим «Восстанием-44», но не совсем понятно, причислять ли его к польской литературе или все-таки к английской.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Дело Малгожаты Незабитовской, пресс-секретаря первого польского независимого правительства после 1989 г., стало одной из сенсаций процесса люстрации, который идет в Польше вот уже несколько лет. Перед Институтом национальной памяти, учрежденным для изучения, в частности, и таких вопросов, стоит очень трудная задача: так упорядочить материалы, унаследованные от спецслужб ПНР, чтобы на их основе иметь возможность исключить из публичной жизни лиц, скрывающих тот факт, что они сознательно сотрудничали с этими службами. Дело затрудняется еще и тем, что часть материалов была уничтожена, хотя знатоки утверждают, что даже эти уничтоженные документы можно частично восстановить. И совершенно очевидно, что знать об этом полезно: нельзя потерпеть, чтобы государственные и общественные посты занимали люди, утаивающие свое сотрудничество с госбезопасностью: таких людей легко шантажировать. Поэтому неудивительно, что люстрационные процессы возбуждают довольно сильные чувства.

Незабитовскую публично назвали агентом. По этому вопросу высказывается Кшиштоф Козловский, министр внутренних дел в правительстве Мазовецкого, где Незабитовская была пресс-секретарем, а в 70-е годы осужденный за сотрудничество с парижской «Культурой». В интервью, озаглавленном «Дело Малгожаты Н.», которое он дал «Тыжднику повсехному» (2005, №1), он, в частности, комментирует поведение на допросах и подписи под «заявлениями о лояльности» во время военного положения:

«Конечно, болтовня на допросе достойна сожаления. Точно так же, как подпись под заявлением о лояльности. Но следует ясно сказать: потрясенные введением военного положения, тысячи людей глупо вели себя на допросах. Сегодня им за это стыдно. Многие из них подписали „лояльки” или документы, которые можно считать таковыми. Это нередко люди известные, видные, совершенно порядочные. Если мы сочтем тот факт, что человек один раз раскололся на допросе или подписал „лояльку”, равнозначным сотрудничеством с органами госбезопасности, нам придется перестроить все наше мышление о прошлом. Даже закон о люстрации, определяя сотрудничество, ставит условие систематических и добровольных контактов. (...)

Я упорно повторяю, что достоверность органов сомнительна. Ни одному офицеру ГБ на самом деле не было важно объективно описать положение в стране. Нет, они допрашивали, занимались слежкой, вербовали не для того, чтобы установить истину, а чтобы приспособить результаты своей работы к сценарию, который в тот или иной момент спускало им начальство. Недобросовестность документов МВД ПНР состоит не в том, что кто-то подменил страницы либо подделал документ, вычеркивая или вписывая какие-то фрагменты. Эта недобросовестность состоит в том, что документы МВД содержат сведения, профильтрованные следователем или оперативником — а он не был объективен. Вдобавок они часто обманывали начальство: чтобы продвинуться в карьере, получить прибавку к зарплате или положить в карман какую-то сумму из оперативного фонда. (...) Достаточно было несколько раз вызвать человека, который добивался заграничного паспорта, потом еще несколько раз вызвать его по возвращении из-за границы. Всякий так или иначе объяснял, почему хочет выехать, потом хотя бы частично рассказывал о впечатлениях от поездки. Встречи были, можно было написать какой-никакой рапорт, дать человеку кличку и похвалиться новым сексотом. Но было ли это действительно сотрудничество? Пожалуй, нет».

Что ж, это «пожалуй» остается, пожалуй, важным. Уверенности ни у кого так и не будет, а отсутствие уверенности оставляет широкое поле для истолкований поведения людей, документированного в бумагах спецслужб. Это, разумеется, разжигает страсти. И должно разжигать, ибо — хоть бы не знаю как пренебрегать поведением людей на допросах — вопрос расчета с прошлым остается одним из основополагающих. В конце концов это не только польская проблема: с тем же самым мы имеем дело

во всех постсоветских странах, но с этими вопросами по-прежнему трудно справиться и в отношении более далекого прошлого, в особенности сотрудничества с нацистским режимом, и не только в самой Германии, но и, например, во Франции. Граница между сопротивлением и коллаборантством во многих случаях оказывается смазанной, неясной. Эти неясности сегодня не так легко уловить. Множатся сомнения, накапливаются обвинения. Останется ли всё «в семье», как внушает заглавием своей книги Томаш Лубенский? Где проходит граница между тем, что человек мимолетно сломился, и тем, что он согласился на «постоянное сотрудничество»? Козловский подчеркивает:

«Генерал Кишак, будучи министром [внутренних дел], требовал от своих подчиненных, чтобы у каждого офицера „на контакте“ было не меньше 12 сексотов. Не каждый был в состоянии завербовать, а потом вести столько агентов. Тогда он мог ухватиться за спасательный круг — рапортовать начальству о фиктивных сексотах: записывал в их число тех, кто как будто и готов был к сотрудничеству, но никак до конца не сломится».

Некоторые, однако, сломились. Как к ним относиться? Ответ на этот вопрос ищет архиепископ Юзеф Жицинский в статье «Между героизмом и предательством» («Жечпосполита», 2005, №6):

«Основополагающим сведениям о методах вербовки сексотов должны сопутствовать столь же основополагающие сведения, показывающие драму тех, кого ломали. Прежде всего мы не имеем права оставить в одиночестве тех, кто спустя годы живет с трагическим чувством вины и даже, если нашел силы покаяться в этом на исповеди, ищет очищения перед лицом общечеловечности. (...)

Самая простая форма политики страуса перед лицом нравственных заболеваний, вынесенных из ПНР, — радикальное предложение отвергнуть медицину как таковую и разбить все градусники. (...) Авторы такого предложения неумышленно возводят тех сотрудников генерала Кишака, которые старались уничтожить досье, когда ПНР клонилась к концу, в ранг крупнейших авторитетов в области расчетов с историей. Если бы тогда их планы удалось осуществить, сотрудники спецслужб могли бы сегодня спать спокойно, разве что плоды их деятельности сохранились бы в архивах Штази или иных, если человек одновременно работал на спецслужбы разных стран».

Архиепископ, правда, не упоминает о такой возможности, при которой, с одной стороны, у нас все досье были бы уничтожены, а с другой — их копии хранились бы у бывших гебешников, способных шантажировать людей по своему выбору. Однако он прав, когда пишет:

«Циклически возвращающиеся доводы против люстрации подобны идее-фикс человека, который, признавая, что земля на самом деле не совсем плоская, тем не менее требует из практических соображений согласиться с тем, что она плоская. Точно так же для быстрого построения демократии полезным может оказаться строительство ее на иллюзиях и полуправдах и последовательный уход от важнейших вопросов о нравственных принципах. (...)

Нынешняя ситуация выглядит иррационально, так как главную группу, свободную от обвинений в секретном сотрудничестве, составляют те, кто занимался открытым сотрудничеством. Эта патология хорошо видна хотя бы при оценке двух сменивших друг друга пресс-секретарей правительства. Известный своим цинизмом глашатай властей ПНР [Ежи Урбан] выступает сегодня в роли моралиста (...). Зато о той, что его сменила [Малгожате Незабитовской], все стремятся говорить в категориях измены идеалам „Солидарности“, так как в критический момент одинокой борьбы она не сумела продемонстрировать героическую отвагу несгибаемых. Так нельзя воспринимать драмы истории. Надо сохранять основные пропорции в оценке степени нравственного зла; надо учитывать различные оттенки героизма и слабости, отчаяния и предательства.

Бывшие работники органов ни в коем случае не могут навязывать нам моральную квалификацию. Сам факт включения чьей-либо фамилии в список сексотов означает только одно: что органы включили ее в этот список. Однако это никого не уполномочивает тут же бросать обвинения в предательстве, ибо, испытывая ответственность за слово, надо сначала доказать это предательство на основании более серьезных данных, чем записки следователя. (...)

В публикациях неприлично низкого уровня часто повторяются резкие обвинения: тот или иной человек несомненно сотрудничал с властями, так как удалось установить его оперативную кличку. Между тем из самых элементарных сведений известно, что в документах МВД клички давали не только сексотам, но и людям, которые еще ни разу не встречались ни с одним работником органов или даже подвергались систематической слежке тех же органов».

Жицинский подробно анализирует различные методы работы спецслужб, показывая, что выводы, которые можно извлечь из оставленных ими записей и заметок, не всегда верны:

«На основе доходящих до меня со всех сторон различных сведений о всё новых и новых списках сексотов я имею право считать, что — если эти списки не являются обычной провокацией — в них включали также фамилии тех, кто никогда не писал доносов на людей. Перед тем как сформулировать резкие обвинения, следует, таким образом, проверить, не содержало ли досье материалов, в которых решающую роль играет амбициозный офицер, ищущий возможности применить новые оперативные методы».

Однако прежде всего органы использовали классические методы:

«Ломать характеры в те времена было методом отправления власти. И сегодня „поиски крючков“ на конкретных лиц функционируют как постоянно возвращающаяся волна, напоминающая институциональную патологию ПНР. Не все были в силах противодействовать этой патологии. Из того, что кто-то не остался негибимым, еще не вытекает, что этого человека надо считать предателем. Вместо простых квалификаций, основанных на домыслах, нужно увидеть драму человека, который на определенном жизненном этапе не сумел устоять на высоте задачи. Надо присмотреться к нему, чтобы точно распознать, был ли он сотрудником системы порабощения или же сам стал жертвой этой системы, ибо не сумел оказать категорическое сопротивление, когда это было его нравственным долгом. Ни в коем случае нельзя замазывать различия между теми, кто годами писал доносы и получал за это плату, и теми, кто — сломившись во время очередного допроса — затем сумел вырваться из заботливых лап МВД».

Подводя итоги, Жицинский пишет:

«Предложение прийти с духовной помощью тем, чьи фамилии оказались в списках сексотов, не вызывает восторга, ибо многие профилактически опасаются, что, займись они этим, это будет воспринято как форма самозащиты или защиты кого-то из близких. Молчание авторитетных людей способствует деятельности ловцов скандалов, охотящихся на всё новые сенсации. В такой атмосфере исчезает нравственное выражение человеческих драм, а те, кто давно понял свою ошибку, становятся одиночками и беспомощными перед лицом осуждающей их общественности. Если даже они решились пройти духовное очищение в таинстве покаяния, их мучит мысль, что когда-нибудь их внуки будут стыдиться за них после оглашения содержания текстов, которыми бабке по меньшей мере не приходилось гордиться. Это не такой малый круг людей: незадолго до конца ПНР число сексотов достигало 90 тыс. человек; прибавим к этому ближайших членов семьи и потомков, ныне приходящих на свет.

Учитывая сложность и размах проблемы, я предлагаю использовать положительный опыт созданной в ЮАР Комиссии истины и примирения, во главе которой стоял епископ Десмонд Туту. Ее работа свидетельствовала о том, что в драме зла нравственные оценки могут быть куда важнее простого осуждения. (...) Глядя реалистически, следует предупредить, что далеко не все одобряют польское повторение положительного африканского опыта. Некоторым подобная практика приведет на мысль самокритику, некогда применявшуюся внутри ПОРП. Но все-таки ассоциации, приходящие на ум партийному активу, не должны определять нормы действия всего остального общества, особенно если вышеупомянутая самокритика вытекала прежде всего из тактики, чуждой всяким нравственным категориям. Критический скептицизм некоторых кругов не изменит того факта, что другие круги обретут на предлагаемом пути душевный покой (...).

Не следует пренебрегать действиями, которые сочтет нужными лишь часть общества. В одних и тех же условиях один разбойник насмеялся над Иисусом, другой просил Господа помянуть его. Второй разбойник почитается церковным преданием как святой. Парадоксальное определение «святой благоразумный разбойник» можно отнести не только к участникам драмы на Голгофе, но и к людям, запутавшимся в новейших польских драмах. Не ожидая стопроцентного показателя обращений, следует облегчить растерянным возможность примириться с собственной совестью, с ближними, с Богом».

Да — но, разумеется, тогда лишь, когда перед нами открытое исповедание грехов.

МИФ И ИСТОРИЯ

Беседа с Генриком Самсоновичем

Использование истории в качестве метода лечения может быть опасным, если оно основано на обмане общества, на внушении ему, что плохи и во всем виноваты другие, а мы — самые замечательные. Полемицировать с такими утверждениями необходимо, хотя дело это трудное, ибо прошлое бывает скорее предметом веры. Историк должен действовать согласно своей совести, согласно своим убеждениям, которые подвергают проверке другие исследователи и — что самое важное — последующие поколения. Ибо у каждого поколения есть право иметь собственный взгляд на прошлое.

— Несколько лет назад я участвовал в международной исторической конференции, проходившей в Каменце-Подольском, во время которой организаторы устроили нам экскурсию по городу. Гвоздем программы стало посещение знаменитой каменецкой крепости. Проводившая экскурсию по замку директор Исторического музея рассказала о событиях, покрывших славу эту крепость в XVII веке, когда турецкий султан напал на Украину. Ему не удалось захватить Украину, ибо предательством стал Каменец, обороной которого командовал храбрый полковник Михал Золотыёвский. Когда у Володыёвского подходили к концу боеприпасы, он отправил одного из своих рыцарей, чтобы тот ночью прокрался через турецкие посты в лагерь короля Яна Казимира под Жванец. А король только что заключил мир и, к сожалению, вынужден был сдать Каменец. Но этот самый пан Володыёвский еще до набега турок поклялся, что живым крепость не сдаст, и они вместе с другом, выдающимся генералом артиллерии Кетлингом, взорвали себя в башне, руины которой видны по сей день. Вся наша группа слушала рассказ с большим напряжением. Ни один из членов польской делегации даже глазом не повел, и лишь один француз, явно недоучка, спросил: «Действительно ли так было на самом деле?»

— *Этот рассказ вводит нас в трудную тему исторической истины и того, что она собою представляет. Попробуем начать нашу беседу с вопроса, еще более фундаментального. Зачем историк пишет историю, зачем он обращается к каким-то давно минувшим, далеким временам, дает их описание и предлагает прочитать, а значит, поверить? Каковы его мотивы?*

— Не без причины древние считали историю одной из муз, покровительниц искусств. И, как в любом искусстве, мотивы должны быть простыми: это сама по себе страсть к творчеству, в данном случае — страстное стремление открыть истину. Но временами это делается и для того, чтобы доставить удовольствие другим людям. Не познав самого себя, а значит, и свое прошлое, трудно что-либо сознательно сделать в жизни.

— *Необходимо ли историку сознавать, для кого он пишет, предчувствовать виртуальное восприятие исторических записей?*

— Иногда, к сожалению, он сознаёт, для кого пишет..

— *К сожалению?*

— К сожалению, ибо тогда он пишет по заказу. Иногда, однако, написанное по заказу мы весьма ценим. Наш первый летописец, Галл Аноним, писал первую историю Польши для своего мецената — во славу царствующего дома и самого князя Болеслава, прозванного Кривоустым. Иными словами, он писал, руководствуясь тезисом о величии правителя. Честно говоря, редко случается отыскать произведение, написанное без предварительно заданного тезиса.

Величие самого исследователя, который изучает прошлое, заключается, в частности, в том, что иногда в процессе работы он отказывается от принятой им посылки и в согласии со своей совестью, знаниями, результатами исследований приходит к совершенно иным выводам.

— *Так в чем же заключается особая роль историка? Вы сказали, что у него есть какая-то исключительная роль.*

— Историк не только изучает прошлое, но он также призван — и этого требуют от него читатели — дать оценку этому прошлому, вынести ему приговор. Я бы не хотел переоценивать предмет, которым занимаюсь, но историки зачастую не только определяют, кто останется в памяти людей, но и решают, был ли этот человек плохим или хорошим. Это величайшая ответственность. И я вовсе не хочу сказать, что историк всегда хорошо справляется с этой задачей.

— *Симона Вайль как-то сказала, что она не доверяет писанной истории, потому что историю пишут победители. Поляки на протяжении долгих лет упражнялись в ином способе писать историю — историю потерпевших пора-*

жение. Победители пишут свою историю, чтобы стереть с ее страниц свою вину, а побежденные — чтобы облагородить свое поражение...

— ...или чтобы получить возмещение, психологическую компенсацию — это весьма существенный фактор, который иногда служит укреплению духа. Большим — и я думаю, полезным — потрясением были для поляков концепции Краковской школы, которая возлагала вину за поражение Польши на них самих. Большинству людей свойственно заранее считать дела минувших дней тем, что хорошо и нормально. Они рассматривают это как застывшую форму. Изучение истории может повлиять на способ их мышления, выработать привычку к историческому мышлению, к тому, чтобы замечать изменчивость.

Если же вернуться к написанию с исходным тезисом, то я бы не стал так уж однозначно осуждать эту форму лечения...

— Но ведь лечение предполагает, что одновременно мы вытесняем из памяти какую-то часть истории — дурную, болезненную для нас.

— Лечение может быть опасным, если основано на обмане общества, на внушении ему, что плохи и во всем виноваты другие, а мы — самые замечательные. Полемизировать с такими утверждениями необходимо, хотя дело это трудное, ибо прошлое бывает скорее предметом веры. Историк должен действовать согласно своей совести, согласно собственным убеждениям, которые подвергают проверке другие исследователи и — что самое важное — последующие поколения. Ибо у каждого поколения есть право иметь собственный взгляд на прошлое. Возьмем такой пример: на протяжении нескольких последних тысяч лет, за немногочисленными исключениями, воевать считалось делом, заслуживающим положительной оценки, делом благородным. Последствия войн должны были оказывать решающее влияние на надлежащее развитие народов, государств, наций. Однако сейчас мы видим, что не война, не сила, не насилие — самые важные факторы в истории.

— История как предмет веры — это область мифа?

— Исследование исторического мифа относится к сфере антропологии культуры, изучающей состояние коллективного образа мыслей. В начале нашей беседы я привел пример, связанный с Каменцем. Все мы знаем, что пан Володыёвский — всего лишь литературный герой, но его история, рассказанная нашим экскурсоводом, дает нам возможность проанализировать запросы личности, которая верит в этот миф и принимает его за реальность. Интересный вопрос: почему этот миф ей нужен? Почему существуют мифы, разрушение которых считается едва ли не кощунством?

— А есть такие мифы?

— Разумеется. Они есть в политической жизни, есть в культуре...

— Поставим конкретный вопрос. Поляки верили, что их история — это история бастиона христианства...

— Впервые Польша была названа щитом христианства, бастионом Европы, в 1318 году. Магнаты — и светские, и духовные, — собравшиеся со всей Польши на вече в Сулеёве, отправили Папе петицию с просьбой дать согласие на коронацию князя Владислава Локеттека, аргументируя это тем, что Польша находится на границе христианского ареала, а христианство сильно настолько, насколько силен его пограничный бастион. И вот теперь Польша в опасности, исходящей от язычников и еретиков, поэтому надо ее укрепить, и нет для этого лучшего пути, чем пожалование королевской короны Владиславу. Здесь была допущена некоторая натяжка, ибо, как оказалось, союзниками Локеттека стали язычники-литовцы, а о еретиках говорить и вовсе сложно, ибо речь шла о православных князьях Галицкой Руси. Следовательно, это был политический лозунг, вдобавок не оригинальный: к бастионам христианства причисляли Венгрию, Венецию, Кипр... В то время это было очень модно.

Однако оказалось, что в определенный исторический момент нас со всех сторон окружали государства, где исповедовали иную веру. Православная Россия, мусульманская Турция, протестантские Швеция и Бранденбург. Только Габсбурги были католиками, зато мерзкими, так как стремились к абсолютизму, — уж и неизвестно, что хуже. Тогда и вернулась, став символом веры, концепция бастиона, которая отражала потребность укрепления в обществе чувства собственного достоинства и усиливала ощущение собственной самобытности и исключительности. Это чрезвычайно важно. Каждая личность, семья, общественная, национальная или государственная группа стремятся к тому, чтобы признавались ее достоинство и ценность...

— Но ведь для этого совсем не обязательно окружать себя стеной.

— Но если возникало ощущение опасности, со всех сторон угрожавшей этому сообществу...

— Однако что происходит, если такой миф сохраняется дольше, чем реальная угроза, его породившая?

— Он меняется, а иногда возвращается во всей полноте, как во время войны 1920 года с большевиками. Это снова был миф, миф чистой воды.

— А миф о Ванде, которая не пожелала выходить за немца? Верит ли кто-нибудь сегодня в эту сказку? Боюсь, такие есть...

— Если кто-нибудь скажет польской девушке, что Ванда бросилась в Вислу, потому что не пожелала выходить за немца, то девушка, скорее всего, лишь плеча-

ми пожмет. Но в чем тут все-таки вопрос? Этот миф был создан одним из самых выдающихся польских историков — Винцентием, прозванным Кадлубеком. И тут прекрасно проявилась роль историка в сотворении истории, а не только в ее изучении. Честно говоря, Ванда была не самым важным элементом этой мифической истории. Она лишь элемент более обширной целостной истории, скомпонованной Кадлубеком. В его первой книге содержатся сведения о том, как мы победили Александра Македонского, победили Юлия Цезаря, покорили датчан и заставили их заплетать волосы в косы в знак того, что они обабились. Среди этих триумфов оказалась и история Ванды, которая должна была придать больше достоинства образу интеллектуальной элиты, властной элиты того времени, пробивающейся к независимости, желающей определить свою самобытность и ответить на реальную опасность германизации.

— *А ведь если задуматься, сколько матримонидальных союзов, польско-немецких, не было заключено из-за Ванды. Возникает вопрос: от чего зависит продолжительность существования исторических мифов?*

— От злободневности нужд, которые они выражают. Давайте обратимся к нашему времени. В 1980 г. у меня были студенты, которые трактовали период II Речи Посполитой как миф. Например, многие из них носили значки, наподобие тех, что были с портретами классиков марксизма: Маркса, Энгельса, Ленина, но на их значках были профили Пилсудского, Дмовского, Витоса. Если бы эти трое выдающихся политиков увидели нечто подобное, то — подозреваю — у них бы волосы на голове встали дыбом. Они весьма недолго любили друг друга, а их представления о будущей Польше принципиально различались. Однако если над этим задуматься, то окажется, что нас тогда терзало прежде всего отсутствие суверенитета и политической независимости, а три названных политика были, собственно говоря, символами, за которыми таились эти ценности. Таким образом, дело было не в сплаве трех портретов — важнее была сама потребность выразить коллективные чаяния. А кроме того, Пилсудский был одним из немногих наших национальных героев, который преуспел. Ходить с портретом человека, который разбил большевиков, было, наверное, большим удовольствием.

— *Из того, что вы сказали, следует, что есть мифы, которые помогают нам жить, но есть и такие, которые вредят. Бывает ли так, что ситуация, породившая миф, больше нет, а мы по-прежнему живем этим мифом, и он мешает нам разобраться в действительности?*

— Есть ученые, которые так считают. Мне, однако, кажется, что миф перестает функционировать в тот момент, когда перестает выражать наши желания, психические состояния. Тогда он становится легендой.

— *Мы говорили о бастионе христианства. Теперь Польша входит в Европу. Не складывается ли у вас впечатление, что в поляках по-прежнему живо ощущение своей миссии? Речь идет уже не о бастионе, защищающем границы Европы, но защищающем ее как бы изнутри от самой себя, от европейского язычества?*

— Я назвал бы это скорее амбицией, а амбиции бывают здоровые и нездоровые. Если бы нашей амбицией было привести в Европу нашу сварливость и безалаберность, то это было бы, разумеется, ошибкой. Но ведь мы можем привести и нечто ценное, при условии, что примем определенную концепцию Польши. Существуют две таких концепции. Одна из них касается исключительно узкого круга, т.е. сообщества, замкнутого в себе и сосредоточенного только на себе. Вторая связана с нашим фактическим величием. В конце XVI века англичанин Файнс Моррисон путешествовал по Европе и, находясь в Польше, написал фразу, которую я запомнил: «Если кто-нибудь где-нибудь на свете утратил свою религию, то в сей момент он может обрести ее только в Польше. При условии, что эта религия еще вообще существует». Это были времена королевы Елизаветы и Шекспира. Наше сообщество в тот период было чем-то совершенно исключительным, чем-то, что превосходно подходит к образу объединенной Европы.

— *А наша склонность к анархии — быть может, тоже миф?*

— Я бы не сказал, что это такой уж миф. Хотя идея единодушия, которая в шляхетской Польше так выродилась, в XVI веке была связана с тем, что наши предки называли «притиркой» мнений, «притиркой» конституции. А что еще, если не то же самое, практикует европейское сообщество в настоящее время в вопросах монетарного союза, иммигрантов и т.п. Это и есть та самая «притирка» конституции.

— *Вернемся к историческому мифу и истории. Бросим в этот котел еще и историка. Что ему, собственно говоря, делать с мифом? Должен ли историк развенчивать миф или он может дать ему спокойно доживать свой век?*

— Историк должен истолковать миф, должен понять его. Я бы сказал, что это весьма существенная роль историка, в том смысле, что она может быть использована, к примеру, политиком. Если господствует какой-то миф, то нет смысла с ним полемизировать, ибо миф, как я уже говорил, относится к области веры. Надо подумать, чего ищет тот, кто в него верит, чего ему не хватает, каковы его чаяния, разочарования.

Если, скажем, ребенок в какой-то момент начинает капризничать и плакать, то не имеет смысла говорить ему: «Не плачь», — ибо это ни к чему не приведет. Бессмысленно бороться с этим плачем. Надо понять, что стало его причиной. То же самое и с мифами. Бо-

роться с ними зачастую просто невозможно, но словесное описание состояния душ, которые на них ссылаются, может оказаться бесценным уроком о современности. Общество, которое глядится в зеркало мифической истории, многое говорит нам о своем сегодняшнем состоянии.

— А как быть с мифами, которые усиливают разочарования и национальные комплексы?

— Я бы поменял местами части вопроса. Не мифы плодят разочарования, а разочарования порождают мифы. Разочарования ведут к ксенофобии и нетерпимости. Не забывайте, что каждая группа общества, будь то поколенческая или профессиональная, вырабатывает свои специфические формы действия и создает мифы, определяющие ее отношение к действительности.

— У здорового общества, наверно, иная агиография, чем у больного?

— Да, только мы не очень-то хорошо разбираемся в том, что значит «болезненное общество» и «здоровое общество». Часто говорят о «нормальном обществе». Но каков реальный эквивалент этого понятия? Это лишь лозунг, выражающий определенные устремления и требования.

Как-то раз, я был тогда членом правления одного международного института истории, мы отправились после заседания поужинать: двое итальянцев, швейцарец, англичанин, француз и я. Разговор начали итальянцы, выражая отчаяние по поводу того, что творит Северная лига, которая хочет отделения Падании от остальной страны. Тут включился швейцарец, сказавший: «Послушайте, это еще что, они ведь хотят отнять и Тичино у Швейцарии, а это вдобавок возбуждает конфликты между кантонами». На это англичанин заметил: «Это вообще пустяки, меня вот недавно два раза эвакуировали из гостиницы в Лондоне, так как ИРА якобы подложила там бомбу». Печальный француз добавил: «Моя жена родом из Мостара, и мы до сих пор не знаем, что стало с ее семьей». И чем же я, поляк, — каким несчастьем — мог бы их утешить? Что Силезия хочет отделиться от матери-родины? Так ведь не хочет. Или рассказать им об аферах и компании «Арт-Б»? Итальянцы ответили бы на это презрительной усмешкой.

Я тогда задумался, а что же, собственно, значит «нормальная страна»? И случайно не самая ли нормальная ситуация в Польше? Я знаю, что это не так. Но знаю также, что и в других местах это лишь постулат, а не описание действительного положения вещей.

— Историки тоже могут поставить под сомнение эту самую нормальность. Весьма нормальная страна и без комплексов — Франция — вдруг узнаёт о том, что она сотрудничала с немцами...

— Не говорите этого никому — я же люблю французов, — но в 1940 г. около 80% французов поддерживали Петена.

— Оказывается, кроме школы написания истории ради укрепления духа, есть еще другая школа, которую мы в Польше называем: раздиране ран. Некоторые считают это своего рода лечением. Так какое лечение эффективней?

— Тут самая суть проблемы. Крайности сходятся. Так происходит не только в политике, но и в оценках истории. Если слишком усердно укреплять дух и слишком страстно раздирать раны, то по сути выходит одно и то же.

Оба подхода дают ответ на запросы — иногда на запросы общества, а иногда на индивидуальные потребности историка. Тот, кто первым начал писать о вине американцев перед индейцами, наверно не был индейцем, но почувствовал внутреннюю потребность сказать: мы не всегда были избранным народом, не всегда и не все достижения американцев были так уж замечательны...

У нас то же самое. Историография ради укрепления духа существовала всегда — начиная с Галла Анонима, Кадлубека, не говоря уже об историографии XIX века, занимавшейся Польшей как мессией народов. А с другой стороны, есть весьма многочисленные примеры истории, позорной для нас, как правило, замалчиваемой, но их выявление необходимо для коллективного самосознания. Обе эти школы имеют, однако, и сегодня своих чрезвычайно усердных представителей.

— Готовы ли мы очистить от лжи нашу историю? Вспомним, что происходило после выхода книги Яна Юзефа Липского «Две отчизны, два патриотизма»...

— У подобного положения вещей несколько причин. Первая носит психологический характер. Никому не нравится, когда ему напоминают о некрасивых поступках из его личного прошлого. То же самое и с коллективным прошлым. Во-вторых, создание исторических, социологических, антропологических моделей — дело творческое, но в модели многие факты не вписываются. Живая история всегда богаче самой лучшей модели.

— Обычного человека мучает один дилетантский вопрос: имеет ли смысл история? Когда вы погружаетесь в историю, с чем вы встречаетесь — с кровавым хаосом, в котором кипят человеческие страсти? Или это во что-то выстраивается, в какой-то порядок?

— Этот вопрос на протяжении веков задавали себе самые разные ученые, философы и политики. Они искали ответ, пытаясь обнаружить в истории закономерности и, более того, законы, управляющие историей. Честно признаться, у меня весьма серьезные сомнения на-

счет не столько закономерностей, имеющих место в истории, сколько законов ее развития, например таких, к которым обращалась марксистская доктрина. Есть ли в этом какой-то смысл? Не знаю, но должен сказать, что, занимаясь изучением прошлого, я стал оптимистом. По существу на протяжении последних нескольких тысячелетий, а возможно и более — со времени появления homo sapiens — история была наполнена ужасными событиями. Но я вижу в этом процессе изменения, которые вселяют оптимизм. Взять хотя бы повышение ранга прав человека. Или изменение подхода к оценке войны как явления. Конечно, можно сказать, что мы в Польше еще во времена Варшавской конфедерации 1573 года гарантировали свободу вероисповедания почти всем, а в настоящее время этот постулат входит в рамки канонов цивилизованного мира. Меня не убеждает аргумент, что в Алжире опять погибла тысяча человек в результате фанатизма фундаменталистов, ибо мир, который объединяется, недвусмысленно выражает свое негативное отношение к таким событиям. А ведь когда Чингисхан убивал тысячи людей, это тоже вызывало ужас, но сам факт биологического истребления врагов не осуждался. Приведу здесь шутки ради еще один пример: когда двести лет тому назад вспыхнула Великая Французская революция, то во Франции творились чудовищные вещи. И что из этого вышло? Не прошло и двухсот лет, как во Франции стало уже немного лучше.

— *У вас нет ощущения, что оптимизм историка по определению горек, так как история отмечает лишь главные направления развития, но, как правило, не замечает того, что касается нас непосредственно, — отдельно взятого существования. Этот оптимизм, наверное, оплачен страданиями тысяч безымянных людей.*

— Это правда. Я отношусь к тому поколению, которое пережило II Мировую войну, а потом мрачные 40-50-е годы. Об этом трудно забыть, но было бы полезно искать позитивные явления. Может быть, они представляют собой лишь ложку меда в бочке дегтя. Но ради этой ложки меда стоит жить.

Времена чудовищного кризиса, в котором оказалась Европа в XIV веке, можно описывать, например, через гекатомбу Столетней войны. Но это также были времена, когда Боккаччо написал «Декамерон», Франсуа Вийон создал «Большое завещание», возникла польско-литовская уния, изменившая судьбу нашей части мира. Это были времена, когда жила и действовала Жанна д'Арк, остающаяся живым позитивным символом своей страны по сей день.

— *Есть ли у вас ощущение, что от того, что вы напишете, зависит существование целых поколений, которые придут после нас?*

— История — штука настолько сложная, что мы ее — как и космос — никогда до конца не познаем. Но я чувствую себя обязанным как можно глубже докапываться до истины о былых судьбах людей и уверен, что если мне это не удастся, то после меня это сделают, быть может, гораздо лучше.

— *Таким образом, история не может закончиться?*

— Во-первых, нет конца развитию человека. Нет конца и нашему познавательному любопытству и потребности в новой картине мира. Каждый вчерашний день становится историей, каждый сегодняшний — станет историей. А во-вторых — и это мне особенно интересно — развиваются исследовательские методы историка. Таким образом, возможно, когда-нибудь мы сможем определить, какого цвета были глаза у Ванды, которая не пожелала выходить за немца.

*Беседу вели Катажина Яновская
и Петр Мухарский*

Генрик Самсонович родился в 1930 г. в Варшаве, зав. кафедрой истории Средних веков Варшавского университета, в 1980-1981 гг. — его ректор. Автор многочисленных книг, в том числе: «Золотая осень польского средневековья», «Города и горожане в Польше до разделов», «Наследие средневековья», «Об истинной истории», «Мифы и легенды как исторический источник».

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Беседа с директором Института национальной памяти Л. Кересом
Сильвия Фролов о необычной краковской школе
К.Маслонь о польской прозе
О.Закиров: из воспоминаний
А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
Л.Колаковский об основах права
М.Выка о Станиславе Бжозовском
К.Модзелевский о новой книге Д.Бовуа
Я.Гондович о молодых литераторах
Г.Хлыстовский: действительно ли мы не издаем русских писателей?
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
О книге В.Тихомировой «Вторая Мировая война в польской прозе»
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.
Беседы **Сильвии Фролов** с М.Комаром, Я.Станишкис, А.Апплебаум

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского,
Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕКОМЕНДУЕТ
ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
И КРИТИКОВ

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

DIALOG

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE
KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

DWUTYGODNIK
ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

НОВАЯ
ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA
na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589

9 771508 558038

02